ВЗЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ

5

ЦЕНА 50 КОП.

„ЗИФ"

Оптово-розничный МАГАЗИН

„ТУРИСТ"

МОСКВА, Петровка, 5. ТЕЛ. 1-65-75

Российское О-ВО ТУРИСТОВ (РОТ)

ВСЕ для ТУРИЗМА, СПОРТА и ФОТО

ПРИЕМ ЗАКАЗОВ НА ПАЛАТКИ всех видов и размеров из материалов заказчиков и своего.

ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ алюминиевые и эмалированные фляги, альпенштоки, ледорубы, туристская обувь, рюкзаки и прочее снаряжение.

Литература по всем вопросам ТУРИЗМА, СПОРТА И ФОТО.

Иногородние заказы выполняются по получении 20% задатка, наложенным платежом.

СО ВСЕМИ ВОПРОСАМИ ОБРАЩАТЬСЯ по АДРЕСУ: Москва, 9. Петровка, 5. Магазин „Турист".

ПРИ МАГАЗИНЕ БЕСПЛАТНАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ ПО ВСЕМ ВОПРОСАМ ТУРИЗМА, СПОРТА И ФОТО.

1929 № 5

ВСЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ПУТЕШЕСТВИЙ
ПРИКЛЮЧЕНИЙ
ФАНТАСТИКИ
ОХОТЫ

Год издания

СОДЕРЖАНИЕ:

Обложка художн. А. Шпира. ▽ В снегах Лапландии. Очерки В. Белоусова, участника экспедиции «Следопыта» на оленях. ▽ Маракотова бездна. Фантастический роман А. Конан-Дойля (часть вторая). ▽ Сердце львицы. Рассказ А. Демезон. ▽ Остров гориллоидов. Научно-фантастический роман Б. Турова (продолжение). ▽ Бобровые истории: Бобр Мике. Очерк Г. М. В бобровой стране. Очерк В. Сытина. ▽ Галлерея колониальных народов мира: Бушмены. Очерк к таблицам на 4-й странице обложки. ▽ Обо всем и отовсюду. ▽ Шахматная доска «Следопыта».

Гос. Акц. Изд. О-во
Москва —

„Земля и Фабрика"
— Ленинград

1929 г.

ЧТО НУЖНО ЗНАТЬ ПОДПИСЧИКУ ВЫПИСЫВАЮЩЕМУ ЖУРНАЛЫ ИЗДАТЕЛЬСТВА «ЗЕМЛЯ и ФАБРИКА» НА 1929 ГОД

1. Во избежание разных недоразумений и в целях скорейшего получения журналов надо высылать подписную плату непосредственно в Изд-во—Москва, ул. Герцена, 12/а—и не забывать в купоне перевода указывать почтовое отделение, куда должен направляться журнал, а затем подробный адрес (неуказание почтового места вызывает невозможность высылки изданий).
2. Точно указать, на какой журнал посланы деньги, по какому абонементу, на какой срок, и при подписке в рассрочку указывать: «В РАССРОЧКУ».
3. При всех необходимых обращениях в Издательство, как-то: при высылке доплаты, о неполучении отдельных номеров и т. п.— ПРИЛАГАТЬ АДРЕСНЫЙ ЯРЛЫК, по которому получается журнал.
4. Заявления о неполучении отдельных номеров присылать не позднее получения следующего номера, иначе наведение справок в Почтамте будет затруднено, и заявление может оказаться безрезультатным.

Для ускорения ответа на ваше письмо в Издательство «Земля и Фабрика» каждый вопрос (о высылке журналов, о книгах и по редакционным делам) пишите на отдельном листке. При высылке денег обязательно указывайте их назначение на отрезном купоне перевода.

ОТ КОНТОРЫ «ВСЕМИРНОГО СЛЕДОПЫТА»:

О перемене адреса извещайте контору по возможности заблаговременно. В случае невозможности этого перед отъездом сообщите о перемене места жительства в свое почтовое отделение и одновременно напишите в контору журнала, указав подробно свой прежний и новый адреса и приложив к письму на 20 копеек почтовых марок (за перемену адреса).

ПРИЕМ В РЕДАКЦИИ:
понедельник, среда, пятница—с 3 ч. до 5 ч.

Рукописи размером менее 1/2 печатного листа не возвращаются. Рукописи размером более 1/2 печатного листа возвращаются лишь при условии присылки марок на пересылку.

Рукописи должны быть четко переписаны на одной стороне листа, по возможности на пишущей машинке. Вступать в переписку по поводу отклоненных рукописей редакция не имеет возможности.

БЕРЕГИТЕ СВОЕ И ЧУЖОЕ ВРЕМЯ! Все письма в контору пишите возможно более кратко и ясно, избегая ненужных подробностей. Это значительно облегчит работу конторы и ускорит рассмотрение заявлений, жалоб и т. д.

АДРЕС РЕДАКЦИИ «ВСЕМИРНОГО СЛЕДОПЫТА»
Москва, центр, Пушечная, Лубянский пассаж, пом. 63. Тел. 34-39.

АДРЕС КОНТОРЫ
Москва, улица Герцена, 12/а
Телефон 54-01.

ТАРИФ ОБЪЯВЛЕНИЙ в ЖУРНАЛЕ:

1 страница — 325 р.; 1/2 стр. — 175 руб.; 1 строка — 1 р. 10 к.

Сверх того—10% госналога

ПРИ МНОГОКРАТНОМ ПЕЧАТАНИИ СКИДКА ПО СОГЛАШЕНИЮ.

ЖУРНАЛ ПЕЧАТАЕТСЯ В ТИПОГРАФИИ «КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ», МОСКВА, КРАСНОПРОЛЕТАРСКАЯ, 16. ГЛ. № А—38873 Т. 135 000.

В снегах Лапландии

Очерки **В. Белоусова** Рисунки худ. **Д. Горлова**

В. Белоусов.
До экспедиции).

I

Советы специалистов. — Энтузиасты и скептики. — Стадо в сто голов. — Совещание краеведов. — Мох, который нужно щипать руками. — Почему мы не поехали в Москву на оленях.

Когда у редакции «Всемирного Следопыта» возникла мысль организовать рейд оленьей упряжки с одной из северных окраин Советского Союза в Москву, для консультации были привлечены виднейшие московские специалисты по Северу. Специалисты отнеслись к рейду очень сочувственно. Их советы носили самый оптимистический характер. Эти советы заставили редакцию выбрать отправной точкой Мурманск, как самый удобный пункт для оленьего похода на Москву, уверили ее в том, что большую часть маршрута упряжка пройдет на подножном корму, и только под самой Москвой придется устроить несколько кормовых баз, для которых легко можно будет приобрести олений мох на Кольском полуострове. К тому же несколько восторженных писем было получено и из самого Мурманска от достаточно солидных учреждений.

Короче говоря, наказ редакции «использовать все возможности, чтобы приехать в Москву на оленях», к моменту нашего отъезда в Мурманск звучал для всех нас так: «Всего хорошего! Через месяц встречаем на Ленинградском шоссе».

Прибыв в Мурманск, мы немедленно побывали у многих местных людей. Некоторые из них прежде переписывались с редакцией по вопросу об организации оленьего рейда, других нам указали. И в первый же вечер перед нами предстал замечательнейший калейдоскоп мнений.

Д. Горлов.
(До экспедиции).

Первый наш визит был к тов. Т. Осенью он писал в Москву, что большая поездка на оленях с дальнего Севера к центру Советского Союза — мечта его жизни. После вызова «Следопыта», как ему кажется, мечта начинает обрастать плотью. Он настолько воодушевлен, что готов бросить все — и семью и работу — только бы ехать. Да, тов. Т. очень воодушевлен. Этот маленький полный человек с кустиками усов, растущих прямо из-под складок розовых пухлых щек, и во сне и наяву живет оленьим рейдом. Он даже забросил свою фотолабораторию.

Своим энтузиазмом он заразил и нас. Наша беседа начинается весьма бодро. Но скоро тон ее значительно спадает. Оказывается, достаточно нескольких вопросов «в корень», чтобы убедиться, что воодушевление тов. Т. основано лишь на его собственных прекрасных чертах: необыкновенной жизненной бодрости и кипучем темпераменте. Все его сметы и проекты оказываются лишенными оснований: они — продукт вдохновения искреннего и блестящего фантазера. Тов. Т. с завидной образностью рисует нам картины привалов в лесу, торжественных въездов в города и села под звуки оркестров и под восторженные аплодисменты зрителей, — картины той славы, которая ожидает нас в красной столице, но он пасует на вопросах корма, организации промежуточных баз, маршрута, вознаграждения проводников. Обо всем этом он вел когда-то переговоры с местными жителями, но резуль-

татов они не дали никаких. И те фантастические сведения и цифры, которые вдруг обрушиваются на нас из румяного ротика этого сорокалетнего ребенка, заставляют нас в панике бежать.

Случайно от тов. Т. мы попадаем в Госторг. Там сидят умудренные опытом мужи, большие скептики. Они берут лист бумаги и что-то долго на нем вычисляют. На бумаге возникают цифры, из которых явствует, что для того чтобы отправиться в Москву, нам нужно гнать с собой стадо оленей этак голов в сто! Десять из них дойдут... Потом с большой ученостью на лицах госторговцы повествуют нам о восьми проводниках-оленеводах, которым надо заплатить по тысяче каждому (!), об аренде целого товарного поезда для ягеля, о штате ветеринаров и о шестимесячном путешествии до Москвы...

Золотую середину мы нашли в лице заведующего Мурманским музеем краеведения тов. М. Посоветовавшись с ним, мы решили собрать специальное совещание, где бы встретились оба лагеря — и энтузиасты и скептики — и где бы с компетентной помощью представителей Мурманского общества краеведения можно было бы выяснить все вопросы организации оленьего рейда Мурманск-Москва.

Это совещание собралось на следующий день, и на нем решилось все. Прежде всего сомнение вызвала выносливость оленей. Лапландские северные олени — это не то, что их зауральские родственники, и даже здесь, на Кольском полуострове, пробежав километров 80—100, они нуждаются в длительном отдыхе. Но собрание решило, что если иметь достаточное количество запасных оленей и не спешить, — добраться до Москвы можно. Для ухода за оленями необходимы два опытных лопаря-оленевода. Подыскать их — вопрос серьезный, потому что редкий лопарь будет хорошо ухаживать за оленями, ему не принадлежащими. Он легко может их загнать или оставить голодными. Но и это затруднение, конечно, разрешимо.

Самое же главное, что на собрании обсуждалось, это вопрос корма. Олени питаются только белым мохом — ягелем. Зимой они сами выкапывают его из-под снега. Но он растет далеко не везде На Кольском полуострове его много, и найти хороший ягельник не трудно, хотя и здесь лопари, отправляясь в новые места, старательно расспрашивают бывалых людей, чтобы знать, где покормить оленей. Если же в данной местности никто не бывал, лопарь откажется от поездки; ведь оленей надо кормить часто: через каждые 30—40 километров, а в неизвестной местности на сотни километров могут тянуться болота, среди которых не будет и кустика ягеля.

Чем ближе к югу, тем меньше становится ягеля. Но если бы его было достаточно на протяжении всего маршрута, то и в этом случае ехать можно было бы, лишь точно зная расположение хороших ягельников. Большинство лопарей не ездило на оленях южнее Кардалакши. Только некоторые из них бывали в Кеми и то давно. Никто из них не берет на себя ответственности за упряжку, которая попытается двигаться дальше к югу. И с полным основанием: южнее Коми ягельники так редки, что лишь счастливый случай позволит оленям найти их под толстым покровом снега. А достаточен перерыв в кормежке на полдня, чтобы рейд был сорван. Многие из присутствовавших на заседании указывали на большие лесные пожары в районе Мурманской железной дороги, которой нам пришлось бы держаться. Эти пожары сильно изменили облик карельских лесов, и от них могли погибнуть многие ягельники.

Выяснив, что на подножный корм рассчитывать нельзя, мы поставили перед собранием вопрос о возможности предварительной заготовки ягеля и устройстве кормовых баз по нашему маршруту. Из обстоятельных ответов краеведов определилась следующая картина. Ягель собирать можно только «непосредственно» — выщипывать руками. Местные жители заготовляют ягель для коров, для овец, для домашних оленей, но лишь в незначительном количестве. Осенью, перед заморозками лопарские женщины ползают по высоким боровым местам на коленях, выдергивают мох и складывают его здесь же в лесу кучками. Когда ударят первые морозы, собранный ягель смерзается, и такими смерзшимися

кубышками его перевозят на санях к дому.

Но так можно собрать килограммов сто. А нам сколько нужно? Ловозерская оленеводческая станция проводила опыты над кормежкой оленей. Оказалось, что не работая, в стойловом состоянии олень съедает в день 14—16 килограммов ягеля. Это — норма, которая только поддерживает его существование. Простой подсчет показывает, что для нашего полуторамесячного (в лучшем случае) рейда, для тридцати необходимых оленей, которые будут работать по многу часов в сутки, нам нужно заготовить свыше двадцати тонн белого моха. Какую же громадную подготовительную работу необходимо провести, прежде чем приступать к самому рейду? Сколько лопарок должны будут ползать на коленях по лесам и тундрам Кольского полуострова, чтобы собрать всю эту уйму моха? Сколько саней должны будут подвозить собранный ягель к железной дороге? Наконец, сколько хороших пастбищ пропадет, если мы решимся на такое расточительное предприятие? Даже если ни одно из указанных обстоятельств нас не испугает, то ведь теперь зима, и ягель скрыт полутораметровым слоем снега.

Что было возразить на все это? — Только то, что не все «специалисты по Северу» являются таковыми. Какой фантастикой предстали теперь перед нами указания наших московских ученых консультантов!

И в ответ на наши телеграммы и протоколы редакция «Всемирного Следопыта» сообщила: «Рейд отменить. Разработать совместно с обществом краеведения интересный маршрут по Кольскому полуострову и проделать его...»

Позднее в Ловозере мы присутствовали на собрании бедняков-оленеводов. Когда оно окончилось, мы попросили остаться нескольких ижемцев, самоедов и лопарей, рассказали им о проекте «Следопыта» и предложили дать нам свои советы и указания. Представители трех национальностей отнеслись к проекту рейда одинаково сочувственно. Развернулись самые оживленные прения. И результат их был совершенно аналогичен результату мурманского заседания.

Олени не могут обойтись без ягеля. Рассчитывать на подножный корм невозможно. Без кормовых баз ехать нельзя. Необходимо «щипать» двадцать тонн моха. Но кто согласится выщипать тундру и оставить свои стада без корма?..

* * *

В выработке маршрута по Кольскому полуострову Мурманское общество краеведения нам сильно помогло. Было намечено два варианта возможных маршрутов. Один из них захватывал центральную и восточную части полуострова и Терский берег Белого моря. Другой шел на запад—в дикие, неисследованные районы Лапландии, лежащие на границе Советского Союза и Финляндии.

Восточный маршрут — маршрут известный. По нему проехала не одна экспедиция. В центре и на востоке полуострова в больших селах - погостах живут богатые ижемцы и лопари, которые занимаются оленеводством, то-есть отпускают своих оленей пастись где-нибудь в тундре, а сами сидят дома и пьют чай. Единственно, что говорило в пользу первого маршрута, так это посещение Терского берега. На нем — интересные промыслы и своеобразное в этнографическом отношении население.

Западный маршрут — маршрут неизвестный. Там на сотни километров тянутся места, где не было ни одной экспедиции, — настоящие «белые пятна». Там есть горы более 1000 метров высотой и озера в десятки километров длиной, не нанесенные на карты. Население этих мест — одинокие лопари и финны-охотники, которые живут в крошечных охотничьих избушках и на месяцы уходят на лыжах в леса и горы в поисках пушных зверей; они с успехом могут быть названы «лесными людьми».

Мы выбрали западный маршрут: «Следопыту» не пристало итти по проторенным дорогам. Он должен быть там, где дико, неизведанно, где можно встретить большие неожиданности. Он должен быть пионером.

Маршрут был установлен следующий: Мурманск — посещение Александровска — Пулозеро (лопарский поселок на Мурманской железной дороге) — Ловозеро (са-

мый большой погост центральной Лапландии) — Половинк (поселок на восточном берегу озера Имандра) — Монче-губа (охотничья избушка на западном берегу Имандры) и дальше на запад, к финской границе, в неисследованную область...

II

Зимнее полярное небо. — Заснувший порт. — Мурманск — город-гриб. — «По лопарям». — Человек, который просит дать ему по шее. — По фиорду на промысловом боте. — Родился человек. — Бой на льдине.

Тов. К., сотрудник Александровской биостанции, похожий на гнома в своей ушастой шапке колоколом и в больших кожаных рукавицах, убедил нас включить в маршрут Александровск — самый северный город Советского Союза. Ехать туда нужно Кольским заливом. Но зимой пароходы из Мурманска уходят лишь раз в месяц, и нам удобнее воспользоваться каким-нибудь попутным рыбацким ботом. Чтобы найти его, мы идем в порт.

Сейчас декабрь. А в декабре в Мурманске много интересного. В декабре здесь не восходит солнце. Оно только дразнится, оно проходит где-то совсем близко под горизонтом, и в полдень кажется, что оно вот-вот взойдет. В декабре светает в десять и темнеет в два. И в короткий декабрьский день над городом раскинуто удивительное небо. Оно кажется то перламутровым, то сотканным из причудливых цветных облаков, то сложенным из тех редких самоцветов, которыми засыпаны склоны величайших гор Лапландии — Хибин. Изумительными красками загорается небо. Изумрудный, золотисто зеленый, оранжевый, синий, голубой, фиолетовый тона широкими полосами протягиваются по нему, играют, переливаются нежнейшими нюансами.

В декабре вокруг Мурманска огромными сугробами вспухают старые, растрескавшиеся, рассыпавшиеся на груды обломков скалы. На их кручах мягкий чистый снег прорван острыми углами камней. Словно кто-то ножом кромсал снежные склоны гор и вырезал в них эти ломанные черные треугольники и многогранники.

Среди снега незамерзшая вода залива и порта кажется грифельно черной. По заливу плывут маленькие льдинки, у берегов отстаивается хрупкое ледяное сало. Когда поднимается ветер и на берег начинают вереницами набегать густые черные волны, — брызги замерзают на камнях и галечнике тонкой скользкой ледяной корочкой.

В порту, нахмурившись, стоят большие черные пароходы. Их палубы засыпаны снегом. Лохматыми шапками он виснет на крышах рубок, на рулевых будках, заваливает выходы из кают. Обмерзли борта, и на крутых боках пароходов лед налип целыми пластами. Большой пловучий док со всех сторон обвешан сотнями сосулек — настоящими ледяными сталактитами.

У засыпанного снегом порта очень сонный вид. Его одолела тяжелая зимняя спячка, и обмерзшие пароходы кажутся беспомощными, ослабевшими и покинутыми. Когда какой-нибудь из них начинает выбрасывать из трубы медленные черные клубы дыма, отчаливает и уходит из порта, кажется — будто это громоздкое существо было потревожено в своем сне и, недовольное, отправилось досыпать в другом месте.

В залив на высоких сваях вдвинулся деревянный помост. Здесь стоянка мелких судов. Всевозможные боты, парусные и моторные, одномачтовые и трехмачтовые, стоят, причаленные к толстым тумбам или к пловучим, бултыхающимся в волнах как дельфины причальным буям. На ботах никого не видно. Лишь на одном в каюте топится печка, и искры вместе с дымом летят из трубы. Мы останавливаемся против него и кричим:

— Эй, там, на боте!

Дверца каюты открывается, и на палубу поднимается человек. У него кривые ноги, как будто надломанные в коленях, и очень длинные руки. Туловище его наклонено вперед, и кажется, что на ходу он упирается руками в пол. Мы быстро сговариваемся. Завтра бот идет в Александровск и захватит нас. Нам только нужно получить разрешение капитана порта.

Мы идем обратно в город. Темнеет. На пароходах, на маяках зажигаются огни. Яркие электрические фонари гор т в городе, и совсем крошечные, еле заметные светлые точки мигают с проти-

воположного берега залива. На потемневшем небе чувствуется движение: в разных краях его полощутся неясные световые пятна, а на севере время от времени появляется слабая серозеленая дуга сполохов и быстро исчезает. Исподволь начинается пурга. «Идет пыль» — как говорят мурманцы.

Мурманск — город с короткой историей. Совсем недавно центром всего округа была Кола. Теперь — это тихое северное село в одиннадцати километрах отсюда на юг по заливу. На месте Мурманска был лес и несколько землянок рыбаков. Сюда в теплые летние вечера приезжали на лодках из Колы жители собирать морошку. И не раз случалось, что, углубившись в лес, они вдруг бросали свои корзинки и сломя голову бежали обратно к лодкам, потому что за кустами их встречал медведь.

В то время здесь не было железной дороги. Чтобы добраться до Колы, нужно было совершить длинное и трудное путешествие «по лопарям», поперек всего Кольского полуострова. Летом здесь пробирались на лодках по озерам, вытянувшимся сплошной вереницей от Кандалакши до Колы, а по тайболам — междуозерьям — шли пешком по гатям и мосткам, проложенным через болота. Зимой проделывали тот же путь на оленях. Тогда здесь еще не было саней. Ездили в кережках — длинных узких лодках с килем, превращенным в единственный полоз. В такую кережку запрягался один олень, и каждый седок должен был сам править. Если где-нибудь на озере кережка попадала в подмокший снизу снег, она безнадежно застревала, и приходилось вылезать из нее прямо в воду и вместе с оленем тащить этот первобытный экипаж.

Железную дорогу провели здесь в четырнадцатом году. Тогда война закрыла балтийские и черноморские порты, и у России оставался один выход в море — незамерзающий Кольский залив. Построили Мурманскую дорогу в один год. Эта необыкновенная быстрота стоила многого, и не даром здесь говорят, что «Мурманка» проложена не по шпалам, а по человеческим костям. Непривычные к полярным условиям рабочие гибли сотнями. Самым страшным бичом были комары. Вот что рассказывал нам один из уцелевших рабочих, теперь мурманский житель:

«— Это было настоящее бедствие — эти комары. Ни ночью, ни днем мы не знали от них спасения. Сеток нам не полагалось и не позволялось даже отмахиваться от надоедливых насекомых, потому что это замедляло бы работу. И вот держишь обеими руками тяжелую рельсу и чувствуешь, как комары облепили шею и лицо и сотнями жал впиваются в кожу. От боли и зуда плачешь. Проходит мимо рабочий — просишь: «Дай, товарищ, по шее». Он размахнется, ударит ладонью, и вся

Мы спускаемся по отвесной обледенелой лестнице с помоста в крошечную, почти круглую шлюпку...

рука у него в крови. Самых терпеливых комары доводили до истерики. А бывали случаи — опухнет человек как бочка, лежит и двинуться не может».

Чтобы не терять времени, рабочим не позволялось далеко отходить и прятаться при подрыве скал. Заложив один динамитный патрон, подрывники должны были в нескольких метрах от горящего шнура тотчас же начинать бурить яму для нового патрона. В результате — тысячи калек.

Еще быстрее, чем дорога, выросли порт и город. Еще и сейчас дома в Мурманске стоят без всякого порядка, вразброд, так же стихийно, как строили их в спешке пятнадцать лет назад. И если на некоторых домах можно видеть дощечки с названиями улиц, то это только похвальные, но безнадежные попытки мурманцев доказать, что «и они как люди».

На другой день нагруженные вещами, с лыжами в руках мы спускаемся по отвесной обледенелой лестнице с помоста в крошечную, почти круглую шлюпку. Борта ее и скамейки покрыты толстой коркой льда, а на дне много воды.

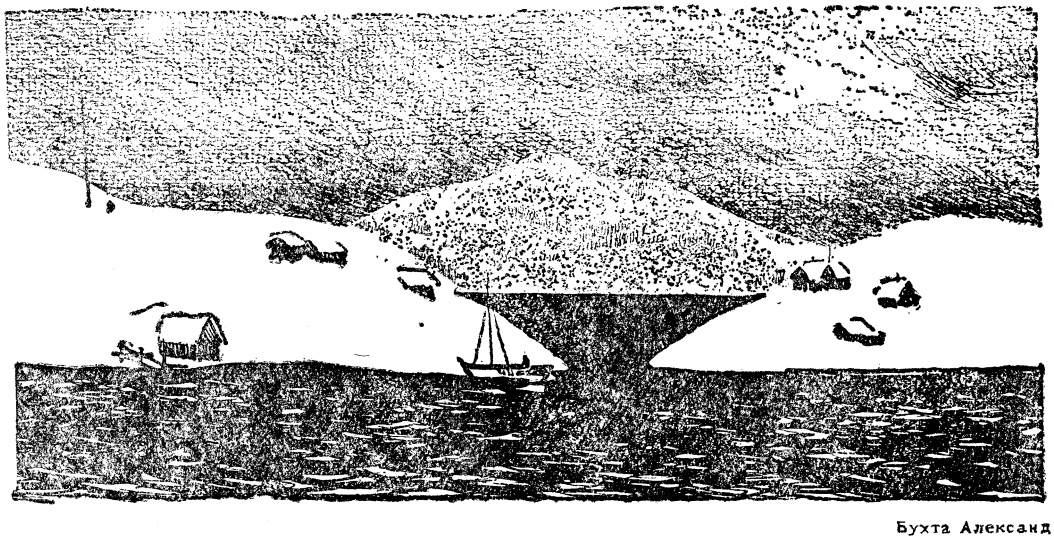
Подходим на веслах к боту.

Палуба его оказывается до половины мачт заваленной кипами прессованного сена. Его везут по поручению александровского кооператива.

Мы отчаливаем уже в темноте. Вода в заливе кажется совсем аспидной, и такое же аспидное пасмурное и низкое небо шапкой накрывает нас сверху. В черноте неба и воды видны лишь высокие береговые скалы, покрытые снегом. Их очертания неясны, и часто берега кажутся белым дымом или легким, чуть заметным туманом.

Кольский залив — это фиорд. Когда-то здесь была высокая горная страна: остатки ее видны в полуразрушенных скалах, в огромных каменных глыбах и россыпях, которыми завалена вся северо-западная часть советской Лапландии. С гор спускались морщинистые языки огромных ледников. Некоторые из них шли на юг, образовывая те гигантские ледяные поля, которые покрывали в ледниковый период почти всю европейскую часть нашей страны, а другие прокладывали себе дорогу через скалы к Северному Полярному морю. Одной из таких дорог и был Кольский залив, глубокий и узкий, похожий на большую реку. В скалах его прогрыз, процарапал ледник, и обрывистые берега залива несут на себе многочисленные следы мощной первобытной борьбы льда и камня.

Рядом со мной садится на сено тот человек с кривыми ногами и согнувшимся туловищем, который вчера вел с нами переговоры. Теперь я не удивляюсь его странной манере держаться: постоянная борьба с морем, с качкой выработала ее. Этот человек — капитан бота. Он родился в океане, в зимний



Бухта Александ

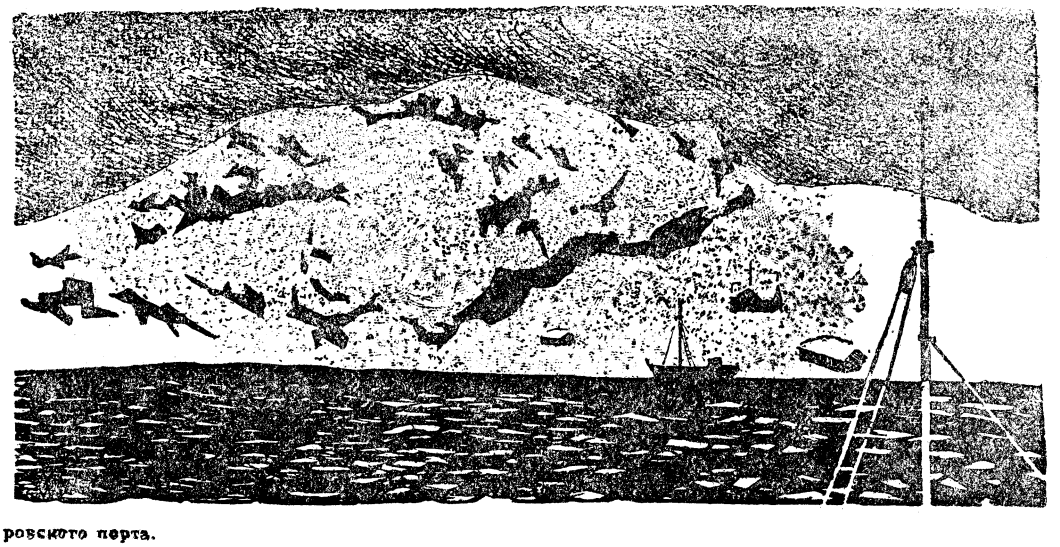
шторм, у берегов Новой Земли. Ему рассказывали, что тогда ураган свирепствовал сорок суток под ряд, их «шняка» была превращена в груду обломков. Рухнули все мачты, обрушилась палуба, руль был исковеркан. Из десяти человек пять было смыто волнами. Это было давно, и на шняке находились люди, которые говорили, что нужно бросить в океан только что родившегося на судне ребенка, чтобы умилостивить бурю.

Бесформенную груду бревен и досок вместе с уцелевшими людьми ураган выбросил на большую льдину. Шесть суток льдину несло на север, и за это время погибли от холода еще трое рыбаков. Когда льдину прибило к мысу Утешения, на севере Новой Земли, в живых оставались мужчина, женщина и ребенок. У женщины были отморожены ноги, и она не могла итти. Из обломков шняки мужчина сделал лыжи, завернул ребенка в полушубок матери и, привязав его на спину, ушел на юг. Женщина осталась на льдине. Без пищи и огня полярной ночью мужчина прошел по льду триста километров и добрался до самоедского становища. И он и ребенок остались жить...

Океан до сих пор продолжал испытывать человека, родившегося так необычно: нашему капитану везло на штормы. Не далее как этой осенью его выбросило на камни против Иоканьги, и ему пришлось вплавь выбираться на берег. Однажды его нагруженный рыбой бот унесло бурей от Мурманского берега к Канину Носу, оттуда бросило на юг — к Поною, к острову Моржовцу, и вместо того чтобы вернуться после лова к себе в Александровск, он попал в Мезень...

С моря дует ветер, идет снег, снова начинается пурга. На палубе становится холодно и мокро. Но капитан привык и к холоду и к воде — он продолжает сидеть, покуривая махорку, а нам не хочется итти в каюту, потому что там душно и сильней качает. Мы раскапываем сено, зарываемся в него ногами и глядим вперед. Из пурги перед нами возникают все новые и новые громады покрытых снегом береговых скал.

Сзади в заливе показываются красный и зеленый огни. Скоро большое черное судно в темноте проходит мимо, обгоняя нас. Это—ледокол. Он идет в океан на зверобойный промысел. Где-нибудь у острова Колгуева или Вайгача, далеко на востоке он встретит большие ледяные поля с залегшим на них морским зверем. Там будут стада тюленей в десятки тысяч голов. Тогда промышленники наденут белые халаты, спустятся на лед и с винтовками в руках длинной шеренгой начнут наступление. Звери не будут видеть людей в их защитной одежде, выстрелы их не испугают, и они позволят бить себя в упор. Ни одна пуля не пропадет даром. Шаг за шагом



ровского порта.

будут двигаться люди, и за ними на льду останутся сначала десятки, потом сотни и тысячи трупов зверей. Раненых животных промышленники добьют тяжелыми железными палками с литыми шарами на концах. Одним ударом такой палки опытный зверобой легко проламывает череп тюленя. Весь лед кругом зальется кровью, из расколотых черепов вывалятся мозги, а теплая кровь впитается в лед, растапливая его, и в этом месиве льда и крови будут вязнуть ноги.

Грохот выстрелов и промысловый азарт опьянят зверобоев. Ничего не видя перед собой кроме грузных тюленьих туш, они станут выпускать обойму за обоймой; с налитыми кровью глазами будут размахивать страшными железными палками.

Потом на ледоколе примутся свежевать тюленей. Палуба зальется кровью и салом, в крови выпачкаются белые халаты зверобоев, их руки и лица. Отвратительный запах тюленьего жира, звериной крови и растерзанных внутренностей пропитает все судно. И когда, наконец, ледокол уйдет с места побоища, лед и вода окрасятся в розовый цвет...

Чем ближе к морю, тем сильнее дует ветер и вместе с ним усиливается качка. Короткий широкий бот встает совсем на-дыбы, когда под него подкатывается волна. Потом он сразмаху шлепается вниз, и из-под его носа летят в нас подхваченные ветром лохмотья воды. Мороз дает себя знать. Засунув ноги в щель между тюками сена, я стараюсь шевелить ими возможно энергичней, а Горлов неподалеку от меня усиленно хлопает руку об руку. Наконец он не выдерживает, вскакивает на сено и принимается отплясывать чечотку.

Налево ярко загораются огни биостанции. Но мы еще в продолжение двух часов обходим длинный Екатерининский остров, закрывающий вход в гавань. Этот остров можно обойти только с одной стороны, с другой он отделен от материка такой мелкой «переймой», что в отлив в ней обнажается дно.

Совсем обледеневшая шлюпка высаживает нас на берег, и мы во всю прыть бежим по узкой, заваленной сугробами снега тропинке, проведенной по карнизу крутой скалы, тщетно пытаясь согреться. Продрогшие, мы слишком хорошо чувствуем разницу между летним и зимним мореплаванием, и работа рыбаков зимой в океане в шторм, в брызгах ледяной воды, в пурге, нам кажется героической.

III

Морская «нечисть». — «Погань-наволоки». — Подводные акробаты и обезьяны.—Убежденные самоубийцы. — Рейс во тьму и шторм. — Борьба течений. — Мы на полярном острове.

Когда в сеть рыбака попадаются странные животные без головы, с круглым туловищем и извивающимися щупальцами, или зеленая полупрозрачная слизь, которая живет и шевелится на дне лодки, рыбак торопится выбросить обратно в море всю эту бесполезную добычу. Невольно он чуть-чуть побаивается этих непонятных существ, всей этой морской «нечисти». Ему вспоминаются старые рассказы о «погань-наволоках»,—местах, где, как говорят, водилось множество опасных морских червей. Они нападали на каждое проходившее судно, впивались крепкими челюстями в его обшивку, прогрызали ее, и изрешеченное тысячами мельчайших дырочек судно шло ко дну. Чтобы обойти эти опасные места, рыбаки должны были выволакивать на берег свои шняки и боты и на катках перетаскивать их через наволок.

Один такой легендарный «погань-наволок» есть и в Кольском заливе, у самого выхода в океан. И как будто нарочно совсем близко от него разместился на скалах крошечный городок Александровск со своей биостанцией, предмет изучения которой море и прежде всего своеобразный животный мир моря—как раз вся та ползающая и плавающая мелкая морская «нечисть» и «погань», которая подчас так смущает рыбаков.

На станции «погань» сидит надежно закупоренная в банках со спиртом, наполняет аквариумы и, разрезанная на тонкие препараты, ложится на предметные стекла микроскопа. В лабораториях станции все эти удивительные бесскелетные, безголовые и безногие, своей формой противоречащие всем нашим представлениям о живом организме существа становятся понятными. Их место

среди бесконечно разнообразных животных, населяющих земной шар, точно определено.

И как интересно и необычно живет весь этот своеобразный мир беспозвоночных! Вот, например, морская звезда. У нее нет того, что мы могли бы назвать глазами. Но, ползая по песку на дне моря, она находит раковину съедобного слизняка, медленно подбирается к ней, хватает ее сильными щупальцами, потом приподнимается на щупальцах, как на ногах, прижимает раковину ко рту, медленно открывает ее, и слизняк исчезает в объемистом желудке звезды. Они очень ловки, эти морские звезды, и в поисках пищи часто проделывают настоящие акробатические упражнения в роде балансирования на одном щупальце или перекатывания колесом.

А вот офиуры—эти обезьяны подводного мира. У них длинные гибкие щупальцы-руки; цепляясь ими за подводные камни, за водоросли и кораллы, то повисая, то делая большие прыжки, они проворно, по-обезьяньи путешествуют по морскому дну. Когда же неопытный натуралист схватит это любопытное животное за «руку», она останется у него в пальцах, а само животное, как ни в чем не бывало нырнет обратно в прохладную глубину.

В здешних полярных водах живут принесенные Гольфштремом из теплых морей красивейшие морские лилии — оранжевые коматулы. Помещенные в сосуд с пресной водой, они кончают жизнь необыкновенным самоубийством: сразу распадаются на множество мелких кусочков.

Здесь живут и загадочные морские огурцы — голотурии, которые заглатывают широким ртом песок в надежде найти в нем что-нибудь съестное, а если к ним неожиданно прикоснуться, они выплевывают наружу все свои внутренности. Здесь есть чистоплотные морские ежи, на теле которых без устали работают маленькие скребочки, счищая с него весь сор.

Благодаря теплому течению Полярное море у Мурманского берега не замерзает круглый год. Благодаря тому же течению здесь живет множество морских животных, нигде в других местах так далеко на север не заходящих. И вести наблюдения над миром моря на стыке теплой воды из Атлантики и ледяной из моря Баренца необыкновенно интересно.

В море резко вырисовываются белые шхеры, такие же костлявые, как и наш остров...

Биостанция стоит на мысу, который в сильный прилив превращается в остров. Тело мыса—дикая, первобытная, вся растрескавшаяся скала. Уступами «бараньих лбов», выточенными ледником, она круто спускается к воде, и прибой гладко облизал ее бока. Скала так узка и неровна, что на ней сначала выложили высокие фундаменты из больших камней, а потом уже на них построили

здания биологической станции. От дома к дому ходят здесь по досчатым настилам, перекинутым через глубокие трещины и расщелины в скале.

За мысом—материк. Там тоже камень, такой же дикий, древний, изломанный. Он громоздится огромными грудами, высокими угловатыми холмами, похожими на развалины. Как будто пронесся над страной страшный ураган, разрушил, разметал на осколки высокие скалы и какие-то грандиозные каменные сооружения и, побросав все в беспорядке, умчался дальше.

Зимой на заваленную каменными обломками тундру накинуто толстое снежное одеяло. Большими рваными лохмотьями снег виснет на скалах над самым заливом. И это необыкновенное сочетание лохматого девственного снега и незамерзающей черной воды поражает на Мурмане больше всего.

Чтобы изучить море, чтобы лучше проникнуть в его темные глубины, четыре раза в год специальное судно биологической станции уходит из Кольского залива. Оно идет прямо на север, пересекает теплое Нордкапское течение, потом поворачивает на восток и с меридиана горла Белого моря возвращается обратно. Четыре раза в год оно чертит в Полярном море точно установленный треугольник. По пути оно останавливается через каждые тридцать географических минут, и специалист-гидролог производит серию наблюдений, которая называется океанографическим разрезом. Он измеряет глубину моря, температуру воды на разных расстояниях от поверхности, берет пробы воды для определения ее химического состава. Тяжелая драга соскребывает со дна придонных животных, а большие сетки вылавливают то, что в науке известно под названием планктона и нектона: все те крупные и микроскопические организмы, которые во множестве плавают в морской воде и течениями и ветром переносятся из одного конца моря в другой.

Летом над Полярным морем не заходит солнце. Неделями стоит тихая погода, и тогда рейсы гидрологического судна нередко становятся для команды и ученых увлекательнейшими морскими прогулками. Совсем не то зимой. Как раз в месяцы рейсов—в декабре и марте — в северных морях свирепствуют отчаянные штормы. А когда судно зимой переходит семьдесят третий градус северной широты, оно попадает во тьму: севернее семьдесят третьего градуса в декабре нет даже зари, ночь продолжается круглые сутки.

В прошлом году в декабре судно станции достигло семьдесят девятой параллели. Оно прошло на север тысячу километров и находилось на широте Земли Франца Иосифа. Вся эта тысяча километров была наполнена тьмой и штормом. Темнота не позволяла определить точно положение судна, а шторм делал тщетными все попытки гидролога произвести полную серию наблюдений, и гидролог был в отчаянии. Судно шло на север, чтобы уйти из полосы шторма, но в ту неделю шторм захватил, должно быть, все Полярное море.

На семьдесят девятой параллели судно получило радио. Ледокол «Красин», находившийся всего на тридцать минут севернее, сообщал, что вокруг него ледовитость десять баллов. Только тогда судно изменило свой курс. Но оно не повернуло обратно: оно пошло на восток, чтобы, невзирая на шторм, замкнуть тот треугольник, который оно обязано было пробороздить в море. И в продолжение всего этого похода так же точно, как и обычно, повторялись остановки через каждые полградуса.

В результате морских наблюдений появляются любопытнейшие диаграммы разрезов. Если понимать их простой язык, можно легко проследить на них интересную борьбу теплого и холодного течений, разыгрывающуюся у берегов Мурмана.

Теплое течение — Гольфштрем — приходит сюда мимо берегов Норвегии. Холодное — идет с северо-востока, от Новой Земли. Они сталкиваются как раз против Кольского полуострова. Холодное течение напирает. Гольфштрем защищается. Под ударами студеной полярной воды мощное теплое течение раскалывается на четыре ветви. Они очень упорны. Борясь с холодным течением, теплые ветви проходят на восток еще на сотни километров и погибают, лишь немного

не дойдя до Новой Земли. Они пользуются малейшей лазейкой, чтобы проскочить как можно дальше. И на диаграммах биостанции видно, к каким хитростям иногда прибегает теплое течение: то-и-дело его ветви меняют направление, ширину и быстроту, иногда широко растекаются по самой поверхности моря, а иной раз, собравшись плотной массой, смело бросаются в атаку. Они уходят в глубь, и часто вопреки законам физики ток теплой воды идет по самому дну. А с какой ловкостью теплое течение пользуется рельефом дна, всеми его выбоинами и ложбинами, чтобы по ним пробираться все дальше и дальше! И если Гольфштрем в конце концов все-таки не выдерживает натиска огромной массы ледяной воды, то погибает он во всяком случае с честью.

Пока мы затягиваем ремни, ветер пытается опрокинуть нас под откос...

Наблюдения Александровской станции имеют очень большое практическое значение. От температуры воды, от ее солености, от быстроты течения зависит ход рыбы. А рыба — это главное, чем живет наш Север. Изучая законы моря, станция на смену обычаям и привычкам в рыбном промысле приводит науку. И наше Советское государство это ценит. Совсем недавно на средства, ассигнованные правительством, биостанция приобрела в Норвегии новое, прекрасно оборудованное судно для своих морских экспедиций.

* * *

Вечером мы ходили на Екатерининский остров. Мы миновали город — эти несколько десятков маленьких домов, прилипших к скалам, перешли по мосту перейму и по скользкой тропинке поднялись на скалистую костлявую спину острова. Тропинка кончилась наверху, у будок с метеорологическими приборами. Но мы прошли дальше, перевалили через кряж и, глубоко увязая в снегу, спустились к морю. Здесь было дико и полярно. На берегу кучами громоздились большие, полуприкрытые снегом камни. Глядя на их странные, самые неожиданные положения, казалось, что они только что шевелились под снегом, силясь сбросить с себя тяжелый белый покров, неуклюже карабкались друг на друга, некоторые из них наполовину освободились, а теперь, обессилев, все заснули.

У камней шумит море. Твердыми холодными волнами оно набегает на берег, и вода в нем черна какой-то особенно густой, внутренней чернотой. Уже темнеет, и туманное небо опускается над морем все ниже и ниже. В море резко вырисовываются белые шхеры, такие же костлявые, как наш остров. Они иногда кажутся большими пловучими ледяными горами.

Сзади спускаются с кряжа наши глубокие следы. Кругом — никого. Только шумит море, шумит ветер, и на берегу спят под снегом тяжелые камни. Совсем нетрудно представить себе, что стоишь не на берегу Кольского залива, а на каком-нибудь далеком полярном острове, и если поднимешься на кряж, увидишь перед собой не яркие электрические огни биостанции, а все такое же черное упругое море, туманное небо и шхеры, похожие на айсберги...

IV

По тундре. — Телеграфные столбы. — Из трех вернулся один. — Мельница, работающая на дне моря.

В обратный путь из Александровска мы идем на лыжах. Мы выходим рано — часов в семь, и над тундрой еще полярная ночь. Резкая поземка дует нам прямо в лицо. Мы надеваем лыжи над морем, на склоне крутой скалы, и пока затягиваем ремни, ветер пытается опро-

кинуть нас под откос. Берем направление по компасу.

В темноте перед нами неожиданно вырастают подъемы, а вскарабкавшись на них, мы стремительно скользим на лыжах под откос. В темноте маленькие ложбинки нам кажутся огромными провалами. На спусках мы налетаем на камни, падаем вперед, и спинные мешки грохаются нам на затылок. Но скоро начинает светать. На дне узкой ложбины мы находим недавние следы оленей и саней и идем по ним.

Следы нас ведут озерами. Едва покинув одно, они спускаются к другому. Чем дальше, тем красивее становятся эти озера. Их берега — огромные дикие утесы, срывающиеся к озеру гигантскими ступенями. На ребрах ступеней висят толстые наплывы льда, словно со скал падали в озеро мощные водопады и мороз сковал их на лету. На южных склонах утесов растут ели и сосны. Они смело карабкаются с камня на камень, с уступа на уступ, и их резкие решительные очертания придают много силы всему ландшафту.

Идем тесными ущельями, зигзагами поднимаемся на высокие седловины и переходим их, борясь с ветром, низко пригнувшись и во-всю работая палками.

Со скал к озеру спускаются телеграфные столбы. Так странно видеть их в дикой тундре, среди камней, пурги и снега. И невольно преклоняешься перед энергией человека, сумевшего соединить с миром даже эти далекие полярные края. Телеграф на Мурмане проведен давно, задолго до железной дороги. Телеграфисты здесь были первыми пионерами. Ведь они приезжали сюда из центра, «из России», как здесь говорят, и в их руках была такая быстрая и необыкновенная связь с далеким культурным миром. В то время жизнь работников телеграфа на Севере была большим подвигом. Мне вспоминается рассказ одного старого связиста из Мурманска, который вот уже тридцать лет работает за Полярным кругом.

Их было трое. Из Печенги, маленького становища на берегу моря в Западной Лапландии, их послали в тундру, чтобы они нашли и исправили повреждение телеграфной линии. Это было в феврале, в ветренную, метелистую пору. Шли на лыжах. Но часто приходилось вслед за столбами карабкаться на скалы, и тогда лыжи нужно было тащить на себе. Телеграфисты взяли с собой провианта на четыре дня: никто не мог знать, где порвался провод—в двух километрах от Печенги или в пятидесяти.

В первый день товарищи прошли тридцать километров. Нашли повреждение, починили его и заночевали в расщелине между камнями, завернувшись в тонкие одеяла. Развести костер они не могли, потому что в тундре были только камень и снег. С утра началась вьюга. Первое время телеграфисты хорошо видели провода над собой и не теряли направления. Но вьюга, все усиливаясь, скоро превратилась в настоящий ураган. Тогда они стали сбиваться с пути. Ощупью двигались от столба к столбу, но телеграфная линия была проведена очень ломанно, легко было ошибиться в направлении и пройти мимо столба, может быть, в нескольких шагах от него.

Так и случилось. Путники потеряли линию, столбы и утратили всякое представление о том, куда им нужно итти. Зажмурясь от вьюги, они карабкались по скалам, срывались со скользких камней в глубокие расщелины, каждую секунду рисковали расшибиться насмерть, искалечиться, но останавливаться было нельзя.

Скоро телеграфисты потеряли друг друга из вида. И из трех уцелел только один. Замотав лицо платком, он шел все вперед, против вьюги, часто опускался на четвереньки и полз. Его руки были окровавлены, одежда изодрана, но он был молод, не хотел сдаваться и боролся с ураганом до ночи. Ночью, обессилев, лег ничком в снег и закрыл лицо руками. Он пролежал так до утра. Его завалило снегом, а утром, когда буря стихла, снег покрылся коркой льда. Телеграфист не мог прошибить ее ни руками, ни головой. Он ухитрился достать из кармана свои инструменты и при помощи их освободил себя. Все его поиски товарищей оказались тщетными. В Печенгу он вернулся один.

Остальных двух телеграфистов разыскали весной, когда начал сходить снег. Одного нашли стоящим в узкой щели

между камнями. Он спрятался туда от вьюги, но примерз к камням и не мог вылезти. Другой, занесенный снегом, стоял на коленях перед скалой, положив голову на руки...

С перевала мы видим зарю. Она горит на юге ярко оранжевой полосой. На ее фоне четко рисуются зубцы далеких скал. А выше все небо начинает светиться удивительными красками. Непосредственно над зарей оно мягко зеленое, прозрачное, чем выше, тем гуще становится его зеленый цвет, и над головой он переходит в синий. А позади, на севере легла сильная фиолетовая полоса, и на ней выпукло и мощно выступают снежные скалы.

Заря горела час. Потом день кончился.

У Горлова разладились лыжные ремни, он останавливается, чтобы поправить их, и я ухожу вперед. Я прохожу озеро, небольшую рощу, поднимаюсь на плоский увал и вдруг под ногами вижу залив. Он лежит внизу, в глубочайшем провале, и за ним уходят в даль одна за другой острые гряды снежных гор. Налево залив расширяется, и из его черной воды поднимаются высокие острова. Направо он уходит ровной прямой полосой.

На берегу, в глубине маленькой бухты я вижу деревушку. Это Белокаменка — цель нашего сегодняшнего похода. Я поворачиваюсь, чтобы поторопить своего спутника, и ветер так сильно толкает меня в спину, что я скольжу на лыжах, не двигая ногами.

* * *

В этот вечер в Белокаменке мы разговаривали со старым-престарым лопарем. Мы говорили с ним о Москве, о Ленине, об Александровской биостанции. Этот лопарь, старый опытный рыбак, в ответ на наш рассказ о работе Александровской биостанции рассказывает нам старинную норвежскую сказку о море, о мельнице, которая работает на дне моря. Вот эта сказка:

«Жили два брата. Один был богатый, корабли держал в море, солью торговал. Другой был бедный. Пришел бедный к богатому и говорит:

— Дай мне поесть. Есть нечего ни мне, ни детям.

Богатый брат отвечает:

— Дам я тебе целый хлеб большой, но должен ты исполнить то, что я тебе потом прикажу.

— Хорошо, — говорит бедный. И взял хлеб.

Такие мигающие маяки устраиваются, чтобы их свет нельзя было спутать с другими береговыми огнями...

— Иди к чорту, — говорит богатый.

И пошел бедный искать чорта. Шел-шел, старичка повстречал. Поздоровкались.

— Куда ты идешь? — спрашивает старичок.

— К чорту.

— Правильной, — говорит старичок, — ты дорогой идешь. Здесь и чорт за горкой живет.

Поблагодарил рыбак старичка и идет себе дальше. А старичок вдогонку кричит:

— Не отдавай чертям хлеб задаром. Возьми за него мельницу.

Приходит. Черти встречают. Прыгают, хвостами машут. Хлеб, кричат, чтобы отдал им: голодны они. Рыбак посмотрел вокруг; видит: за дверью старая ручная мельница стоит. Он и говорит:

— Хлеб я вам отдам только вон за ту мельницу. А так не отдам.

Строго сказал. Черти так и этак, но все-таки согласились. Понес рыбак домой мельницу, а на дороге опять того старичка встретил.

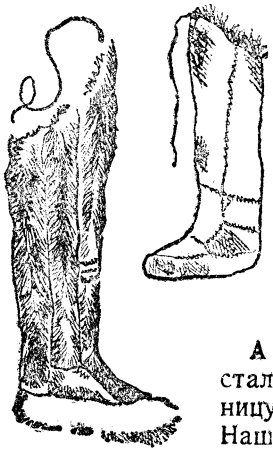
— Что, — говорит, — теперь мне с мельницей делать? Хлеб я отдал.

— А это, — отвечает старик, — мельница такая: что захочешь, того и намелет.

— Ага! — говорит рыбак. — Понимаю.

Пришел рыбак домой, жена ругает.

— Где, — спрашивает, — был?



Пимы.

— Далеко, — отвечает.

Поставил он мельницу на стол, тут она и завертелась. И чего нужно, того и мелет: хлеб — так хлеб, рыбу — так рыбу.

Зажил тут бедный рыбак в свое удовольствие.

А богатому завидно стало. Захотел он мельницу к рукам прибрать. Нашел он вора, дал ему денег и говорит:

— Укради для меня мельницу.

Тот пошел ночью и украл. Богатый взял мельницу — и на корабль. Паруса поднял и в море ушел. А когда берега не стало видно, он и говорит:

— Намели мне, мельница, соли да побольше, чтоб рыбу солить.

Мельница принялась за дело так, что кругом только треск стоял. Весь корабль был полон солью: и трюм и палуба. Тут богатый говорит: «Довольно». Но чтобы остановить мельницу, нужно было слово знать, иначе она не слушалась. «Будет, — говорит, — намолола».

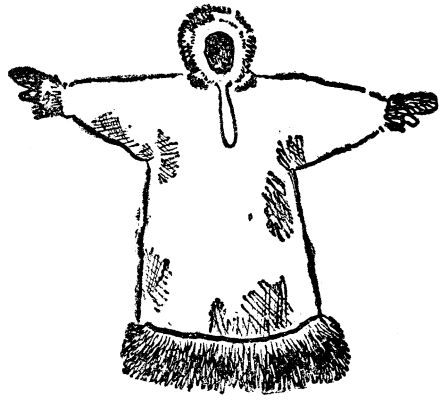
А мельница все мелет. Богатый схватил ее, крутит, но ничего поделать не может. Нагрузился его корабль солью, не выдержал и пошел ко дну вместе с мельницей и с богатым. Так на дне моря мельница до сих пор и работает — соль мелет. Оттого и вода в море соленая...»

V

По отливу.—Фальшивый маяк Ивана Артемова.—«Пашка»-ледокол. — Горлов делает фордерштрунг.—Мы открываем зимний купальный сезон.

За ночь ветер нагнал оттепель, снег липнет, и на лыжах итти нельзя. Идем пешком по самому берегу залива и лыжи тащим на себе. Мы выступаем во время низкой воды, и первое время итти очень хорошо: дно обнажается до мелких галек. Здесь это называется «итти по отливу».

Долго не можем найти способа тащить лыжи. Ветер вырывает их у нас из рук, а когда мы их держим крепко, они служат нам хорошими парусами, но, к несчастью, эти паруса тянут нас то назад, то вбок, но никогда не вперед. На галечных отмелях, которыми мы идем, часто попадаются озерки, оставшиеся от прилива, а иногда со скал сбегают в море ручейки. Мы перепрыгиваем их сразбегу. В иных местах галька покрыта спутанной зеленой массой дорослей. Когда шагаешь по ним, из них, как из губок, во все стороны разбрызгивается вода. Заливом от Белокаменки до Мурманска двенадцать километров. Но берег так изрезан, что каждый километр морского пути вырастает втрое.



Малица.

Огибая наволоки, проходим мимо маяков. Это маленькие будки с фонарем на крыше, который гаснет и загорается через каждые несколько секунд. Такие мигающие маяки устраиваются, чтобы их свет нельзя было спутать с другими береговыми огнями. Но маяки, стоящие по берегам Кольского залива, весьма примитивны, и свет их слаб. Этим воспользовался один рыбак по имени Иван Артемов, который жил на берегу залива во время английской и белогвардейской оккупации нашего Севера.

Артемов ненавидел захватчиков. Раз, когда ночью заливом шло английское военное судно, он зажег у себя на окне поярче лампу, встал на стол с одеялом в руках и стал то загораживать окно, то открывать. В то время на соседнем мысу маяк бездействовал, и англичане приняли фальшивые сигналы Артемова за маячные. Они пошли прямо на берег.

От сильного пламени лопнуло стекло на лампе, загорелась занавеска, огонь перебросился на стены, на пол. Но Иван Артемов продолжал стоять на своем посту с одеялом в руках до тех пор, пока пароход не выскочил на камни. Иван сгорел вместе со своей избой...

Чем дальше идем, тем выше становится вода. Начавшийся прилив отнимает у нас полосы галечника, и скоро мы вынуждены шагать по большим мокрым камням. Это неудобно: наши лыжные башмаки скользят, приходится прыгать с камня на камень, балансировать то на одной ноге, то на другой, а в это время ветер, вступивший в коварный союз с нашими лыжами, пытается нас свалить.

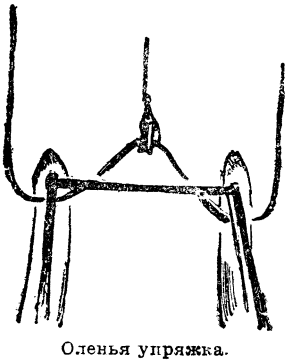
Приходим к устью реки. Она не замерзла, и лишь небольшие отдельные льдины плывут по ней. В единственной избушке, стоящей на склоне скалы, нам говорят, что если мы пойдем вверх по реке до того места, где сможем перейти по льду, то сделаем крюк километров в семь. Но на берегу стоит маленькая курьезная лодка «пашка», совсем круглая, точь-в-точь скорлупа грецкого ореха. Нам разрешают ею воспользоваться.

Осматриваем эту «пашку» и с сомнением качаем головой.

— Утонет под нами эта чортова посудина, — говорит Горлов.

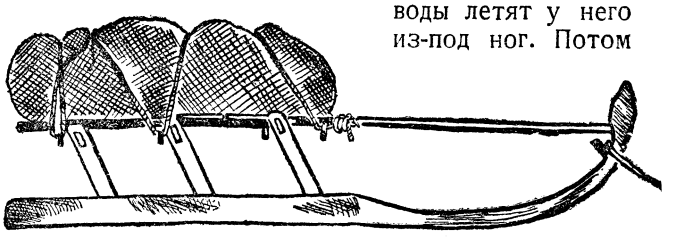
— Больше: она утонет под одними нашими мешками, — говорю я.

Но хозяин с жаром уверяет, что в этой «посуде» можно спокойно плавать даже вчетвером. Ну, ладно, посмотрим. С трудом мы спихиваем неуклюжую «пашку» в воду: у берега мелко, и лодка безнадежно стоит на дне. Привязываем веревку от «пашки» за камень и изо всех сил упираемся в нее лыжными палками. Наконец она всплывает. Но мы не знаем, как в нее попасть: мочить ноги нам не хочется, а иначе как по воде до нее, видимо, не добраться.



Оленья упряжка.

Тогда Горлов вспоминает, что он прежде занимался акробатикой. Он снимает мешок, уходит на дальний конец отмели и оттуда бежит со свирепым видом. Мелкие камни вместе с брызгами воды летят у него из-под ног. Потом делает каскад или фордершпрунг—и оказывается в лодке. Даже не перевернул ее и не продавил дна. Он устраивается там на какой-то жердочке и парой выломанных, должно быть из бочки, досок гребет от берега. Конец длинной веревки у меня в руках, и я с любопытством слежу за его маневром, не беспокоясь, что товарищ уедет без меня.



Лопарские сани.

Проплыв немного, Горлов поворачивает назад и упирает нос «пашки» в порядочную льдину.

— Тяни, — говорит он и складывает весла.

Я впрягаюсь в веревку, тяну и вместе с лодкой подтаскиваю к берегу льдину. Она служит мне хорошей пристанью. Потом следует переправа. Прежде всего оказывается, что скорость нашего горемычного судна далеко не умопомрачительна. Затем обнаруживается, что в лодку просачивается вода с такой быстротой, что пока мы доберемся до противоположного берега, она успеет наполнить пять таких посудин, как «пашка». На дне лежит большое ведро. Я начинаю им работать. Но тогда оказывается, что одновременно мы работать не можем: когда я черпаю воду, Горлов бьет меня по голове веслами — я мешаю ему грести, и он ругается. Переправу мы кончаем, сидя в воде, а мешки наши становятся вдвое тяжелей. Мы не очень довольны: ведь сейчас не лето.

Но дальше нам приготовлено новое испытание: пока мы возились с лодкой, прилив сделал большие успехи. Он не

Мы наконец слышим заливистый лай собачонки и окрики Архипа...

оставил нам ни клочка галечной отмели. Нам приходится лезть прямо по большим каменным глыбам, по крутым склонам скал, по глубоким сугробам снега. Горлов, пытаясь поймать ускользающую лыжу, первый начинает зимний купальный сезон. Я не отстаю от него, и когда мы приходим в Минкино, деревушку на берегу залива против Мурманска, на нас нет ни одной сухой нитки.

VI

Горлов борется с шубой.—Я вываливаюсь из саней.—Олень играет в снежки.—Заросль рогов.—Собака-пастух.—Лапландский ковбой.—Олени уходят на запад.

Мы сговорились с веселым круглоголовым пулозерским лопарем, чтобы он отвез нас на оленях из Пулозера в Ловозеро. Его зовут Архип. Он раздобыл нам на дорогу меховые сапоги—пимы и пару прекрасных лопарских шуб—малиц. Они сшиты из оленьих шкур без застежек, мешками, и надеваются через голову. К воротникам их пришиты «головы» — капюшоны из пушистой шкуры молодого оленя, а к рукавам—рукавицы.

Нам показывают, как нужно надевать эту неуклюжую одежду. Это оказывается не так просто, и когда Горлов первый решается вступить с ней в борьбу, мы все покатываемся со смеху. Накинув малицу на голову, он поднимает руки и начинает искать отверстия рукавов. И малица, уморительно напоминая балаганных петрушек, которых надевают на пальцы и заставляют проделывать разные штуки, вдруг принимается суетливо размахивать пустыми рукавами в воздухе, борется с каким-то невидимым противником, неожиданно пускается в пляс, а в это время «голова» малицы беспомощно болтается на груди. Потом раздувшиеся рукава описывают дугу вниз, малица вся оседает, и в отверстие «головы» выныривает красное, вспотевшее и обалделое лицо Горлова с прядью волос на носу. Новый взрыв смеха встречает это появление.

Надев малицы, мы внимательно изучаем их. Оказывается, руки из рукавиц можно легко вынуть через разрезы на пульсе. Это очень удобно. Потом оказывается, что их можно вы-

...и на поляну выходит стадо оленей...

тянуть из рукавов и внутрь и, не снимая малицы, залезть в брючный карман. Совсем хорошо!

Мы пробуем двигаться в малице, махать руками, ходить, прыгать. Обнаруживаем, что вместо рук у нас лапы, короткие и неловкие. Посмотреть в сторону, не повернувшись всем туловищем, нельзя: мешает капюшон. Мехом малица обращена внутрь, а сверху на нее надевают «рубашку»—черную покрышку из материи для защиты кожи от сырости. В этой рубашке малица смахивает на монашескую рясу. В общем от нашей новой одежды мы в восторге. Но с непривычки чувствуем себя в этой громоздкой упаковке довольно беспомощными медведями.

Архип везет нас в лес, где у него пасется стадо, чтобы показать, как он будет «имать» оленей для нашей поездки в Ловозеро. В сани он запряг четырех «важенок» — оленьих самок. Это крошечные серые зверьки, вряд ли крупнее больших собак. Они очень шустры. Дорога гладкая, накатанная, и они бегут во всю прыть, галопом, забавно подкидывая зад. В их галопе есть что-то, напоминающее неуклюжий бег кенгуру. Вдобавок они очень суматошны. На поворотах животные наскакивают друг на друга, крайние давят на средних — получается впечатление панического бегства. Глядя на них, мы не можем удержаться от смеха, вместе с нами хохочет и Архип. Он, пожалуй, лишь для своего удовольствия помахивает хореем и кричит:

— Кщ-кщ-кщ!..

По крутому спуску олени выносят нас из леса на озеро. Резкий поворот влево, я соскальзываю с саней, на которых нам втроем тесно, и лечу в снег. Сразу чувствую несоответствие между скоростью нашей езды и мягкостью падения. А когда я встаю и догоняю поджидающие меня сани, Горлов между взрывами хохота говорит мне, что я так плавно опустился в снег, что никак нельзя было подумать, что меня сбросило. Это малица придала мне столько медлительности.

В лесу за озером Архип распрягает важенок, привязывает их к деревьям, берет на веревочку белую собачонку очень смиренного вида, которая всю дорогу бежала за нами, надевает лыжи и уходит искать стадо. Обновляя малицы, мы барахтаемся в снегу, а потом ложимся на спину, раскинув руки, и наслаждаемся: двадцать пять градусов мороза, а нам не холодно!

Оленеводство — основное занятие лопарей. Олень дает своему хозяину все— и пищу, и одежду, и заработок. Но ведут свое оленеводческое хозяйство лопари очень примитивно. Стада их круглый год пасутся без присмотра, зимой— в лесах, летом — где-нибудь на возвышенной тундре или у моря, где не так много комаров. Под предводительством старого опытного оленя-самца — «гирваса»—стадо само отыскивает себе хорошие пастбища, а хозяин лишь раз в неделю находит оленей по следам, чтобы проверить, не отбился ли кто-нибудь из них, не задрал ли какого-нибудь медведь или волк, нет ли больных животных в стаде.

...В лицо мне летят комья снега. Думая, что это забавляется Горлов, я громко угрожаю расправой. Но он смеется, и снег продолжает лететь мне в нос и в глаза. Тогда я со свирепым видом поднимаюсь. Но разом мое настроение меняется, когда я вижу настоящего виновника моей беды.

Совсем близко задом ко мне стоит одна из наших важенок. Ногами и головой она выкопала перед собой большую яму в снегу и почти вся залезла в нее. Наружу торчит только один зад с маленьким треугольным белым хвостиком. Она все еще продолжает расширять свое логово, сильно отбрасывая назад копытами снег — прямо в меня. Заинтересовавшись, я обхожу ее спереди и наблюдаю.

Нижние пласты снега твердые, слежавшиеся, и копать их трудно. Но сильные копыта оленя быстро справляются с ними, и скоро из-под снега показывается земля, слой высохшей хвои на ней и синевато-белые ветвистые кустики мха. Этот мох и есть цель всех стараний оленя. Это ягель, главная и почти единственная оленья пища.

Копыта сделали свое дело, теперь очередь за губами. Ими олень очень ловко обсасывает кустики мха, выбирая самые

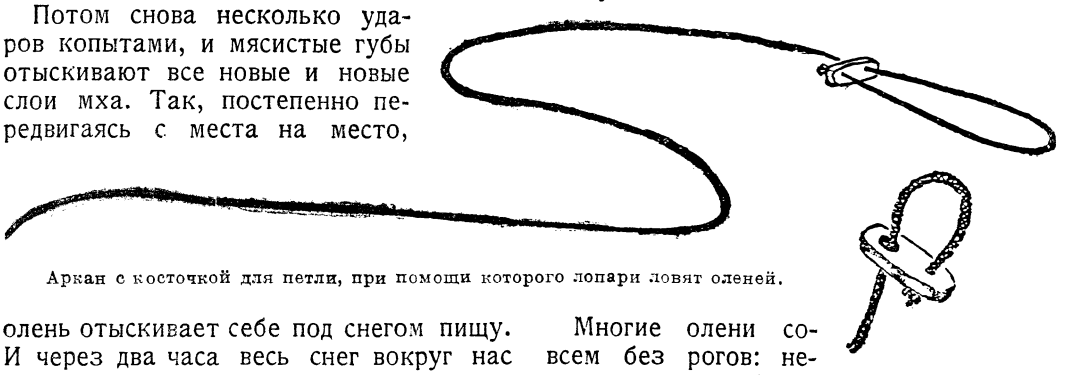
вкусные, самые нежные его части и оставляя все более грубые стебельки. Когда с краев ямы скатывается снег и засыпает ягель, важенка легко отбрасывает его движением головы.

Потом снова несколько ударов копытами, и мясистые губы отыскивают все новые и новые слои мха. Так, постепенно передвигаясь с места на место, олень отыскивает себе под снегом пищу. И через два часа весь снег вокруг нас изрыт и перерыт так, что кажется, не четыре важенки здесь работали, а целое стадо.

Весной, когда снег покрывается крепким настом, а на открытых ветренных местах и настоящим льдом, для оленей наступает самая трудная пора. Тогда слабые олени совсем не могут достать ягеля, и людям приходится им помогать. А более упорные в кровь разбивают себе копыта, на ногах у них появляются язвы и горячие опухоли. В эту пору много оленей гибнет от копытной болезни.

Нам уже надоело ждать, когда мы наконец слышим заливистый лай собачонки и окрики Архипа. Слышатся скрипучие шаги по снегу и треск кустов. На поляну выходит стадо, и нас окружила путанная заросль нескольких сот оленьих рогов. Мы с интересом разглядываем тяжелые оленьи головы, их короткие низкие шеи, высокие холки, горбатые поясницы. Вот прекрасный бык остановился перед нами. У него сильные ветвистые рога, широкий лопатовидный отросток их нависает на лоб. Несмотря на свой сонный вид, этот олень себе на уме: уж очень коварно поглядывают на нас его маленькие серые глаза. Шерсть у него дымчатая и только голова бурая с белыми отметинами на лбу.

Рядом с ним стоит маленький совсем белый самец. Вместо рог у него тоненькие кривые веточки. Вид у него очень глупый и растерянный. Он пытается копать ягель, но все его труды пропадают даром, потому что шустрая бурая важенка ворует у него из-под носа все, что он накопал. А этот олень такой рубаха-парень, что даже не может как следует защититься.



Аркан с косточкой для петли, при помощи которого лопари ловят оленей.

Многие олени совсем без рогов: некоторые уже сбросили, у других они просто сломаны в драке.

Вокруг стада бегает маленькая собачонка Архипа. У нее уже нет прежнего смиренного вида. Она настроена очень сердито: ее задача держать всех оленей вместе, чтобы никто из них не отбивался. И на виновных она нападает так свирепо, что даже сильные большие гирвасы только встряхивают рогами и торопятся присоединиться к своим.

Вспотевший Архип подходит к саням и снимает лыжи. Он говорит, что стадо ушло за эти дни очень далеко — за Черную Вараку — и он с трудом разъискал его. В стаде все благополучно, только у одного молодого быка идет слеза из правого глаза. Может быть, это начинается опасная глазная болезнь; придется вдуть ему в глаз соли — тогда все пройдет.

Потом Архип берет свою кидальную веревку — аркан с «костяной» петлей — и отправляется «имать». Олени, которые все время спокойно стояли на поляне и лишь опасливо косились на юлившую вокруг них собачонку, при его приближении сразу шарахаются в сторону. Архип набирает на руку веревку и быстро кидает ее. Аркан взлетает над стадом, его петля на секунду распластывается в воздухе и потом метко опускается среди стада прямо на рога оленя. Мы удивлены: неужели Архип поймал именно того оленя, которого хотел поймать? Оказывается, да: этот бык пойдет с нами в Ловозеро передовым. Пойманный

олень старается вырваться, встает на дыбы, выпрыгивает из снега, потом лезет в куст, но Архип, сворачивая веревку, подходит к нему и обвязывает его ремнем вокруг шеи. Тогда олень сразу успокаивается.

Обеспокоенное стадо жмется в кучу. Архип долго лазает вокруг него по снегу, высматривая; потом снова в воздухе взвивается петля. На этот раз в нее попадает большой безрогий олень. Петля ловко угодила ему на шею. Он пытается увлечь Архипа по снегу вместе с его веревкой, но лопарь захлестывает конец аркана вокруг дерева и, постепенно подтягивая ее, побеждает оленя.

Этот лапландский ковбой не знает промахов. Он кидает свое лассо за тридцать—сорок шагов, и ему безразлично, стоит ли олень к нему головой или задом и есть ли у него рога или нет.

Одна серая важенка долго не дается. Она прячется в самую гущу стада, а когда Архип выгоняет ее оттуда, удирает через кусты и валежник. Петля Архипа настигла ее на бегу как раз в тот момент, когда она перепрыгивала через упавшее дерево. Остановленный в своем прыжке олень кубарем покатился в снег. Это был удивительный бросок аркана!

Через час к нашим саням привязаны все нужные нам десять оленей. Лопарь и его собака теперь могут отдохнуть. Архип надевает малицу, садится на сани и закуривает. Мы расспрашиваем его об оленях. Он рассказывает нам много интересного и, между прочим, об одном любопытном инстинкте оленя — инстинкте осени.

Осень — пора оленьей любви. Ее зовы олени слышат тогда в самом воздухе, в малейшем ветерке. И осенью все самцы идут на ветер. Их тогда нельзя ничем остановить. Напряженно внюхиваясь в воздух, они идут против ветра все вперед и вперед и изменят направление только тогда, когда переменится ветер. Дойдя до озера, они ходят по берегу у самой воды, поднимают морду, останавливаются, смотрят в заозерную даль и ревут: только осенью олени могут реветь. Самые храбрые входят в воду, вновь возвращаются на берег, потом, наконец, решаются и плывут по озеру. Этих оленей уже не вернуть в стадо: если они не погибнут в озере, их все равно больше не найти.

В одну роковую осень непрерывно дули западные ветры. Они несли теплую дождливую погоду, и все олени шли на запад. Повинуясь инстинкту продолжения рода, самцы целыми стадами переплывали озера и тундрами, вараками [1]) и лесами шли все дальше на запад. В эту осень оленеводы не знали, что делать. Они пробовали огораживать свои стада, привязывать оленей, жгли леса на пути стад, чтобы уничтожить пастбища, но все было напрасно: даже голод не мог задержать оленей.

Только в гористых тундрах западной Лапландии, где за горами не чувствовалось западного ветра, большинство стад остановилось. Там их настигли хозяева. Но те олени, которые шли широкими долинами и низменностями, продвинулись еще дальше. За самцами шли самки, и у одного оленевода-ижемца все стадо — три тысячи голов — в эту осень ушло в Финляндию...

Мы едем обратно. Уже темнеет. Небо над нами кажется прозрачной стеклянной чашей, озаренной сверху спокойным зеленовато-голубым светом. Впереди за

[1]) Варак — веретенообразный холм ледникового образования, покрытый лесом.

Пойманный олень старается вырваться, встает на дыбы...

лесистыми ощетинившимися вараками ярко загорается Венера.

— Тасть [1], — говорит Архип, показывая на нее рукой.

Вдалеке чуть светятся мощные снежные склоны высокой Волчьей тундры. Мы приветственно киваем ей:

Еще увидимся!

VII

Лопарская столица. — Олений поход ижемцев. — Лопари и ижемцы селятся на разных берегах. — Я учусь управлять оленями. — Хлопотунья, эстет и подагрик. — Романтика привала в лесу. — Мы в Лапландии.

Ловозеро—самый большой погост Кольского полуострова. Он расположен в центре Советской Лапландии, и прежде его часто называли лопарской столицей. Теперь лопари в Ловозере составляют меньшинство. Уже несколько десятков лет как лопарский погост превратился в ижемское село.

Ижемцы — это ветвь вологодских зырян, живущая по реке Ижме (теперь область Коми), в бассейне Печоры. В конце прошлого столетия оленьи стада ижемцев были охвачены страшной эпидемией сибирской язвы. От этой болезни олени гибли тысячами. Чтобы спасти хоть часть своих стад, наиболее предприимчивые ижемцы решили переселиться на Кольский полуостров, куда эпидемия не дошла.

Переселение началось с 1887 года. В этом году несколько оленеводов с остатками своих стад двинулись с Ижмы на север, в Малоземельскую тундру, оттуда на восток — к Белому морю. За лето они успели дойти до Канина Носа и там зимовали. На второй год они обогнули Белое море и в начале зимы перешли по льду Кандалакскую губу, направляясь прямо в богатые оленьими пастбищами тундры центральной Лапландии.

Этот грандиозный олений поход ижемцев обошелся им дорого: из двухтысячного стада доходило до Кольского полуострова триста-четыреста оленей. Остальные гибли в пути.

На новом месте ижемцы выказали большую энергию и предприимчивость и в короткое время восстановили свои стада. Через несколько лет они были уже значительно сильней экономически, чем основное население Лапландии—лопари. Сильней лопарей ижемцы оказались и в культурном отношении: почти все те скудные признаки цивилизации, которые можно найти сейчас у лопарей, появились главным образом благодаря влиянию ижемцев. Мало-по-малу лопари сменили свои первобытные «кережки» на сани, неудобные «печки» на малицы, «вежи» на избы и камельки на настоящие печи. Подражая ижемцам, лопари стали обзаводиться огородами. Даже бани «ввезены» на Кольский полуостров ижемцами.

Но, несмотря на то, что ижемцы так благотворно действовали на лопарей, рознь между этими двумя народностями там, где они живут вместе, очень сильна. Ижемцы смотрят на лопарей, как на людей низкой породы, а лопари относятся к ижемцам как к захватчикам, отнявшим у них хорошие пастбища. И в Ловозере избы ижемцев и лопарей стоят по разным сторонам реки. Только в самое последнее время передовые лопари и ижемцы, вовлеченные в общественную советскую работу, начинают совместно решать оленеводческие вопросы.

Вместе с ижемцами в качестве работников с ними переселились в Лапландию и самоеды. Благодаря большой помощи, оказываемой им советской властью, многие из них обзавелись теперь собственными стадами.

* * *

В Ловозеро мы едем самостоятельно. У нас свои отдельные сани и упряжка из трех оленей. Мы сами будем управлять ими и очень этим горды. По жребию мне выпало первым быть кучером. Мои орудия производства — это длинный тонкий шест — хорей и единственная вожжа, привязанная к уздечке вожака, крайнего левого оленя. Я должен сидеть на санях слева, поставив левую ногу на полоз, а правую могу держать — хочу по-лопарски, хочу по-ижемски. По-лопарски — я ее должен вытянуть вперед, по-ижемски — подложить под себя. Я бы предпочел обе ноги протянуть вперед и сесть посредине саней, но надо мной смеются: говорят, так нельзя.

---

[1]) Тасть (по-лопарски) — звезда.

Пока Архип привязывает лыжи к своим саням, я пробую постичь технику управления. Чтобы повернуть налево, естественно, я должен тянуть свою единственную вожжу. Ну, а в другую сторону? Оказывается, чтобы повернуть направо, нужно как-то загадочно похлопывать и подергивать той же вожжой. Чтобы никто не заметил моего конфуза, я потихоньку проделываю с вожжой разные манипуляции, но олени не обращают на меня никакого внимания. Так, с сомнениями в душе, я трогаюсь вслед за Архипом в путь.

Первое время все идет хорошо. Дорога не хуже той, по которой мы ездили в стадо, олени бегут весело, и я с наслаждением помахиваю хореем и кричу совсем как лопарь:

— Кщ-кщ-кщ!..

Переваливаем через пару пологих варак, поросших редким лесом, спускаемся в ложбину, едем по болоту, потом по длинному озеру. За озером — снова лес. Темно; восходит луна. Под ее лучами искрится снег, повисший тяжелыми мохнатыми лапами на деревьях, и они кажутся застывшими клубами белого дыма. Сильно морозит. Копыта оленей громко хрустят по утоптанному снегу.

За лесом дорога портится. Она занесена недавней пургой, и наши олени сразу сбавляют ход. Теперь, чтобы не отставать от Архипа, мне приходится все громче кричать «кщ-кщ-кщ» и все решительней размахивать хореем. Но скоро я вижу, что мне придется прибегнуть к репрессивным мерам. И, осмелев, я тычу концом хорея в белые зады оленей и бью их по твердым крупам.

Теперь и характеры наших оленей стали сказываться ярче. Справа у нас рыжая важенка с одним тонким рогом. Она хлопотливо перебирает короткими ногами, еще хлопотливей мотает из стороны в сторону головой, но вряд ли от ее хлопот получается большой толк. В середине — серый бык. Он тянет неплохо, но у него эстетическая натура, и часто он останавливается и, поворачивая голову то в ту, то в другую сторону, любуется окрестностями. Слева — хороший опытный вожак, но, повидимому, слишком почтенного возраста для прогулки в сто километров.

Снова выезжаем на озеро. Посреди него стоит чум, кругом много саней с

Посреди озера стоит чум, кругом много саней с большими черными ящиками...

большими длинными ящиками. Это остановилась отдыхать райда—олений поезд. В ящиках везут из Ловозера мороженую рыбу. Темно, и в чуме оживленно горит костер, разложенный прямо на снегу. Архип скрылся в темноте. Я пускаю в ход все свои средства: кричу, хлопаю вожжой, подталкиваю хореем. Но эти «вредные» животные уже выдохлись и не бегут. Однако Архипа нам догонять нужно, и Горлов заменяет меня.

Он берется за дело горячо. Несколько энергичных пинков хореем, несколько вскриков в стиле залихватского ямщика, и неожиданно олени пускаются вскачь. Мы издаем победный клич. Олени пугаются и бегут еще пуще. Ага, вот в чем дело! Их нужно пугать. И когда олени начинают замедлять бег, мы принимаемся кричать, выть и рычать на всякие голоса. Горлов освобождает пальцы из рукавицы, засовывает их в рот и пронзительно свищет. Я встаю на санях во весь рост, размахиваю руками, мяукаю и лаю. Но через десять минут мы вынуждены сдаться: мы выдохлись, а олени перестали обращать на нас внимание. И вспотевший Горлов, откинув назад свой меховой капюшон, клянет лопарей, не сумевших додуматься до хорошего кнута и погоняющих оленей такой нелепой штукой, как эта жердь — хорей.

Ночью в лесу Архип объявляет остановку. Он распрягает оленей, и они тотчас же зарываются мордами в снег, разъискивая ягель. Мы разводим костер. Усевшись вокруг него, полной грудью вдыхаем романтику ночного зимнего привала в лесу. Костер освещает сугробы снега, груду валежника, людей, одетых по-полярному в шкуры, хорей, воткнутый в снег. Дальше — ночь. Она окружает нас плотной чернотой, и из тьмы сосны и ели протягивают к костру белые пушистые лапы, сверкающие тысячами мелких кристалликов снега. Наконец-то мы в настоящей Лапландии!

(Продолжение в следующем номере)

Содержание следующих глав очерков «В снегах Лапландии»:

VIII. Человек, который не пользуется потусторонними силами. — Ущелье ветров. — Он выследил стадо «диких». — IX. Лапландский траппер. — Любознательный лопаренок. — Маленькие северяне. — Лес танцует. — Последняя новость. — Мертвая зима. — За куницей. — Опасный соперник. — Ночной собеседник у костра. — Злой капкан. — X. Северное сияние. — Волк в собачьей могиле. — Зверь, которого нельзя задержать. — Строгий допрос. — Никудышние люди. — Великий охотник. — XI. Пустое место. — Задорный промысел. — Заповедник за полярным кругом. — Земля показывает свое огненное нутро. — «Гнилые горы». — Природный минералогический музей. — Безногий сейд. — Пропавшая губа. — Гнусные «кандалакши». — Таежная печь. — XII. Тайга требует жертв. — Сейд-обжора. — Трудный подъем. — Окаменевшие волны. — Гибель отступнику. — Лесной водопровод. — XIII. От Федора к Селивану, от Селивана к Кондратию. — Артистические вавилоны. — Еще один хитрый человек. — Звериная берлога. — Кто победит? — «Тихой старик». — Таежный эскулап и его «революционное» прошлое. — «Не видко и не знатко». — Лесной Антютик. — Прямолинейный старик. — «Прицепные вагоны» доставляют нам неудобства. — Лапландский философ. — Печальное знакомство с консервами.

Фантастический роман **А. Конан-Дойля**

ЧАСТЬ ВТОРАЯ [1])

СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВОЙ ЧАСТИ РОМАНА

Доктор Маракот, его научный сотрудник Кирус Хедлей и механик Биль Сканлэн отправляются на судне «Стратфорд» для исследования глубин Атлантического океана. Юго-западнее Канарских островов экспедиция начинает производить исследование. Налетает буря, судно тонет.

Через три месяца грузовой пароход «Арабелла Ноулес» подбирает в открытом океане стеклянный шар, где лежит письмо Кируса Хедлея. В нем Хедлей сообщает, что он с Маракотом и Сканлэном перед бурей опустились в глубь океана в особом снаряде; гигантский рак перетер клешнею канат, на котором кабинка была спущена со «Стратфорда», и ученые были спасены атлантами, живущими на дне океана в грандиознейшем древнем здании. Он подробно рассказывает о культуре и быте этого загадочного народа. Атланты (потомки жителей опустившейся на дно Атлантиды) встречают спасенных весьма гостеприимно, и Хедлей даже собирается жениться на Моне, дочери вождя. При помощи сооруженного Сканлэном радиопередатчика потерпевшим крушение исследователям удается снестись с внешним миром, и после полугода жизни у атлантов они вместе с Моной под защитой стеклянных колпаков с запасом кислорода покидают подводную страну и появляются на поверхности океана.

I. Опасности глубин.

Много лиц писали мне, Кирусу Хедлею, профессору Маракоту и даже Билю Сканлэну после нашего возвращения из Атлантического океана, где в двухстах морских милях к юго-западу от Канарских островов нам удалось совершить спуск на дно; как известно, этот спуск привел не только к пересмотру установившихся взглядов относительно жизни и давлений на больших глубинах, но и к открытию на дне океана потомков погибшей древней расы. В этих письмах нас самым настойчивым образом просили сообщить подробности наших приключений. Опубликованное мною письмо было весьма кратко и содержало мало фактов. А приключения наши в самом деле не лишены интереса. Одним из самых захватывающих была встреча с Владыкой Темного Лица. Это приключение было так необычайно, что мы решили пока не говорить о нем. Но теперь, когда официальная наука приняла наши выводы и заключения и признала мою невесту представительницей древней расы, я могу, пожалуй, рассказать о приключении, которое раньше внушило бы лишь недоверие.

Прежде чем перейти к рассказу об этом трагическом эпизоде, я должен обратиться к воспоминаниям о чудесном месяце, проведенном нами в подводном храме атлантов, этих удивительных людей, которые благодаря шлемам с кислородом могут гулять по дну океана так же свободно, как лондонцы по тротуарам Пикадилли.

Первое время после нашего спасения атлантами мы жили скорее на положении пленников, чем гостей. Я хочу рас-

---

[1]) Первая часть романа «Маракотова бездна» была помещена в №№ 1—3 «Всемирного Следопыта» за 1928 год. Вторая часть, представляющая для наших читателей самостоятельный интерес, только теперь печатается в английском журнале «Strand».

сказать, как и почему изменилось наше положение и каким образом, благодаря исключительной роли Маракота, мы настолько прославились в подводном царстве, что в анналах атлантов память о нас навсегда сохранится как о божественных посланцах. Атланты не знали о нашем побеге, иначе они, наверное, сделали бы все, чтобы нам помешать. Несомненно, теперь среди них живет легенда о том, что полубоги возвратились в надводные сферы, захватив с собою самый красивый цветок их сада.

Прежде чем перейти к главному эпизоду, который оставил у всех нас неизгладимое впечатление, я расскажу о чудесах подводного мира, а также о некоторых приключениях, выпавших на нашу долю.

Однажды во дворце атлантов поднялась тревога. Напялив кислородные шлемы, мы бросились наружу вместе с толпой атлантов и побежали по дну океана. Мы не имели представления о том, зачем и куда бежим. На всех лицах были написаны растерянность и страх. Выбежав на равнину, расстилавшуюся перед дворцом, мы встретили множество греков-углекопов, спешивших укрыться во дворце. Мне стало ясно, что мы играем роль спасательного отряда, посланного подбирать рабочих, пострадавших от какого-то бедствия. Но мы не видели и следа оружия и никаких приготовлений к отражению надвигавшейся опасности.

Скоро углекопы были пропущены внутрь здания. Когда последний из них скрылся в дверях, мы обернулись и стали смотреть в том направлении, откуда пришли беглецы. Но мы не увидели ничего кроме двух лохматых зеленоватых облаков, светящихся в центре, которые медленно двигались по направлению к нам. Атлантов вдруг охватила паника, и они бросились к дверям здания.

Действительно это было жуткое ощущение: таинственные носители тревоги медленно приближались к нам. Мы поспешили во дворец. Над входной дверью была фрамуга из прозрачного хрусталя метров четырех длины и около метра ширины; через это окно потоки света лились наружу ярким снопом. Поднявшись по лестницам к окну, мы приникли к хрустальной поверхности. Я увидел, что мерцающие зеленые круги остановились перед дверью входной камеры. При виде их атланты завыли от страха. Одно из призрачных созданий, колыхаясь, начало подниматься к окну. Тотчас же атланты стащили меня вниз, подальше от зеленого света, но, повидимому, прядь моих волос все же осталась в поле действия вредных лучей. Эта прядь мгновенно обесцветилась и осталась навсегда седой.

Прошло немного времени, и атланты осмелились открыть дверь. Был послан разведчик, которого провожали крепкими рукопожатиями, дружеским похлопыванием по спине, как смельчака, решившегося на опасный подвиг. Вскоре он вернулся и сообщил, что все в порядке. Хорошее настроение снова вернулось к атлантам. Казалось, неприятное приключение было забыто. В разговоре их мы уловили часто повторявшееся слово «пракса» и поняли, что так атланты называют странные существа. Единственным человеком, получившим искреннее удовольствие от этого происшествия, был профессор Маракот. Он хотел было броситься за странными животными с банкой и сачком, но его вовремя удержали.

— Новая форма жизни! Необходимо ее изучить! — твердил он.

— Зеленая чертовщина! — менее научно определил Сканлэн.

Через два дня, когда мы отправились в очередную экскурсию и пробирались среди чащи водорослей, ловя сачками образцы подводной фауны, мы внезапно наткнулись на тело одного из углекопов, очевидно, застигнутого врасплох загадочными зелеными существами. Его шлем был разбит, а на это требуется недюжинная сила, так как стекловидная субстанция шара обладает большим сопротивлением и упругостью. У человека были вырваны глаза, но никаких других повреждений не было видно.

— Среди животных встречаются большие гастрономы, — сказал профессор, когда мы вернулись во дворец. — В Новой Зеландии, например, есть особая разновидность сокола, так называемый «сокол-попугай», который убивает ягнят только для того, чтобы полакомиться небольшим кусочком сочного филея. Так

и эти животные охотятся за глазами человека. И на земле и в глубине океанов природа знает лишь один закон, и этот закон — беспощадная жестокость...

Мы видели немало проявлений этого страшного закона на дне океана. Взять хотя бы следующий пример. Не раз нам приходилось замечать на слое мягкого глубоководного ила глубокую борозду, проведенную каким-то крупным телом. Мы показали этот след нашим спутникам-атлантам и попытались узнать от них, какое животное могло его оставить. Название этого животного выражалось целой группой щелкающих звуков, типичных для языка атлантов и не передаваемых ни одним европейским наречием. Приблизительно это звучало, как «крикс чок».

Внешность этого существа мы могли установить посредством экрана-рефлектора, благодаря которому атланты передавали свои мысли в различных образах. Мы увидали странное студенистое создание, которое профессор мог определить лишь приблизительно как гигантского морского слизняка. Животное было покрыто длинными жесткими волосами. На концах его усиков находились глаза. Показывая нам это существо, атланты выражали величайшее отвращение и ужас.

Но это обстоятельство только разжигало пыл ученого, и он решил во что бы то ни стало определить класс и подкласс неизвестного чудовища. Поэтому я нисколько не удивился, когда во время нашей следующей экскурсии он остановился там, где был четко виден след таинственного животного. Затем он упрямо направился к базальтовым скалам, куда вел след. У входа в каменистое ущелье след кончался. Мы вступили в ущелье. Все трое мы были вооружены короткими копьями атлантов, но мне казалось, что это плохая защита перед лицом серьезной и неведомой опасности. Профессор упорно двигался вперед, и нам оставалось только следовать за ним.

Ущелье извивалось среди скал; со стен свешивались длинные гирлянды черных и красных ламелларий—характерных растений самых глубоких мест океана. Тысячи красавиц асцидий и морских ежей всех цветов радуги и самой фантастической формы сновали в зарослях, одевавших скалы. Мы двигались медленно: ходить на такой глубине вообще не легко, да и подъем был довольно крутой. И вдруг мы увидели животное, за которым охотились.

Чудовище сидело в расщелине базальтовой скалы. Была видна только часть его тела, метра в три длиной: мы могли различить его глаза, каждый величиной с чайное блюдечко, желтые и блестящие, сидевшие на длинных придатках. Когда животное уловило шум приближающихся людей, глаза его медленно задвигались, и оно стало вылезать из своего логова, извиваясь всем телом наподобие гусеницы. Потом оно вытянуло голову метра на два над скалой, чтобы лучше разглядеть нас; при этом я заметил, что у него по обеим сторонам шеи были странные наросты в роде подошв.

Профессор остановился, грозно выставил вперед копье. Лицо его выражало решимость. Я понял, что желание достать редкий экземпляр побороло в нем всякий страх. Мы со Сканлэном были далеко не так героически настроены, но не могли оставить старика и поспешили стать рядом с ним.

Чудовище долго смотрело на нас, потом начало медленно прокладывать себе путь в зарослях, время от времени нащупывая нас своими странными глазами. Предательская медлительность животного чуть было не погубила нас: мы спокойно стояли, так как были уверены, что сможем держаться от него на любом расстоянии.

Случай своевременно послал нам предупреждение. Животное медленно ползло к нам и было уже метрах в тридцати от нас, когда колючий глубоководный ерш выскочил из леса водорослей и стал медленно переплывать ущелье. Он находился на полпути между нами и чудовищем, как вдруг сделал конвульсивный прыжок, перевернулся вниз головой и упал мертвым на дно. В тот же миг мы почувствовали неприятную дрожь во всем теле, и колени у нас подогнулись сами собой. Мне сразу стало ясно в чем дело: мы стояли лицом к лицу с животным, которое посылало электрические волны, чтобы убивать свою добычу, и наши копья были также пригодны для

борьбы с ним, как палка против пулемета. Наше счастье, что на пути его попался ерш, а то мы неминуемо бы погибли. Мы поспешили ретироваться, твердо решив навсегда оставить в покое гигантского электрического червя.

Мы познакомились и с другим подводным чудовищем — hidrops ferox, как его прозвал профессор. Это была красная рыбка, немного крупнее селедки, с широким ртом, усеянным острыми зубами. Обычно она была совершенно безобидна, но запах крови мгновенно привлекал целую тучу хидропсов, и не было спасения для жертвы, атакованной армией хищников, которые разрывали ее на клочки.

Однажды в каменноугольной шахте мы присутствовали при ужасном зрелище: один из рабов-углекопов имел несчастье порезать палец. В одно мгновение со всех сторон налетели тысячи хидропсов и набросились на него. Напрасно убегал он и бился с ними, напрасно убивали рыб лопатами и копьями его испуганные товарищи. На наших глазах несчастный исчез в красной вибрирующей туче. Когда мы снова его увидали, он представлял собою кровавую массу с выступающими белыми костями. Зрелище было так ужасно, что мы все почувствовали дурноту, а здоровяк Сканлэн упал в обморок, и нам много пришлось повозиться с доставкой его домой.

Я никогда не забуду одного странного зрелища, свидетелями которого мы оказались во время очередной экскурсии. Мы проходили по хорошо известной нам равнине, когда заметили среди темного ила светлую песчаную площадку с холмом посередине. Ее не было здесь накануне. Внезапно к нашему величайшему удивлению песчаная площадка снялась с места и, медленно колыхаясь, поплыла у нас над головой и исчезла в темноте.

Оказалось, что это гигантская плоская рыба, насколько мог определить профессор, очень похожая на нашу камбалу, увеличенную во много тысяч раз.

* * *

Нередко над страной атлантов проносились ураганы. Повидимому, их вызывали периодически повторяющиеся сильные подводные течения; ураганы эти начинались внезапно и причиняли не меньше разрушений и несчастий, чем тайфуны и торнадо на поверхности земли.

Впервые я был захвачен таким подводным циклоном во время прогулки с Моной, дочерью Манда. На расстоянии двух километров от храма находилась небольшая очень красивая возвышенность, заросшая водорослями тысячи различных оттенков и цветов. Это был собственный садик Моны, который она очень любила; здесь росли спутанные розовые серпуларии, пурпурные орфиуриды и красные голотурии.

В этот день она повела меня показывать свой садик, и в то время как мы им любовались, разразилась буря. Так силен был напор потока, внезапно хлынувшего на нас, что только прижавшись к уступам скал, мы могли удержаться на месте. Поток был совершенно горячий, что неоспоримо доказывало вулканическое происхождение подводных бурь. Ураган все сметал на пути. Тучи ила поднялись со дна, и стало совсем темно. В довершение всего я почувствовал медленно возрастающую тяжесть в груди, и затрудненное дыхание предупредило меня, что кислород в аппарате на исходе.

В минуты, когда мы стоим лицом к лицу со смертью, на поверхность сознания всплывают таившиеся в глубине могучие чувства и вытесняют все другие эмоции. Именно в этот момент я понял, что люблю Мону и готов умереть за нее. По глазам ее я увидел, что и она переживает то же самое.

До сих пор я думал, что шлемы атлантов не пропускают звуков, но оказалось, что некоторые колебания воды легко передаются сквозь оболочку шлема. Раздался громкий вибрирующий звон, точно где-то далеко ударили в гонг. Моя спутница сразу поняла в чем дело. Она схватила меня за руку и повлекла за собой. Мы начали прокладывать себе дорогу через бурный поток. Это был бег наперегонки со смертью. Каждую минуту давление на грудь все увеличивалось и становилось непереносимым. Я видел совсем близко прелестное лицо Моны. Она с тревогой смотрела мне в глаза. Стиснув зубы, я боролся с пото-

ком. Силы покидали меня. Вид и движения Моны доказывали, что ее кислородный аппарат не так истощен, как мой. Внезапно все закачалось, поплыло передо мной, я взмахнул руками и упал без чувств на мягкое дно океана...

Когда я пришел в себя, я лежал на своем ложе во дворце атлантов. Старый жрец в желтой одежде стоял подле меня с бокалом подкрепляющего напитка в руке. Маракот и Сканлэн с хмурыми лицами наклонились надо мной, а Мона

На серебряном экране, отражающем мысли, Манд показал мне и Моне удивительные вещи.

стояла на коленях у ложа и тревожно глядела на меня. Оказалось, что мужественная девушка добралась до дворца, собрала спасательный отряд, куда вошли и двое моих товарищей, привела их и тем спасла меня от верной гибели. Услышанный мною звон исходил из специального гонга, в который били в случае подводных бурь, чтобы предупредить застигнутых в пути и указать им верное направление.

II. Тени прошлого.

Отец Моны, Манд, знал о нашей любви и весьма благоволил ко мне. Глядя на нас, он с доброй улыбкой покачивал головой и загадочно говорил:

— Так и должно быть...

Однажды он пригласил меня к себе, усадил возле Моны, поставил перед нами серебряный экран, отражающий мысли, и показал нам удивительные вещи. Сидя рядом и пожимая друг другу руки, мы смотрели как зачарованные на картины, мелькавшие перед нами.

На экране появился скалистый мыс, резко выступавший на голубой глади океана. На мысу стоял большой дом изящной постройки с красной кровлей и белыми стенами. Его окружала пальмовая роща. Повидимому, в этой роще был разбит лагерь. Тут и там виднелись белые палатки и блистало оружие. Из лагеря вышел мужчина средних лет, одетый в кольчугу, с легким круглым щитом в руке. В другой руке у него тоже что-то было, но что именно — меч или дротик — я не мог различить. Когда он повернулся к нам лицом, я увидел, что он принадлежал к той же расе, что и атланты, окружающие нас. Он был удивительно похож на Манда, но черты лица его были резки и неприятны. На высоком лбу, в крутом изломе бровей и в сардонической складке губ отпечатались порок и злоба.

Когда воин подошел к дому, навстречу ему вышла молодая девушка в длинном белом древне-греческом одеянии. Она приблизилась к мужчине, выражая ему знаки почтения. Но он грубо оттолкнул ее и замахнулся, словно собираясь ударить. Девушка отшатнулась. Солнечный луч озарил ее прекрасное заплаканное лицо. Она как две капли воды была похожа на Мону.

Серебряный экран потускнел, но через минуту забрезжила другая картина. Перед нами была бухта, окруженная скалами. На переднем плане виднелась странная лодка с заостренным носом и кормой, похожая на корабль викингов или на венецианскую гондолу. Была ночь, но луна ярко озаряла море. Знакомые звезды сияли на небе. Медленно и осторожно входила лодка в бухту. В лодке сидели два гребца, а на корме — человек, закутанный в темный плащ. Когда лодка приблизилась к берегу, человек в плаще поднялся и стал пристально смотреть на скалы. При свете луны я увидел его серьезное бледное лицо, и невольно вскрикнул: это был мой двойник. Сходство было поразительное. Значит... Что же это значит?...

Далеко могли бы завести меня размышления, но тут я вспомнил, что серебряный экран отражает все, что захочет проектировать на него демонстратор. Следовательно, Манд может показывать мне то, чего и не было в действительности, а является плодом его воображения. Возможно, что он брал легенды древности и наделял их героев чертами близких ему людей. На этом я успокоился и продолжал жадно всматриваться в экран.

Лодка причалила, и из прибрежных кустов появилась легкая белая фигура девушки. Она упала в объятья моего двойника, и он увлек ее в лодку. Но вдруг поднялась тревога. Человек в плаще, размахивая руками, приказывал гребцам как можно скорее отталкиваться от берега. Но было поздно. Из кустов выбежали воины. Цепкие руки ухватились за борт лодки. В воздухе блеснул топор и опустился на голову моего двойника. Он упал мертвый около девушки, обагрив своей кровью ее белые одежды. Обезумев от ужаса, она билась в рыданиях, когда отец освобождал из-под трупа ее длинную черную косу. Потом все исчезло...

Но вот новая картина затрепетала на экране. Внутренность Храма Безопасности, некогда построенного мудрецом-атлантом, того самого храма, где мы сейчас находились. Разразилась ужасная катастрофа, потому что храм был пе-

реполнен охваченной паникой толпой. Среди беглецов я заметил Мону, но отца не было рядом с ней. Внезапно храм заколыхался подобно кораблю во время бури, и обезумевшие люди в отчаянии пытались влезать на колонны или падали на пол. Потом увидели мы огромный столб воды, несущийся по волнам, и картина поблекла, а Манд, улыбаясь, обернулся, показывая, что все кончилось.

Итак, мой двойник был героем атлантов, и меня, должно быть, принимали за его воплощение. Что же, я ничего не имел против этой незаслуженной славы.

III. Желтая банда.

В одно прекрасное утро (если только это слово применимо в условиях подводной жизни) мы с профессором сидели в небольшой гостиной, часть которой он занял под лабораторию. Маракот был с головой погружен в потрошение гастростомуса, которого он поймал накануне. На столе грудой лежали амфиподы и копеподы, образцы Valella, Ianthina, Physalia и сотни других животных, запах которых был не более привлекателен, чем их вид. Я сидел около него, изучая грамматику атлантов. У наших друзей было множество печатных книг. Шрифт был причудливый. Буквы шли справа налево. Сперва мне показалось, что они были напечатаны на пергаменте; позднее я узнал, что это рыбьи пузыри, обработанные и спрессованные. Я углубился в книгу в поисках ключа, который откроет мне доступ ко всем наукам атлантов.

Наши мирные занятия были прерваны странной группой, ворвавшейся в гостиную. Первым влетел Биль Сканлэн, красный и взволнованный. Одной рукой он ожесточенно размахивал, а другой прижимал к груди пухлого ребенка, заливавшегося во все горло. За ним вбежал Бербрикс, тот самый атлант-механик, который помогал Сканлэну сооружать радиоприемник. Это был огромный, толстый, веселый мужчина, но сейчас его физиономия была искажена скорбью. С ним вбежала молодая женщина. Голубые глаза и волосы соломенного цвета доказывали ее неатлантское происхождение: видимо, она принадлежала к одной из порабощенных атлантами рас.

— Слушайте-ка, хозяин! — взволнованно закричал Сканлэн. — Этот самый Бербрикс, славный парнишка, не выдержал одиночества и женился на этой вот женщине, и я думаю, что из них вышла не такая уж плохая пара. Насколько я мог понять, она здесь на таком положении, как негритянки в наших южных штатах. Прежде чем жениться, этот осел наболтал ей чорт знает каких небылиц, но я думаю, что это его личное дело...

— Разумеется, это его личное дело, — сказал я. — Но что вас так взволновало, Сканлэн?

— Ну, так слушайте дальше. Словом, у них вылупился ребенок. Только, видно, здешняя публика не выносит помесей, и жрецы решили принести ребенка в жертву своему дурацкому идолу. Дьявол в желтом колпаке забрал ребенка и хотел утащить его в храм, но Бербрикс отнял его. Я с своей стороны добавил этому негодяю в ухо, и теперь вся банда мчится за нами по пятам...

Сканлэн не мог продолжать: раздались крики, топот ног по коридору, дверь распахнулась, и служители храма ворвались в комнату. За ними осторожно выступал свирепый длинноносый жрец огромного роста. Он дал знак рукой, и слуги бросились вперед, чтобы схватить ребенка. Сканлэн живо сунул ребенка в груду профессорских животных на столе, схватил копье и выступил против нападающих. Они невольно остановились и выхватили ножи. Мы с Бербриксом тоже схватили копья и стали рядом со Сканлэном. У нас был такой грозный вид, что служители храма попятились назад. Казалось, вот-вот начнется бой.

— Мистер Хедлей, сэр, вы немного болтаете на их тарабарском языке, — воскликнул Сканлэн. — Скажите им, что с нами шутки плохи. Скажите, что мы не намерены отдавать им детей на растерзание. Если они немедленно не очистят помещение, то мы перевернем вверх дном всю их лавочку... Ну, так тебе и надо, ты сам лез на рожон, вот и получил по заслугам!

Последняя фраза Сканлэна была обращена к одному из служителей, который, подкравшись, замахнулся ножом на

Сканлэн с копьем наперевес выступил против служителей храма. Они остановились...

Биля но тут же получил в руку удар профессорского скальпеля. Служитель завыл и заплясал от боли и страха, а его товарищи, подстрекаемые жрецом, готовы были броситься на нас. Неизвестно, что бы тут произошло, если бы в комнату не вошел Манд в сопровождении Моны. На мгновение он застыл в удивлении. Потом засыпал верховного жреца градом вопросов. Мона подошла ко мне. Внезапно меня осенило вдохновение: я взял ребенка и положил ей на руки. Малютка быстро успокоился и весело заворковал.

Манд хмурил брови. Ясно было, что он был озадачен создавшимся положением. Он отослал жреца и его спутников обратно в храм и пустился в долгие объяснения, из которых я понял далеко не все.

— Эта лэди будет заботиться о матери и ребенке, — сказал я Сканлэну.

— Тогда другое дело. Если мисс Мона займется ими, я ничего не имею против. Но если эта желтая банда...

— Нет, нет, они не посмеют вмешиваться в это дело. Вопрос будет обсуждаться в Верховном Совете. Вообще все это очень серьезно. Насколько я понял, Манд говорил, что жрецы действовали по древнему национальному обычаю. Атланты боятся смешения высшей расы с низшей и блюдут чистоту своей крови. А если от смешанных браков рождаются дети, их умерщвляют. Таков закон.

— А все-таки этот ребенок не умрет! — заявил Биль.

— Будем надеяться, — сказал я. — Манд обещал сделать в Совете все, что в его силах. Но Совет соберется не раньше чем через неделю или две. Покамест малютка в безопасности.

(Окончание в следующем номере)

ЭКСПЕДИЦИИ «СЛЕДОПЫТА» ЛЕТОМ 1929 ГОДА

Летняя экспедиционная страда в нашем журнале уже наступила. Редакция постепенно превращается в лабораторию маршрутов и планов летних краеведческих походов.

15 апреля «Следопытом» отправлена первая в 1929 году большая летняя экспедиция в Киргизскую автономную республику. В состав экспедиции входят: молодой беллетрист, сотрудник редакции, комсомолец С. С. Голубь и художник В. В. Щеглов.

Исходным пунктом экспедиции явится город Фрунзе, где она ознакомится с экономикой края, киргизской культурой и искусством. Следующий этап — город Алма-ата (очаг землетрясений), где экспедиция соберет сведения об исторических землетрясениях и историко-революционный материал. Дальше экспедиция отправится на южный участок Турксибстроя. Здесь она осмотрит туннели и проследит участие местного населения в стройке и влияние строительства дороги на жизнь края. И, наконец, последними звеньями этой экспедиции будут река Или и Балхаш (озеро легенд), где она исследует заброшенные свинцовые и медные рудники, рыбные богатства озера, фауну (водятся тигры и кабаны) и мало изученную флору, а также ознакомится с бытом полудиких казаков. Оттуда экскурсия вернется в Фрунзе. Всего Голубем и Щегловым будет покрыто около 900 километров, большею частью верхом по горным и степным тропам.

Ал. Смирнов из Туапсе в настоящее время находится в области шапсугов (Сев. Кавказ), и редакция уже получила от него первую корреспонденцию.

Сейчас в редакции идет подготовка к следующим экспедициям. На Днепрострой должны отправиться А. Романовский с художником И. Заславским; В. Кубанский пешком (от Сталинграда до Калача) обследует места, где пройдет канал Волго-Дон.

Намечены и другие маршруты, в том числе общий с Межрабпомфильм (при участии В. Сытина) на Иссык-куль — Кара-кол — Хан-тенгри — Кульджа.

Общее количество экспедиций в текущем году значительно возросло по сравнению с прошлыми годами, и свежий интересный литературный материал журналу обеспечен.

СЕРДЦЕ ЛЬВИЦЫ

Рассказ **А. Демезона** Рис. худ. **В. Щеглова**

I. Человек и зверь.

Был томительно знойный полдень. На веранде, опоясывающей бунгало, в густой синей тени спали двое — человек и зверь. Молодой француз лежал на кушетке, закинув руки за голову и мерно дыша. На другом конце веранды, у самой лестницы огромным клубком свернулась львица. Хозяин привязывал ее на веранде, чтобы обеспечить себе мирный отдых: назойливые черномазые ребятишки не решались приставать, когда видели сквозь балюстраду веранды медно-рыжее туловище десятимесячной львицы. Животное было крупнее взрослого сен-бернара. У него были мощные белые зубы, каждый с большой палец руки, и гибкие лапы шириной в ладонь, способные задавить годовалого теленка.

Антуан Прюдом, хозяин Уары, уже третий год жил в Африке. Подобно Альфреду Брэму, он был натуралист и страстный охотник. Мускулы его были так же развиты, как и мозг. Темное от загара, как дикий мед, лицо было сурово. Черные, блестящие, как вороненая сталь, волосы, густая борода, прямые плечи, богатырский рост. При взгляде на Прюдома никто бы не подумал, что это талантливый ученый, автор блестящих трудов о жизни и психологии животных. Он глубоко презирал буржуазную культуру с ее лицемерием, тупостью и моральным гнетом. В дебрях девственных лесов, наедине с природой он чувствовал себя по-настоящему свободным. После долгих скитаний по джунглям Прюдом решил обосноваться на высоком берегу Нигера. С помощью чернокожих слуг он построил себе бунгало на лесной поляне, неподалеку от поселка племени бобо.

Это были воинственные свободолюбивые люди, никогда не расстававшиеся с луком и колчаном. Чернокожие слуги Прюдома, приехавшие с ним из Алжира, презирали негров бобо, величая их дикарями. Однако сами бобо считали себя первыми в мире мудрецами. В свободное от охоты и войн время мужчины целые дни просиживали у порога хижин с полузакрытыми глазами, окутанные клубами табачного дыма, между тем как жены и дочери трудились на полях, возделывая маис для пропитания семьи.

Когда на бобо нападало желание полакомиться мясом, они собирались всем племенем, окружали какой-нибудь участок леса и истребляли там все живое — антилоп, серн, пантер, птиц, даже змей и лесных крыс. Вечером устраивалось пиршество. На угольях жарилась добыча целиком, со шкурой. Затем бобо накидывались на еду и уничтожали всю добычу. Наевшись как удавы, они валились на землю и засыпали.

Эти примитивные мужественные люди внушали симпатию Прюдому. Он изучил их язык и подолгу беседовал со стариками и старухами за трубкой душистого туземного табаку. Нередко он отправлялся на охоту в джунгли с молодыми воинами.

Увитый виноградом бунгало ученого стоял среди небольшой долины, заросшей джунглями. На досуге Прюдом работал в саду и огороде, где на грядках зеленели капуста и дорогой сердцу француза салат, или лежал на веранде, отдаваясь творческим мыслям.

Однажды на охоте Прюдом убил львицу. Сопровождавшие его туземцы поймали двух ее детенышей, самца и самку. Маленький самец яростно защищался и расцарапал лицо одному из воинов. Разозленный бобо убил его и в тот же вечер съел его мясо. Самка вела себя смирнее. Она понравилась Прюдому, и он решил взять ее на воспитание.

Львенку было месяца четыре. Первое время он беспокойно метался по комнате, поводил ушами и жалобно выл. Обыкновенно львят приручают в возрасте не старше двух месяцев. Вскормленные в неволе козой или соской львята становятся кроткими и покорными, как собаки. Прюдом решил сделать попытку приручить львенка в более позднем возрасте.

Вскоре Уара (так окрестил львенка молодой француз) освоилась с неволей, перестала тосковать и по-своему привязалась к хозяину. Однако за четыре месяца жизни в лесных дебрях она приобрела нрав хищного зверя. Гордость и строптивость Уары особенно привлекали Прюдома. Ему нравилось, что в ней нет рабьей покорности, свойственной львятам, впервые открывшим глаза в неволе.

Почуяв запах сырого мяса, Уара кидалась на еду огромным прыжком. Когда она стояла, гибко склонившись над мясом, ее поза напоминала классическую позу льва, терзающего антилопу. Страх перед человеком сменялся в ней желанием самой навести страх, и она свирепо кидалась на чернокожих слуг, приносивших ей пищу.

Все обличало в Уаре чуткость лесного хищника. По малейшему поводу ее стальные когти появлялись из-под бархатной шерсти лап. Запах человека заставлял трепетать ее ноздри. Прюдом потратил немало усилий, прежде чем добился, чтобы она позволила гладить себя по спине.

Как воспитательное средство Прюдом вздумал испробовать игру. Скучавшее в неволе молодое животное охотно пошло ему навстречу. Человек и зверь катались по полу, догоняли друг друга, прыгали, боролись. Лишь изредка и крайне осторожно для обуздания разъярившегося животного применялся хлыст.

Прошло два месяца. Уаре исполнилось полгода. Это была крепкая, поджарая, несколько неуклюжая львица-подросток, с тощим хвостом и всклокоченной шерстью. Прыгая, она забавно разбрасывала лапы в разные стороны. Зубы у нее шатались: она их меняла. В общем это была своенравная, но довольно воспитанная особа. Она любила, играя, преследовать домашних кошек и подружилась со всем звериным населением бунгало. Дело в том, что Прюдом воспитывал также антилоп, серн и обезьян.

По утрам Уара была скромна и тиха; после еды дремала или внезапно впадала в буйство. К вечеру начинались игры с хозяином. Когда он обедал, она подходила к столу и просила косточек.

По вечерам, когда ветер приносил пряный аромат цветов, влажное дыхание трав и запах звериного пота, Уара начинала беспокоиться. Она переставала мурлыкать. Глаза ее загорались. То-и-дело львица бурно кидалась из стороны в сторону. Ей вспоминалось, как она шла в сумерках вместе с матерью по дороге к водопою среди шума, шелеста и ароматов джунглей. Она кидалась к двери веранды и начинала бешено ее царапать, стремясь вырваться на волю.

Держать львицу взаперти было бы неразумно и слишком для нее мучительно. Прюдом считал, что клетка — варварское изобретение. Мало-по-малу он приучил Уару к ошейнику. Сначала это было только украшение, тонкий шнурок. Затем его заменил ремешок; наконец на львицу был надет настоящий ошейник. К ошейнику прикрепили колокольчик, чтобы знать о каждом движении Уары, и длинную веревку.

Обычные проявления буйства львицы были только игрой. Однако порою игра прерывалась припадками ярости, хищными прыжками и глухим ревом. Признавала Уара только своего хозяина.

Ложась днем спать, Прюдом привязывал львицу к балюстраде веранды. Конечно, она легко могла бы перервать ударом зубов эту жалкую веревку, но к привязи у львицы было такое же инстинктивное уважение, как у негров к замку, которые скорее предпочтут разрушить стену, чтобы проникнуть в запретное место, но оставят замок в целости.

Итак, Уара безмятежно спала на веранде. Спавший на другом конце веранды хозяин также наслаждался глубоким покоем.

Неожиданно на веранде появилась кошка, с которой Уара иногда играла. Львица сразу проснулась при ее приближении, потянулась, сладко зевнула и мягким прыжком бросилась к кошке. Однако

кошка, повидимому, не была расположена к игре. Она была поглощена заботами о своих котятах. Когда Уара слегка ударила ее по морде, кошка сгорбилась, зашипела и одним прыжком перемахнула через балюстраду. Забыв об ошейнике, увлеченная игрой львица кинулась вслед за кошкой. Перепрыгнув через балюстраду, она ударилась о стену и повисла в воздухе на веревке.

Ошеломленное животное начало судорожно биться и корчиться, вытягиваясь вдоль стены и тщетно пытаясь освободиться от веревки. Штукатурка осыпалась. Клочья рыжей шерсти летели во все стороны. Дремавшие во дворе чернокожие слуги вскочили и, увидев в чем дело, опрометью кинулись кто куда. Они понимали, что если веревка оборвется, львица набросится на первого, кто попадется ей на глаза.

Взобравшись на вершину мангового дерева, кошка со своей неприступной позиции наблюдала за ходом событий. Рыжая собака, приятельница Уары, благоразумно поспешила укрыться в кухне. Свиньи с истерическим хрюканьем метались по двору.

Уара продолжала биться на веревке. Ее отчаянное рычанье постепенно перешло в хрип. Мускулы шеи судорожно напряглись, из пасти капала пена. Львица задыхалась, силы покидали ее...

Разбуженный шумом и гамом Прюдом вскочил с кушетки и бросился к балюстраде. Он уже готов был осыпать проклятиями самых отдаленных предков тех сорванцов, что дерзнули дразнить Уару. Внезапно, перегнувшись через перила, он увидал висящую львицу. Уара тоже его увидела и бешено подпрыгнула, но не достигла перил и беспомощно скользнула вниз, оставив на стене новый клок шерсти. Чувствуя свое бессилие, львица устремила на хозяина молящий, полный ужаса взгляд.

Прюдом схватил веревку и принялся изо всех сил тянуть ее к себе. Но львица была тяжела, и все усилия поднять ее были напрасны. Внезапно Прюдома осенила новая мысль. Он отпустил веревку и опрометью кинулся в комнату. Из глотки львицы вырвался протяжный пронзительный вопль: хозяин покинул ее...

Через минуту Прюдом вернулся на веранду с ножом в руке. Львица висела неподвижно, вытянувшись вдоль стены; глаза ее налились кровью и выступали из орбит. Пасть была раскрыта, язык свешивался розовой тряпкой. Страдальческий взор впился в хозяина. Одним ударом Прюдом разрубил веревку, и Уара рухнула вниз, как мешок. Через мгновение львица была уже на ногах и, радостно отряхиваясь, мчалась к лестнице веранды.

Обливаясь потом, Прюдом опустился в плетеное кресло. Не успел Прюдом опомниться, как был опрокинут на пол и очутился под зверем. Над его лицом наклонилась морда хищника, обдавая горячим дыханьем.

Человек хотел было защищаться, отодвинуть пасть, удержать лапы Уары — напрасно. Львица лежала на нем, придавив его всей своей тяжестью. Ужас пронзил Прю-

Горячий шершавый язык усердно лизал стиснутые в кулаки руки хозяина...

дома. В глазах потемнело. Его тело то теряло вес, становясь легче перышка, то приобретало свинцовую тяжесть.

Однако Уара и не думала издавать острых коротких криков, характерных для разъяренных львов. Гигантская кошка глухо мурлыкала. По временам мурлыканье переходило в жалобные прерывистые стоны. Страшные клыки были спрятаны. Горячий шершавый язык усердно лизал стиснутые в кулаки руки хозяина, его побелевшее лицо, мокрые от пота волосы, все тело. Внезапно Прюдом понял, что сделался жертвой благодарности львицы...

II. Серенада львов.

С этого дня Прюдом и львица были неразлучны. Уара не желала играть без хозяина. Если он ее звал, она немедленно прибегала, оставляя лакомый кусок. Когда он нечаянно наступал ей на хвост, она без рычания отскакивала в сторону. По утрам она подходила к его постели и, здороваясь, лизала ему руки. Отправляясь на прогулку к берегу реки, он брал с собой львицу. Когда он ехал верхом, Уара как собака бежала за ним. Иногда она пыталась взобраться к нему на колени и немного обижалась, когда он сбрасывал ее на пол.

Уара распространила свою симпатию на всех белых людей. В ее глазах это были могущественные существа, способные освободить от пут задыхающуюся львицу. Она весьма благосклонно отнеслась к англичанам-зоологам, членам экспедиции, посетившим Прюдома в его уединенном бунгало. Она давала им себя гладить и даже заигрывала с почтенными профессорами, угрожая целости их очков и брюк. Англичане опасливо сторонились.

— Не доверяйтесь чересчур этому зверю, — предупреждали они Прюдома. — Вот погодите, она достигнет возмужалости и тогда покажет себя. Берегитесь, как бы она в один прекрасный день не содрала с вас скальпа.

Прюдом только усмехался в ответ.

* * *

Пришла тропическая зима. Ливни свинцовой пеленой заткали дали. Бунгало Прюдома казался утлым кораблем среди бешено ревущих горных потоков, наводнивших долину...

Наконец ливни утихли. Наступила весна. Снова золотой зной, дурманные ароматы и концерт джунглей. Уаре исполнилось двадцать месяцев. Критический возраст.

Внешне она мало изменилась. Только еще выросла, шерсть слегка потемнела. Все так же нежна она была с хозяином, но порою по ночам ее охватывала странная ноющая тоска. И если бы крепкий молодой сон не сковывал утомленного за день Прюдома, ученый мог бы наблюдать, как львица то-и-дело вздрагивала во сне словно под невидимыми уколами просыпалась, поднимала голову, натягивая веревку, прядала ушами и жадно втягивала воздух трепетавшими ноздрями. Можно было подумать, что львицу раздражают заунывные песни бобо, доносившиеся из селения. Однако львице не было дела до этих человеческих звуков. Ветер доносил до нее шумы, шелесты и запахи джунглей. Человеческое ухо не в состоянии было бы уловить эти тонкие ночные звуки, но настороженное ухо львицы жадно их ловило.

В один из вечеров, когда лесные шумы стали особенно настойчивы, пастух-бобо, древний как скала, сказал молодежи:

— Надо разложить костры вокруг стада.

Юноши вооружились длинными стрелами и увесистыми кинжалами, которые обычно фигурировали во время погребальных плясок. Рубиновым дрожащим ожерельем охватили костры стадо, вырывая из мрака то пятнистые спины телят, то белый бок прилегшей козы, то тяжелые рога волов, предназначенных для жертвоприношений...

Дни Уары протекали как прежде. Львица кормилась в установленные часы, играла с хозяином, дремала. Навещавшие Прюдома бобо делали вид, что боятся львицы, отскакивая в сторону при ее приближении. Они хотели этим доставить удовольствие ее хозяину. Они прекрасно знали, что львица окончательно порабощена.

Однажды утром мальчик-негр, войдя на веранду со свежей водой для львицы, с изумлением увидал, что она лежит без привязи. Веревка была разорвана

на части. Взволнованный мальчик побежал рассказать Прюдому о случившемся.

Прюдом привязал новую крепкую веревку к ошейнику Уары и отхлестал львицу обрывками старой веревки.

— Она хотела испробовать крепость своих зубов, — сказал Прюдом слуге.

Он не хотел поделиться с мальчиком своими опасениями. Львица напомнила ему иных слуг, которые, наметив какую-нибудь пленившую их вещь, день изо дня прячут ее от хозяина, прежде чем ее украсть.

Прошло несколько дней. Выходка Уары была забыта. Львица вела себя примерно. Близилось полнолуние. Ночи стояли такие светлые, что можно было бы взять на мушку антилопу, появившуюся на опушке джунглей. Однако ни антилопы, ни лани больше не показывались среди молодняка, окаймлявшего джунгли: их прогнали ночные шумы и шорохи, которые все нарастали, по мере того как Уара увеличивалась в весе и росте...

* * *

Однажды вечером Уара лежала на веранде. Набегавший легкими порывами ветер ласкал холеную шерсть львицы. Он приносил ей запах сырых мхов, сочных листьев, янтарных смол, лиан, набухших соками плодов и пыльцы, которая золотым дождем сыплется с пальмовых листьев от взмахов крыльев летучих мышей и ночных птиц.

Прюдом мирно спал в своей комнате. Сторож-алжирец, обойдя домик, пропел, как обычно, свою песенку, в которой звучала тоска по лазурному вольному морю, и спокойно растянулся на цыновке, предоставив охрану бунгало добрым «духам». Окончив охоту на мошкару, летучие лисицы издали мелодичный звук, подобный звону серебряного колокольчика, и неподвижно повисли вниз головой на ветвях излюбленного ими манговаго дерева. Только кошка да ручной удав бодрствовали во дворе, выслеживая крыс.

Внезапно в душную лунную тишину ворвались нестройные звуки. Они шли из джунглей, черной стеной встававших над поляной. Это было глухое ворчанье, напоминавшее отдаленный рокот прибоя. Постепенно усиливаясь, оно перешло в протяжные вопли. Ревело несколько зверей, скрытых во мраке. Вой нарастал, переливаясь дрожащими нотами, и далеко разносился по джунглям. Казалось, в дебрях заиграл гигантский невидимый орган...

При первом же призывном звуке Уара порывисто вскочила на ноги. Глаза ее фосфорически горели. Львица била себя хвостом по бедрам. Дрожь волнами пробегала по ее телу. Рванувшись к балюстраде, Уара натянула веревку. Тяжело дыша, она начала трясти головой, словно пытаясь сбросить ошейник... Там, на опушке джунглей львы пели ей серенаду, кидая в лунный полумрак призывы любви...

На пастбище охваченное ужасом стадо сбилось в кучу; быки, телята, козы жались друг к другу. Собаки тявкнули раза два, но тут же умолкли, словно захлебнувшись страхом. Пастухи подбросили в костры хвороста и, сжимая оружие, глядели в синюю мглу стволов. В загонах для скота бобо зажигали огни, которые отгоняют злых «духов» и могучих хищных зверей...

Уара беспокойно топталась на месте, сопела и тихонько подвывала хору львов. Рыканье становилось все громче, победоноснее. Оно окутало густыми волнами бунгало и веранду с одинокой львицей. Теперь оно звучало, как буйный половодный поток, рвущий все преграды в своей вешней пляске.

Конечно, рыжие всклокоченные львы, томившиеся по Уаре, не подозревали, что ее шерсть пропитана едким запахом человека, что львица тщательно приглажена щеткой, вымыта и вычесана. Медленно, крадучись, двигались они вдоль опушки...

Окутанная сетями родных звуков, Уара позабыла о хозяине. Ее глотка начала судорожно трепетать, затем из нее вырвался приглушенный звук, за которым последовало резкое ворчанье.

Сторож проснулся. Проснулся и Прюдом и кинулся на веранду. Перед ним стояла иная, незнакомая ему львица. Казалось, она выросла за эти несколько часов. Уара трепетала. Ее задние лапы словно искали точку опоры для решительного прыжка. Передние лапы то резко

поднимались, то мягко опускались, словно она ступала по колючим зарослям. Уара не замечала ни хозяина, ласково звавшего ее по имени, ни балюстрады, ни презрен-

Там, на опушке джунглей львы пели ей серенаду...

ной веревки. Ее взор был прикован к чернеющей опушке леса.

Все более властно звучал голос львов. Они готовы были вступить в кровавую битву из-за львицы и меряли друг друга взглядом, то припадая к земле, то подпрыгивая в волнах кустарника. Они призывали Уару повиноваться извечному долгу львицы и снова признать над собой древний закон джунглей, который она нарушила, покорившись человеку. Казалось, джунгли напряженно ждали развязки драмы львиной любви.

— Ну, в чем дело, Уара?

Властно упал голос Прюдома. Его руки опустились на загривок львицы. Словно пробудившись от сна, Уара быстро повернула голову. В полумгле веранды ее глаза вспыхнули зеленоватым огнем. Она увидала своего хозяина. Мощная фигура зверя медленно склонилась перед человеком. Уара легла у ног хозяина. Хвост ее был напряженно выпрямлен, вытянутые передние лапы сложены.

— Сторож! — зычно крикнул Прюдом.

— Я здесь, хозяин. — Силуэт чернокожего четко выступил на фоне залитого луной двора.

— Что случилось? Приходил кто-нибудь?

— Никого нет, хозяин. Это просто львы. Они зовут Уару. Разрази меня гром, если она не слушает этих мерзавцев!

Прюдом сбегал в спальню, схватил ружье, стоявшее наготове заряженным, и, подбежав к балюстраде, прицелился в сторону львиного рева. Прогремел выстрел. Пуля со свистом пронизала лунную мглу. Долго перекатывало эхо рокочущие отзвуки по долине.

Ворчание смолкло. Но лишь на мгновение. Снова полились львиные рулады. Внезапно львица вскочила на ноги и метнулась в сторону хозяина, натянув веревку. Прюдом наклонился над ней и ласково почесал ей возле глаз, подбородок и основание хвоста.

— Ну, будет тебе, Уара, ложись.

Львица лизала босые ноги хозяина. Потом она повалилась на спину, задрала все четыре лапы и дала погладить себя по животу.

А между тем на фоне клубящихся джунглей истаивали смутные движущиеся силуэты. Последние вопли долетали до человеческого жилья, и в них звучала угроза и гнев отвергнутой любви...

III. На потеху толпе.

Клетка — три кубических метра, наклонный пол, потолок на высоте поднятой руки, грязно-желтые стены, мощные железные прутья. За решоткой, уткнув голову в лапы, неподвижно лежит поджарая львица. Это Уара. Как попала она сюда?

На четвертый год своего пребывания в африканских дебрях Прюдом начал

испытывать приступы острой тоски по родине, по культурной жизни. Негры бобо и любимые звери перестали развлекать его. Научная работа как-то не клеилась. Все чаще в его воображении вставали залитые огнями улицы Парижа, бородатые серьезные лица профессоров, аудитории Сорбонны. А тут еще пришло письмо от той, которую все эти три года он напрасно силился забыть: от худенькой гибкой женщины с движениями кошки и душными, как тропическая ночь, глазами. Она была его невестой, но внезапно порвала с ним и с наукой, которой так увлекалась, и вышла замуж за богатого рантье, обладателя приморской виллы, покладистого нрава и круглого брюшка под вырезной жилеткой. Измена невесты и была отчасти причиной внезапного разрыва Прюдома с культурным миром и его бегства в Африку.

Теперь Генриетта писала, что развелась со своим рантье, который наскучил ей до тошноты. Она снова свободна и жаждет отдаться научной работе. Она давно поняла, что любила одного Прюдома. И если он...

Письмо это прозвучало как властный призыв из другого мира. Прюдом спешно сложил свои вещи, поселил в бунгало чернокожих слуг и двинулся в Алжир, захватив с собой Уару. В Алжире он расстался с Уарой, подарив ее своему приятелю, колониальному чиновнику. Нечего было и думать везти зверя в Париж. Прюдом собирался начать новую жизнь, в которой не было места его любимице. С болью в сердце простился он с Уарой. Покидая берега Алжира, он долго смотрел на белый домик чиновника, где поселилась львица...

Через несколько месяцев угодливый чиновник подарил Уару губернатору, а меценат-губернатор принес львицу в дар Парижскому зоопарку. И вот Уара очутилась в тесной клетке на палубе парохода. Волны укачивали ее, пассажиры с тупым любопытством глазели на хищника. Прищуренными глазами глядела Уара на уплывавшую в даль буйную зелень алжирских берегов и думала свою крепкую звериную думу.

И вот Уара стала соседкой гиены, подаренной французскому правительству вождем племени кабилов, и бурого медведя с облезшей шерстью. Она не имеет общения с этими зверями, будучи иной породы. Но она знает, что несколько поодаль обитают львы, присутствие которых она слышит и чует.

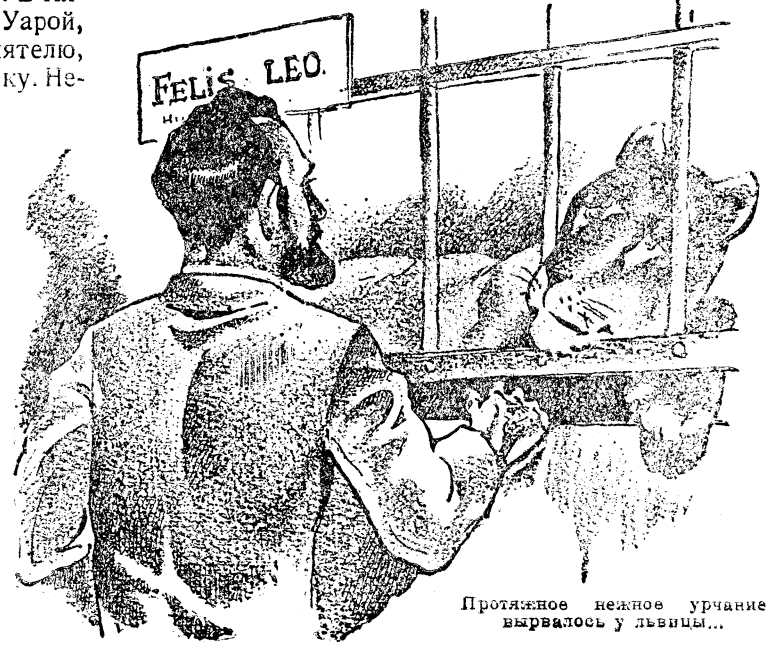
Она живет на берегах Сены, в одной из двадцати ниш обширного зала. Скучные дорические колонны разделяют ниши, подпирая безнадежно серый потолок. На некоторых колоннах надписи:

«Запрещается дразнить животных».

Над клеткой Уары стоит:

Львица
Felis leo
Дар М. Рише

Ранняя весна. На улицах солнце и слякоть. Молодая львица с короткими конусообразными клыками мечется по



Протяжное нежное урчание вырвалось у львицы...

клетке, то-и-дело бросаясь на решотку в напрасной надежде найти выход к солнцу и свободе. Праздная толпа проходит мимо клеток.

Felis tigris
Королевский тигр
Дар вице-короля Аннама

Felis pardus

«Felis leo»...

Дети бросают сахар медведям к великому удовольствию старичков, вооруженных тростями и зонтами, нянек и мамаш.

На других колоннах написано:

«В виду несчастных случаев, имевших место с животными, воспрещается под страхом судебной ответственности бросать что бы то ни было следующим хищным зверям: львам, пантерам, пумам».

Надписи, надписи, надписи... Ржавые решотки, дремлющий сторож на скамейке...

О, эти ржавые клетки, современники керосиновой лампы и сальной свечи! Зловонные, душные звериные тюрьмы. Перед ними проходят вереницы человеческих лиц, юных, сияющих здоровьем, и сморщенных, испитых, изгрызенных недугом. Сотни глаз, искристых, свинцово тусклых, воспаленных, хищных, шарят по клеткам, ощупывая зверей.

Молодая львица порою бросает любопытный взгляд на толпу праздных буржуа. Она издает легкое рычание, она зовет, чтобы с нею поиграли. Но толпа не понимает львицу. В сытом самодовольстве, защищенная решотками, она издевается над беспомощным зверем.

Идиотское бахвальство перед узником! Буржуа поддразнивают хищников. Им кажется, будто они глядят на фотографию крупного убийцы, украшающую первую страницу газеты.

Уара не совершила никакого преступления. А, между тем, она здесь, в этой тюрьме, выставлена на потеху зевакам. Уже давно прекратила она акробатические упражнения, которые еще не успели надоесть молодому льву, отделенному от нее четырьмя нишами. Она не набрасывается больше на воображаемого врага. Ей надоело упорное мелькание перед клеткой этих людей, которых она не может обнюхать и с которыми нельзя поиграть...

Вначале Уара не понимала, что с ней случилось. Она думала, что ее пребывание здесь такой же этап, как и переезд на пароходе, что скоро ее выпустят из клетки, снова наденут ошейник и отведут в дом хозяина, в веселый дом с широкой верандой, залитой горячим золотым солнцем... Потом ею овладела скука: однообразная еда, ежедневные переходы из дневной клетки в ночную и обратно, желтые стены, решотки, неподвижная даль за окном... И в сердце львицы возникло неудержимое желание увидать хозяина. Она ждала его день и ночь, жадно присматриваясь к толпе посетителей. Вытянув лапы между прутьями, чтобы хоть немного увеличить площадь, отведенную ей людьми, и полузакрыв глаза, Уара прислушивалась к говору толпы: не послышится ли среди трескотни пошлых голосов дорогой ей свежий властный голос.

Утомившись от наблюдений, Уара спит. Она только что поела. Пищу ей приносит молодой сторож, уроженец Севенн, подобно ей лишенный родины. В его глазах гнездится та же тоска, что и в янтарных потухших глазах Уары.

Львица уже не радуется новому утру, преддверию томительного дня. Ей вспоминаются иные утра в дорогом ей доме. Веселый лай собаки, мычание быков, резкий крик птицы-лиры, блеяние овец, ритмические стоны тамтама, рокот джунглей сменились гулом толпы, громыханием трамваев и гудками авто. Порою в сознании зверя пробуждалась иная, еще более смутная тоска, тоска по джунглям и вольной дикой жизни...

Проходили месяцы. Львица становилась все апатичнее. Часами просиживала она неподвижно, понурив голову, или лежала на боку, прижавшись ухом к полу и пытаясь уснуть. Только в часы, предназначенные для еды, у нее возникало желание подвигаться.

IV. Встреча с любимым.

И вот однажды, когда Уара меньше всего его ждала, появился Прюдом. Последние два года он провел в провинции, в одном из университетских городов, где получил кафедру по зоологии. Он женился. Кареглазая Генриетта помогала ему в научных трудах. Студенты любили молодого профессора с горячей смелой речью и живыми глазами. Его лекции порою принимали характер увлекательных охотничьих рассказов. Он говорил о зверях с чуткостью и любовью. Новые талантливые труды создали ему крупное имя. Однако ему сильно недоставало тех зверей, о которых он так много говорил и писал, не хватало ему и лесных дебрей, и ярких красок, и вольных звуков, и солнца. Он часто вспоминал Уару. Однажды он узнал, что львица находится в Париже. Его охватило желание повидаться с ней. Он легко получил командировку в столицу и поехал.

Был обеденный час. Уара упругими бархатными шагами ходила взад и вперед по клетке, то-и-дело останавливаясь перед дверцей, в которую подавалась пища. Прюдом издали узнал ее, но не подошел сразу, а подождал, пока отхлынет толпа посетителей. Затем он быстрыми шагами приблизился к клетке.

На мгновение львица остановилась, чтобы рассмотреть этого посетителя, так упорно глядевшего на нее. Она не узнала его. На нем не было больше пижамы, тропического шлема и полотняной обуви. Он сменил их белизну на темный скучный костюм, свойственный странам, где дома вонзаются тяжелыми громадами в небо, а деревья лишены листвы.

— Уара, дитя мое! — взволнованно прошептал Прюдом, когда львица снова зашагала по клетке. — Ты не узнаешь меня?..

Львица остановилась как вкопанная, потом метнулась вперед и прижала морду к решотке. Ее глаза неподвижно уперлись в человека. Хвост судорожно хлестал по воздуху. Ничто в мире не могло бы оторвать ее взгляда от хозяина. Мутные и тяжелые глаза львицы вспыхнули зеленым пламенем. Сердце колотилось в могучей груди, как буйная дробь тамтама.

Человек прерывающимся от волнения голосом говорил ей те самые слова, которые в свое время заставили ее забыть приволье родных джунглей. Бока ее поднимались и опускались. Протяжное нежное урчание вырвалось у львицы. Уара повалилась на спину и, втянув когти, ждала ласки, к которой привыкла еще с детства.

Прюдом протянул руку сквозь прутья и начал трепать Уару по животу. Потом львица поднялась, обнюхала ласкавшую ее руку, облизала ее шершавым языком. Поворачиваясь то спиной, то головой, то хвостом, она терлась о руку хозяина. Внезапно Прюдом заметил перемену, происшедшую во львице: грязную свалявшуюся шерсть, плеши на голове и туловище от долгого трения о прутья клетки, тощий хвост. От животного исходил едкий запах: Уару ни разу не купали за все время ее заключения.

Время от времени львица замирала, мягко стиснув зубами руку Прюдома, исчезавшую в ее пасти, и останавливала на ученом взор, полный упрека. Громкое мурлыканье гулко разносилось по сводчатому залу. Львы встрепенулись в своих клетках. Их ответное рыканье сотрясло зал, покрыло рев сирен, звонки трамваев и крики газетчиков.

Прюдом невольно отдернул руку. Тогда Уара просунула сквозь прутья передние лапы, осторожно притянула его к себе и начала жадно облизывать ему лицо, голову, грудь. Она ничего не видела, кроме любимых ясных глаз, ничего не слышала, кроме своего имени, которое уже давно никто не произносил.

— Уара! Уара!..

— Посещение закончено. Пробило четыре.

Сторож подошел к клетке.

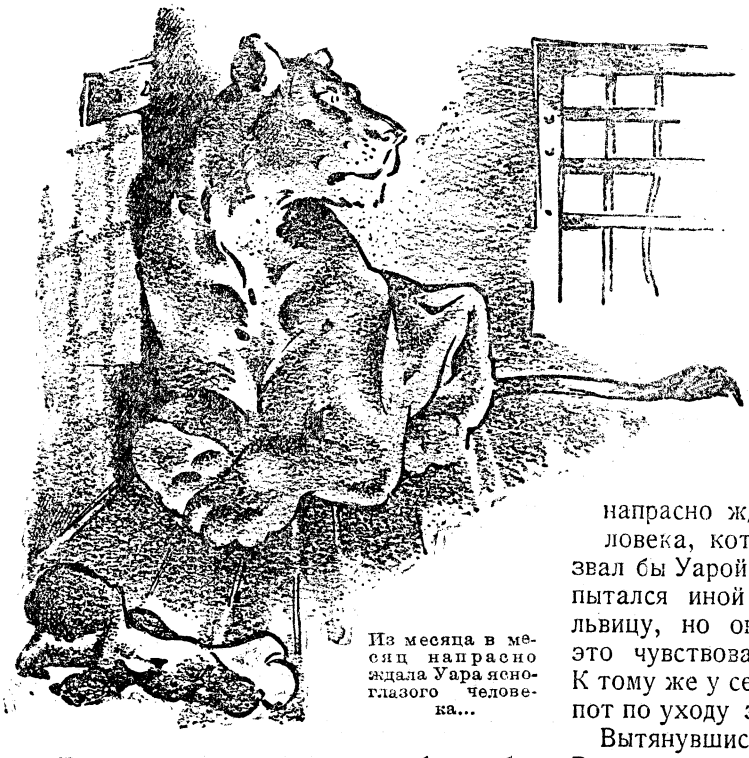
— Вы знаете эту львицу? — удивленно спросил он Прюдома.

— Еще бы мне не знать ее! — вырвалось у Прюдома. — Я ее вырастил и воспитал. Уже более двух лет мы с ней не видались. Но лев никогда не забывает.

* * *

После свидания с Уарой Прюдом особенно остро почувствовал свою связь с животным. Он решил во что бы то ни

стало освободить Уару, снова взять ее к себе. Он написал о своем намерении Генриетте: она, конечно, не будет протестовать против этого нового члена семьи. Она так много слыхала об Уаре, так любит животных.



Из месяца в месяц напрасно ждала Уара ясноглазого человека...

Прюдом начал хлопотать об освобождении львицы. Он никогда не был высокого мнения об административном аппарате республики, но препятствия, на которые он натолкнулся с первых же шагов, превзошли все его ожидания. Он предложил выкупить львицу. Ему ответили ссылкой на статью устава и указали на надпись, красовавшуюся над клеткой. Дар был сделан другим лицом, но если бы даже он исходил от Прюдома, все равно возврат зверя был бы невозможен.

Прюдом пришел в ярость от такой рутины, разругался с чиновниками и послал негодующую статью в редакцию крупной газеты. Он требовал поддержки общественного мнения, едко высмеивая устарелость и бездушную тупость законов.

Статья была возвращена редакцией.

— Этот вопрос не является злобой дня, — сказали ему.

Ни авторитет Прюдома как ученого, ни поддержка университета не помогли Волей-неволей пришлось сложить оружие и предоставить Уару ее судьбе. Прюдом вернулся к своей кафедре.

V. Конец львицы.

В кубической клетке лежит зверь грязно-желтого цвета, цвета окружающих его стен. Толпа называет его «диким». Львица потеряла свое имя и не принадлежит никому, кроме правительства. Сухие листья сменили летнюю пыль. Пришла зима с низко плывущими тяжелыми тучами, с завесой непроницаемой мглы, с леденящими холодами.

Из месяца в месяц напрасно ждала Уара ясноглазого человека, который почесал бы ее и назвал бы Уарой. Правда, сторож-севеннец пытался иной раз неловко приласкать львицу, но он побаивался ее, и звери это чувствовал и не уважал сторожа. К тому же у севеннца было по горло хлопот по уходу за зверьми-заключенными.

Вытянувшись, Уара лежит на боку. Возле нее кусок конины, но она не потрудилась очистить кость от мяса. Приходил ветеринар. Забегал помощник директора. Никаких признаков болезни не заметно. Однако Уара не желает есть, отказывается переменить клетку. Сегодня вечером она осталась лежать на полу, выпрямив облезлый хвост. Грязная растрепанная шерсть еле вздымается на боках. Фонари бульвара одни освещают звериную темницу в час, когда люди рассыпались по городу в погоне за удовольствиями.

Это одна из последних ночей борьбы зимы с весной. Встреча южных и северных ветров. Буря ревет и ударяет в стекла ледяными руками. За окном мечутся и стонут голые акации. Листы железа, сорванные с крыш, свистят в воздухе и с лязгом рушатся на мостовую.

Прижав морду к полу, Уара глухо стонет. Свистящий хрип вырывается из

ее глотки. Трепет пробегает по бокам и бедрам львицы. Вопли растут, становятся все упорнее и протяжнее. Без злобы, — у нее нет на это сил, — львица настойчиво требует, чтобы ее отпустили в джунгли, где бродят тысячи зверей, играют, борются за жизнь и умирают такие же вольные, как родились.

Ночью другие львы, мрачные и свирепые, попавшие взрослыми в западню абиссинцев, услыхали надрывный голос Уары. Все то, чего не могли понять ни ветеринар, ни помощник директора, ни сторож, стало ясно этим товарищам по неволе. Их губы вздрагивают, горло сжимается. Тяжелое урчанье наполняет зал гулким рокотом.

Умирающая львица прислушивается к их рыканью. Это те самые голоса, которые она когда-то слыхала вечером на веранде лесного бунгало, выбеленного луной. Пытаясь вскочить, она бьется об пол и царапает его когтями. В ней происходит борьба между уходящей жизнью и надвигающейся смертью, между желанием итти навстречу несущимся призывам и холодной апатией. Рефлекторно начинает она лизать пол клетки, грызть его клыками. Но пол не поддается, он неподвижен и безразличен к ее мукам и желаниям.

Медленно ползет ночь, благоприятствующая свободным львам, которые проспали весь день в тени скал или кустов. В соседних клетках непрерывно кружатся звери, гулко ударяясь о решотку, с опущенной головой и напружиненной шеей, словно на охоте. Глаза их горят фосфорическими огнями.

Уара замолкла. Обтянутые высохшей кожей члены коченеют и вытягиваются по мере того, как холод поднимается к сердцу. Она выпустила когти и больше не прячет их. Уши прижимаются к голове. Челюсти судорожно двигаются, щелкают и скрежещут, покрытые пеной.

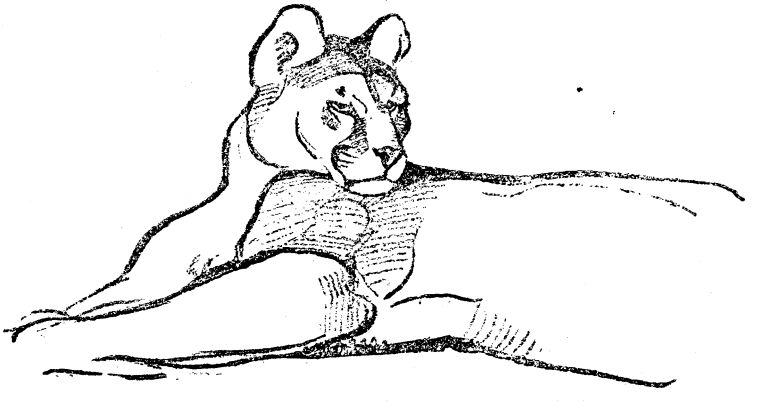
На улицах ветер хохочет и бесится. Мало-по-малу замирает движение трамваев, фырканье авто и хриплые выкрики газетчиков...

Слабеющие стоны Уары напоминают завывания бури. Ее ребра с трудом поднимаются и опускаются словно старые кузнечные мехи. В этих прощальных воплях она признается собратьям-львам, что нарушила закон джунглей, не убежав в ту ночь, когда львы пели ей серенаду. Она предпочла человека и его жилище темным чащам, постели из трав и листьев и любви вольных львов.

Внезапно мускулы ее шеи слабеют, голова тяжело стукается об пол, судорога сводит худое тело.

Рано утром сторож увидел окоченевшее тело львицы. Она лежала с высунутым языком, наполовину прокушенным зубами, и остекляневшими, широко раскрытыми глазами.

За окном обнаженные акации, насквозь пропитанные дождем, веяли тоской. Редкие прохожие спешили куда-то, гонимые нуждой, сгорбив спину и вздрагивая под порывами мокрого ветра...



Научно-фантастический роман **Б. Турова** Рисунки худ. **А. Шпир**

(Продолжение)

VII. Тайна Ниамбы.

Солнце уже стояло низко, когда за стеной раздались те же, что прошлой ночью, звуки. На этот раз нелепого ночного страха, конечно, не было, и Ильин с любопытством прислушивался к тому, что там происходило, как вдруг родилось предположение настолько жуткое, что невольный холод пробежал у него по спине.

Кроз ни словом не обмолвился о том, что делается по ту сторону стены, а Ильин также этой темы не затронул. Вещь общеизвестная: спрашивать о том, чего явно не хотят говорить, — лучший способ ничего не узнать.

С другой стороны, Ильин чувствовал, что он не в силах оставаться в неизвестности. Первый проект — подставить к стене лестницу — отпал, потому что никакой лестницы в доме не оказалось. Воспользоваться веревкой? Но на гладком полукруглом ребре стены ее не за что было бы зацепить.

Взгляд на гигантское дерево у веранды принес разрешение вопроса. Обвивавшая ствол лиана давала возможность подняться по стволу до уровня стены. Заперев дверь комнаты и калитку сада, он решительно полез вверх. Кора дерева была бугристая и неровная, и толстые жгуты лианы так крепко срослись с ней, что подъем оказался нетрудным, и через минуту Ильин уже погрузился в густую зелень кроны. Взгляда по сторонам было достаточно, чтобы убедиться в своей невидимости, но и ему ничего не удавалось рассмотреть. В следующий момент он вспомнил о громадном суке близ вершины, выдвигавшемся из кроны, и полез выше. Еще несколько усилий и, лежа в глубокой развилине, скрытый, как одеялом, бахромою листьев лианы, он взглянул поверх стены.

Узкая полоса твердой земли с редкими, беспорядочно раскинутыми деревьями постепенно расширялась за стеной, образуя порядочный остров, площадью не менее сотни гектаров. Вдали виднелось множество небольших зданий с фигурами людей между ними.

Расстояние было слишком велико, чтобы рассмотреть подробности. Но в очертаниях и движениях этих фигур чувствовалось что-то странное. Не будучи в состоянии толком разобратся в происходящем возле бараков, Ильин уже собирался слезть за биноклем, когда справа у самой стены раздался шум шагов.

Опустив глаза, он невольно вздрогнул.

За стеной на расстоянии не более тридцати метров от него двигалось существо, настолько неправдоподобное и чудовищное, что Ильин, внутренно подготовленный к чему-то необычайному, все же почувствовал, как он весь холодеет. Во всяком случае то, что неуклюжим, но быстрым шагом шло за стеной, никоим образом не было человеком.

Широкая сутулая фигура была нелепо и несоразмерно громадна, длинные, как у гориллы, руки спускались ниже колен, черная шерсть покрывала грудь, плечи и оконечности, но прямые, длинные, как у человека, ноги ступали твердо, и в руках чудовища была военная с примкнутым штыком винтовка.

Несколько секунд, почти не веря глазам, Ильин смотрел вниз. Да, это так! Никаких сомнений больше быть не может. Жуткое предчувствие, которое заставило его влезть на дерево и которому несколько минут назад он не решался поверить, оправдалось.

Так вот в чем заключается отвратительная и страшная тайна Ниамбы: французы скрещивали здесь негров с гориллой!..

Чудовище прошло мимо и, дойдя до болота, повернуло назад. Тепер Ильину было ясно видно его лицо, и он впился в него глазами, стараясь не упустить ни одной детали. Сравнительно с мохнатым телом лицо было почти голое, так же и спина, и совершенно черного цвета. Громадные, выпяченные вперед губы являлись какой-то чудовищной пародией на губы негра. Низкий покатый лоб спускался к далеко выдвигавшимся вперед надбровным дугам. Громадные квадратные челюсти, повидимому, свободно могли бы смять ружейный ствол. Все тело было непропорционально огромно даже для гориллы, по крайней мере в два метра высотой, если не больше. Нечеловеческая, сокрушающая сила чувствовалась в тяжелых и вместе с тем быстрых движениях чудовища.

Сгорбившись и опустив вниз лицо, неуклюжим размашистым шагом гориллоид прошел до другого конца стены и снова повернул обратно. Очевидно, это был часовой.

Во взбудораженном от всего виденного мозгу Ильина затеснились, перегоняя друг друга, самые несообразные предположения. Если в руки подобного создания вложена винтовка французской армии, значит он обучен обращению с оружием, и, конечно, это дисциплинированный солдат, потому что не может же быть, чтобы дикому зверю была дана в лапы такая опасная игрушка. Но этого мало. Раз налицо часовой, значит имеется какая ни на есть воинская часть. И не служит ли окружающая Ниамбу тайна прикрытием опыта... (здесь Ильин невольно запнулся, не решаясь даже себе самому сформулировать вытекающий из предыдущего вывод)... прикрытием опыта создания армии из помесей человека с гориллой?! И следовательно, казармами для этих чудовищ являются виднеющиеся вдали ряды бараков?

Словно в ответ на его мысли от бараков донесся сухой треск винтовочного выстрела, затем другой, третий. Через минуту стрельба возобновилась с неправильными длинными промежутками. Всего было сделано десятка полтора выстрелов, после чего все смолкло. Очевидно, в этих выстрелах не было ничего необычного, потому что мохнатый часовой продолжал мерно ходить вдоль стены, даже не оглядываясь в ту сторону.

Прошло с полчаса, а может быть, и больше. Ничего нового не происходило. Лежанье на суку начало делаться утомительным, и Ильин решил слезть с тем, чтобы немного спустя вернуться с биноклем и как следует рассмотреть, что делается вдали, у бараков. Выбрав момент, когда чудовищный часовой шел, повернувшись к нему спиной, Ильин быстро скользнул вниз по лестнице лиан и через минуту сидел в кресле у себя в комнате. Он чувствовал себя совершенно потрясенным.

Несомненно, в Ниамбе и должны были иметь место вещи из ряда вон выходящие. Он знал это, когда ехал сюда. Однако подобной истории он все-таки не ожидал.

Что правильны его предположения о попытке создать вооруженную силу из гибридов человека с гориллой, в этом он уже почти не сомневался. Но какой в этом смысл? Ведь нельзя же допустить, что подобные невероятные скрещивания можно будет поставить в больших размерах.

Итак, вот что означали слова в письме Идаева об успехе, который ему самому внушает ужас. Чего-либо особенно ужасного Ильин здесь пока еще не видел, если, конечно, отнестись спокойно к самому факту изготовления помесей человека с гориллой. Но все это было до последней степени дико, неожиданно и отвратительно.

Производить дальнейшие наблюдения в этот день уже не пришлось, потому что наступили сумерки, и утомленный впечатлениями дня Ильин лег очень рано.

VIII. Снова Дюпон.

Снова день неожиданностей.

Прежде всего в лаборатории к Ильину подошел молодой человек в огромных, круглых в роговой оправе очках и обратился с приветствием на чистейшем русском языке.

Немного спустя Ильин вспомнил случайное замечание Дюпона, что в Ниамбе работает молодой русский ассистент, но в первое мгновение он от неожидан-

...Вот в чем заключалась тайна Нгамбы!.. Здесь скрещивали негров с гориллой!.. И в руки подобного создания вложена винтовка!..

ности немного растерялся и не сразу ответил на приветствие.

Молодой человек говорил не спеша и каждое слово произносил с необыкновенной отчетливостью. Оказалось, что он именуется Ахматовым Виктором Петровичем, что он работает уже три месяца в лаборатории профессора Кроза, в соседней комнате. Специальность же его — экспериментальная биология, и он очень рад познакомиться с Ильиным, в особенности поскольку тот является его соотечественником. В общем Ахматов сказал все, что полагается говорить при первой встрече, затем с той же отчетливостью откланялся и направился в свою комнату.

Может быть так подействовали на воображение слишком необычные переживания последних дней, но вся эта коротенькая встреча, круглая, под машинку остриженная голова Ахматова, его огромные круглые очки и законченно округленные выражения оставили у Ильина впечатление чего-то не вполне реального. Словно всего этого и не было — ни Ахматова с его очками, ни Кроза, ни вчерашнего чудовища за стеной. Такое состояние продолжалось, вероятно, одно мгновение, потому что Ильин был абсолютно уравновешенный человек и не проявлял ни малейшей склонности к каким-либо мистическим переживаниям.

Но когда через несколько минут дверь лаборатории снова открылась, Ильину стало ясно, что он начинает сходить с ума... потому что Дюпон вошел в комнату, затворил дверь и, улыбаясь, протянул ему руку.

Должно быть, на физиономии Ильина выразилась крайняя степень изумления, так как Дюпон рассмеялся.

— Только, пожалуйста, не смотрите на меня как на покойника, — сказал он. — Могу вас уверить, что я не привидение и что на моих костях еще надето здоровое и свежее мясо.

Ильин пришел наконец в себя.

— Но, каким же чортом вы сюда попали? — воскликнул он.

— Каким чортом? Чорт здесь не при чем, а виновата, во-первых, кое-какая литература, которую я не умел как следует прятать, а во-вторых — капитан Ленуар. Дело, видите, в том... — механик уселся на стул, и его физиономия засияла. — До чего же я рад, что я вас вижу, и как это хорошо вышло, что и вас занесло в это проклятое заведение!

— Но погодите... — При мысли, что он наконец все узнает, Ильин почувствовал, что он не в силах сейчас выслушивать дружеские излияния. — Говорите толком; почему вы тогда как в воду канули там, в институте, и что з чертовщина творится у них здесь, в Ниамбе?

Дюпон подошел к двери, приоткрыл ее, заглянул в коридор, снова запер на ключ, затем бросил взгляд через окно в сад и, опершись обеими руками на спинку стула, принялся неторопливо докладывать:

— Прежде всего имейте в виду, что говорить здесь можно спокойно, потому что эти две стены выходят в сад, а стену к Ахматову я только что хорошенько осмотрел, когда устанавливал около нее термостат. Стена плотная, и ни дыр, ни вентиляции в ней нет. В институте я влип, благодаря чьим-то длинным языкам. Думаю, что тут не было предательства, а только паршивая привычка болтать чего не следует.

Собственно, когда меня загребли, то вытащили из сундука всего-навсего несколько газет да брошюрок. В общем — так, ерунда, но в институте и этого не полагается, и после трех дней отсидки докладывают мне очень вежливо, что меня отправляют в Европу, а уж там, значит, разберут. Для меня это было дело неподходящее, потому что, надо вам сказать, у меня остались за океаном кое-какие делишки того же рода, и ехать туда мне не было никакого расчета. Поэтому настроение у меня немножко спало, когда вдруг приводят меня в кабинет начальника тамошней полиции, и рядом с ним, смотрю, в кресле капитан Ленуар, комендант Ниамбы.

— Да? — Ильин повернулся на стуле и нагнулся вперед.

— Ленуар взглянул на меня и говорит: «Это и есть ваш коммунист?» — «Да, капитан, кое-какая коммунистическая литература и подозрения в попытке устройства здесь организации. Надеюсь, что в Париже охранка найдет в его

прошлом более пикантные вещи». Капитан посмотрел еще раз на меня, словно хотел влезть глазами под кожу, затем ни с того ни с сего расхохотался. Надо вам сказать, что Ленуар самая опасная гадина, какую я когда-либо встречал в жизни, но кроме того это самый решительный, веселый и беззаботный человек на свете... Как будто меня здесь и не было, он продолжал разговор с начальником охраны:

«Знаете что,—говорит,—вам не кажется, что двери Ниамбы запираются крепче ворот любой тюрьмы в Европе? Если, по вашим словам, Дюпон способный механик, то как раз такого нам сейчас и нужно. Давайте мне вашего молодца. Из Ниамбы он никуда не удерет, а ребятишек моих уж никак не распропагандирует. — При этих словах капитан снова расхохотался. — А если я останусь им недоволен, то... разве не было случаев, когда тонули в болоте люди, пытавшиеся вопреки контракту раньше срока выбраться из Ниамбы?» — Начальник полиции ухмыльнулся, и дело было решено. Меня отправили прямо на катер, и в тот же день вечером я был в Ниамбе...

Дюпон взглянул в глаза Ильину.

— Ну, вот и все. История самая простая. А в остальном особенно жаловаться на судьбу не приходится. Комната отличная, обеды прекрасные и обращение гораздо более вежливое, чем в институте. А главное, попав сюда, я теперь в курсе самой каторжной выдумки, которая когда-либо приходила в голову человеку.

— Это насчет помесей негра с гориллой? — Ильин жадными глазами уставился в лицо собеседника.

Ильину стало ясно, что он начинает сходить с ума: в комнату вошел Дюпон...

— А, вы уже знаете? Дело не в помесях, о всякой такой вашей науке я очень мало беспокоюсь. Дело в том, что они здесь строят ядро войска из таких чудовищ, с которыми вряд ли приятно когда-нибудь столкнуться. Вся эта история — дело рук вашего Идаева. Собственными бы руками пристрелил эту старую собаку!

Ильин с негодованием вскочил со стула.

— Да, да, и нечего обижаться! Вы, как маленькие дети, забавляетесь, выдумываете себе игрушки, играете с огнем и не можете осмыслить, что от брошенной вами спички может заполыхать пожаром и залиться кровью мир.

Ильин не мог не признать правильности приведенного Дюпоном аргумента и сдержал готовый вырваться резкий ответ.

— Дурак выдумал,—продолжал механик,—а умный человек пустил в дело. Ле-

нуар знал, за что брался. Правда, и у него не все винтики в голове, но от этого он еще опаснее. Вы думаете, зачем генерального штаба капитан и красивый парень заперся в этой дыре и вожжается с отродьями, на которых и издалека-то взглянуть противно? Расчет у него правильный. Благодаря Ниамбе он сделает сумасшедшую карьеру. С таким войском в первую же вспышку гражданской войны он взлетит на вершину славы.

Ильин вдруг почувствовал, что у него нет больше терпения слушать общие рассуждения.

— О всякой подобной философии,— прервал он Дюпона, — мы потолкуем после, а теперь рассказывайте толком, что и как делается в Ниамбе? Я приехал по вызову Идаева. В той записке, которую я, помните, тогда получил через негра, Идаев звал меня и он же устроил мой перевод сюда, а когда я приехал, оказалось, что здесь он совершенно невидим — не то действительно болен, как говорит Кроз, не то его почему-то прячут, никак не могу понять.

— Этого и я не знаю, — ответил Дюпон. — Я его не видал и могу только сказать, что он находится за стеной в обезьяньем лагере, потому что здесь его безусловно нет. Вы хотите знать в двух словах, что здесь делается? Очень просто. Изготовляют помеси негров с гориллой. Мамашами служат негритянки. Потому, должно быть, что их легче доставать, чем самок гориллы. И несколько сот негритянок содержатся для этой цели там, за стеной.

Ильин невольно вздрогнул.

— Как они это делают, вам, ученым, лучше знать, а мне о такой мерзости и думать противно. Тьфу, чорт, какая гнусность! Вот уж за что придется в будущем расстреливать без всякой пощады... Так вот. Полученным помесям дают боевую подготовку, и обучение идет, видимо, полным ходом. Ведает всем этим капитан Ленуар. Для мохнатого войска он царь и бог, и дисциплина там такая, что лучшей, пожалуй, не было и в наполеоновской гвардии. Сколько их там, я не знаю, но много, и это такие чудовища, что от одного вида их любое войско обратится в бегство.

— Я их видал, — сказал Ильин.

— Каким образом?

— Влез на дерево и заглянул через стенку.

Дюпон одобрительно рассмеялся:

— Молодец! Это не по-профессорски! Ну, а теперь вот что. Я у вас засиделся, нужно итти и кончать термостат у Ахматова. Надо будет нам с вами еще раз встретиться и уже как следует потолковать.

— Погодите, — Ильин жестом остановил его в дверях. — А что представляет собой Ахматов?

— Скотина!

— До свиданья.

Механик кивнул головой и скрылся за дверью.

IX. Каторжная выдумка.

В этот день Ильин обедал у Кроза, который зашел в лабораторию и, не слушая никаких возражений, потащил его к себе. Через несколько минут после их прихода появился и капитан Ленуар, и Ильин снова испытал чувство ошеломляющего недоумения.

Когда мы много думаем о человеке, известном нам лишь своими делами, его поступки помимо нас формируют в нашем представлении некий телесный образ. И чем ярче сущность поступков человека материализуется в воображаемых нами чертах лица, фигуры и всего его облика, тем сильнее бывает впоследствии чувство изумления, когда этот человек появляется перед глазами живым, реальным, и оказывается совсем иным.

По тому, что Ильин слышал о Ленуаре, он представлял капитана удалым, бесшабашным, высокого роста, с красным носом и нахально торчащими рыжими усами. Вместо этого к столу, улыбаясь, подошел и чрезвычайно просто представился молодой человек с бритым красивым и очень юным лицом и с несколько более длинными, чем это полагается военному, каштановыми, слегка вьющимися волосами. Ему можно было дать лет двадцать пять, хотя, как потом Ильин узнал, он был почти на десять лет старше.

Однако не в чертах лица заключалась сущность физиономии Ленуара. Когда Ильин впоследствии вспоминал о нем, линии лица и фигуры стирались, и, за-

крывая их, вставала перед глазами сияющая радостью улыбка. Эта улыбка была настолько неотразимо привлекательна, что, несмотря на все сообщения Дюпона, первым и совершенно непроизвольным чувством у Ильина по отношению к вошедшему была ни на чем не основанная и бессмысленная, но несомненная симпатия.

За обедом завязался веселый и непринужденный разговор. Местных дел почти не касались. Кроз и Ленуар с увлечением расспрашивали Ильина о впечатлении, какое на него произвела Франция, где он был проездом по пути сюда, как ему понравились бульвары в Париже, какой вид имеет сейчас Москва...

Когда разговор коснулся СССР, улыбка исчезла с лица капитана, и широко открытые серые глаза наполнились таким жадным вниманием, что Ильин как-то сразу насторожился и принял безразличный тон. Как ни был очарователен на вид Ленуар, Дюпон говорил о нем вещи слишком определенные, и, чтобы проникнуть поглубже в здешние дела и секреты, Ильин счел самым умным изобразить человека, равнодушного ко всему кроме науки.

Поэтому, подробно распространяясь об университетских делах и спорте, он об остальном упоминал вскользь, как о делах для него совершенно не интересных; а затем, решив сразу выяснить свое положение, перевел разговор на Ниамбу, высказал восхищение своей квартирой и задал вопрос, с какой целью устроена эта безобразная бетонная стена.

Глаза Ленуара заискрились смехом.

— А разве профессор вам еще не рассказывал?

— Видите ли... — Кроз вытер салфеткой рот и откинулся в кресле. — Мы с коллегой за вчерашний день не успели как следует познакомиться даже с моей лабораторией. А кроме того, знаете, в виду вашего, капитан, отсутствия и поскольку здесь затронуты вопросы, находящиеся далеко вне области моей компетенции, я считал... более удобным воздержаться до вашего возвращения от информации, касающейся уже главным образом вашей работы.

— Я удивляюсь, — ответил, улыбаясь, Ленуар, — что наш новый гость не задал вам этого вопроса еще вчера. Я думаю, поскольку мсье Ильин надолго останется нашим товарищем по работе и покинет Ниамбу, когда ее маленькие и большие тайны уже перестанут быть тайнами, он конечно должен знать все... Ну, а кто же из нас будет рассказывать? Знаете, начинайте вы, профессор, потому что... ведь вашей наукой было положено начало всему.

Кроз налил себе стакан вина и уселся поудобнее.

— Вы в самом деле мало любопытный человек, коллега, — сказал он. — И знаете, в такой как у нас работе — это очень большое достоинство. Я с большим удовольствием еще вчера ввел бы вас в курс наших дел, если бы, как я сейчас сказал капитану, это не зависело прежде всего от его разрешения... Вы видели вчера наших гибридов между гориллой, оранг-утаном и шимпанзе, и вы, вероятно, согласитесь, что они достаточно необыкновенны. Не правда ли?

Ильин утвердительно кивнул.

— Но это еще не все. По пути тех возможностей, которые открывает искусственное оплодотворение, здесь пошли дальше и поставили — уже полтора десятка лет назад — опыты искусственного оплодотворения самок гориллы спермой [1]) негра, а потом рискнули и на обратное оплодотворение... И...

Кроз встал, и в голосе его звучал глубокий подъем:

— И опыты эти удались, дорогой коллега!

Он остановился и выжидательно посмотрел на Ильина.

— Вы самый невозмутимый человек на свете! — воскликнул он, хлопнув себя руками по штанам. — Если бы мне сообщили такую новость, я чувствовал бы себя совершенно ошеломленным, а вы... вы приняли ее так, как... ну, скажем, сообщение о смене министерства в Париже.

[1]) Сперма (семя) — оплодотворяющее вещество, вырабатываемое в период половой зрелости организмом самца и соответствующее яйцу, вырабатываемому организмом самки. Сперма состоит из жидкости с плавающими в ней микроскопическими семенными нитями (сперматозоидами), которые, проникая в яйцо, оплодотворяют его — внутри или вне тела самки-матери.

Ленуар расхохотался, а Кроз, снова усевшись на стул, продолжал:

— Да! И эти помеси оказались изумительнее всего, что можно было предвидеть и ожидать. Я не стану описывать их подробно, потому что не хочу понижать то впечатление, которое вы получите, увидав их воочию. Достаточно сказать, что чрезвычайное увеличение роста у гибридов оранг-утана оказалось еще незначительным по сравнению с тем, что дали гибриды негра и гориллы. Сначала эти опыты имели чисто академический характер, но затем судьбе было угодно, чтобы сюда попал совсем еще юным офицером Ленуар, и с этого момента начала медленно раскрываться, — я имею смелость это сказать, — новая страница мировой истории! Отчасти чудовищный рост и непомерная физическая сила, отчасти врожденная стремительность, злобность и готовность к нападению самцов этих гибридов дали Ленуару идею попытаться использовать их как военную силу...

Горилла.

Ильин пришел к заключению, что подобное сообщение действительно должно вызвать изумление и недоверие у всякого нормального человека и что излишняя невозмутимость могла бы показаться даже подозрительной.

— Не может быть! Вы смеетесь! — счел он необходимым воскликнуть.

— Ага, и вашу дубленую русскую кожу пробрала такая новость!

— Ерунда! Не думайте, пожалуйста, что я способен поверить всему этому... Хотя, впрочем, конечно...—Ильин на мгновение запнулся. — Самую возможность помесей человекообразных обезьян с человеком я, конечно, никогда не стал бы отрицать.

— Знаете что? Довольно! — капитан Ленуар, сияя своей изумительной улыбкой, встал и протянул вперед руку. — Есть моменты, эффект которых грешно ослаблять... Кроз! Пусть это будет шутка. Да, шутка после обеда!.. Сегодня вечером мсье Ильин будет у меня? Ведь правда?

Он подошел и обеими руками крепко сжал руку молодого ученого.

— Знаете? Мне с первого взгляда понравилось ваше лицо и то, что у вас широкие плечи. Простите, что я это так нелепо и прямо говорю, но мир создан для настоящих, хорошо устроенных людей, и их не так много. И когда они попадаются на пути, их очень приятно видеть.

Ильин невольно улыбнулся.

— Значит, приходите часов в семь. Не знаю, придет ли Кроз. Этот старый медведь очень туго вылезает из своей берлоги, но все остальное наше, к сожалению, немногочисленное общество, наверное, будет в сборе. Я очень общительный человек, и, если публика собирается предпочтительно у меня, то отчасти, должно быть, потому, что со мной все чувствуют себя просто и свободно... А завтра мы с вами посетим мир по ту сторону стены, и на другой день после этого вы расскажете нам, что вы видели во сне. До свидания!

Ленуар пожал руки собеседникам и быстрыми легкими шагами исчез за дверью. Через несколько минут Ильин также пошел домой. Настроение было самое сумбурное. Что же, собственно, представлял собой Ленуар? Он был прост и положительно симпатичин. А с другой сто-

роны—прав Дюпон, что чудовищный опыт ставится в Ниамбе по инициативе этого же Ленуара. И против кого рассчитан этот новый род оружия?.. Или прав Дюпон и в том, что все это готовится с целью залить кровью и нечеловеческим ужасом уже вспыхнувшую первыми искрами и неотвратимо надвигающуюся социальную войну?.. Какая чушь!

Ильин тряхнул головой и почувствовал себя почти успокоенным. Одно из бесчисленных дурацких военных изобретений, и ничего больше. Изобретений, которые на девяносто девять сотых оказываются ни на что не годными и бросаются в корзину. Как жаль, что такой милый парень губит лучшие годы жизни на нелепую и абсурдную затею!.. Впрочем, говорят, что у всех изобретателей какого-либо винтика не хватает в голове; и никому нельзя препятствовать по-своему сходить с ума, если это ему угодно и никому не вредит. На-днях все это выяснится и тогда можно будет толком разобраться в обстановке.

Успокоившись на этих рассуждениях, Ильин отправился в лабораторию и часов до пяти работал над оставленными Крозом препаратами, восхищаясь совершенством двух новеньких, со всеми новейшими приспособлениями микроскопов.

X. Гостиная в Африке.

Когда Ильин поднялся на широкую, окутанную вьющимися растениями веранду здания, занимаемого капитаном,

Оранг-утан.

Шимпанзе.

там за чайным столом уже сидели несколько человек, и Ленуар, быстро выйдя навстречу гостю, принялся знакомить его с остальными:

— Мсье Ильин — наш новый научный сотрудник, о котором я уже вам рассказывал. Лейтенант Тракар—летчик. Мсье Ахматов, ассистент Кроза — ваш соотечественник.

— С Виктором Петровичем мы уже познакомились, — перебил Ильин.

— Тем лучше. И, наконец, разрешите представить вас моей жене.

Ильин поднял глаза и... потерялся.

Вероятно, на улице Москвы мадам Ленуар показалась бы ему просто красивой женщиной, но здесь, в Африке, и вдобавок на этом сумасшедшем острове, среди тихой и унылой топи...— нет, это было невозможно!

Ильин увидал высокую и тоненькую, слишком, может быть, для Ниамбы нарядно одетую женщину с большими серыми глазами и золотисто-пепельными, остриженными как у мальчика, вьющимися волосами, низко спускавшимися на лоб. Но кроме всего

этого в ее внешности было нечто, не укладывающееся в обычное описание,—у него было впечатление, что нет и не может быть на свете другой такой женщины.

Мадам Ленуар поздоровалась с ним очень приветливо, затем все снова уселись за стол.

Уже через несколько минут Ильину стало ясно, что Ленуар весьма заблуждался, считая, что немногочисленное общество Ниамбы собиралось ради него. Было очевидно, что все присутствовавшие находились здесь из-за мадам Ленуар, — именно к ней тянулись нити, заставившие каждого притти на эту веранду, под широко раскинувшие свои листья громадные латании. И вместе с тем, должно быть, слишком далекой для всех была эта красивая женщина, потому что настроение гостей оказалось довольно молчаливым.

Летчик, отказавшийся от чая, молча сидел, опершись локтями о перила, глядя в землю. Иногда, поднимая глаза, он впивался ими в хозяйку дома, затем снова принимался рассматривать носки своих сапог. Ахматов, бывший в довольно замысловатом сером костюме и высоком воротничке, также сидел молча и лишь изредка на мгновение проводил взглядом по лицу мадам Ленуар. Ильин, вообще говоря, не имел обычая стесняться в присутствии женщин, но сейчас почему-то потерял способность речи и чувствовал себя круглым идиотом.

За всех троих без умолку болтал смуглый, с основательным брюшком инженер, который приехал сюда на-днях в связи с предполагавшимися крупными постройками. Шоколадные глаза инженера почти не отрывались от лица хозяйки. Может быть, присутствие такой собеседницы вдохновляло его, но надо ему отдать справедливость, рассказывал он остроумно и изящно. А главное — ворох новостей и скандалов Парижа, иногда по существу рискованных, у него облекался в самую безупречную форму.

Однако после одного особенно сложного эпизода, в котором оказались одновременно замешаны министр народного просвещения, певичка из Фоли Бержер, шофер министра и аббат церкви св. Женевьевы, мадам Ленуар засмеялась и, заявив, что она решительно не согласна больше слушать такие рассказы, поднялась и направилась в гостиную.

Из-за вершины пальмы вылезла почти круглая ослепительно белая луна, и призрачно далекими стали в ее свете человеческие лица. Ахматов предложил не зажигать лампы и попросил мадам Ленуар в дополнение к обстановке тропической лунной ночи что-нибудь сыграть.

Та без всяких возражений села за рояль. Первые вещи не произвели на Ильина никакого впечатления, потому что в музыке он ничего не смыслил, и слишком сложные узоры звуков оставляли в нем впечатление просто шума.

Затем мадам Ленуар сказала, что она исполнит старинную народную мелодию западных Пиреней — ее родины, и под аккомпанемент рояля запела. Голос у нее был небольшой, но красивый и мягкий. Непонятны были слова древнего языка басков [1]), но захватывающей душу радостью звучал торжественный и простой мотив.

---

[1]) Баски (бискайцы, басконцы) — небольшой горный народ, обитающий на границе Франции и Испании, по обоим склонам Пиренеев. Басков насчитывается около миллиона, часть их эмигрировала в Америку (Аргентина, Куба, Мексика). Это один из древнейших народов Европы, потомки иберов. Их язык (воспрещен-

Сияние луны падало прямо на лицо молодой женщины. Зеленоватым блеском сияли низко спускавшиеся на лоб золотые волосы, и настолько прекрасной в эти минуты казалась она Ильину, что ему вдруг стало жутко. А что если действительно впереди еще пять лет здесь, на этом чортовом острове, рядом с такой женщиной? И неужели через некоторое время у него, Ильина, будет в глазах такая же покорная собачья любовь, как у этого злосчастного летчика или у Ахматова?..

Нет! Этого не будет! Он встал и без дальнейших околичностей начал прощаться.

Ленуар запротестовал, заявив, что отсюда так рано не уходят. Его жена также присоединилась к протесту и, с комическим ужасом всплеснув руками, сказала, что она никогда не села бы за рояль, если бы знала, что ее игра немедленно выгонит гостей из дому.

После такого аргумента уйти было очевидно нельзя, а кроме того Ильин вдруг обнаружил, что его непреложная решимость уйти куда-то исчезла и что ему вовсе не хочется уходить.

Затем Ахматов предложил устроить спиритический сеанс. Ленуар высказался категорически против, так как, во-первых, по его мнению, Ахматов сам поднимает ногой стол, а во-вторых—нельзя придумать более глупого занятия, чем сидеть в темноте и ждать, пока кому-то или чему-то будет угодно пошевельнуть мебель.

Инженер заявил, что спиритизм бесспорно является одним из самых совершенных методов флирта (и с этой стороны он его вполне признает), но так как мсье Ахматов, повидимому, оценивает эти вещи иначе, то он советует прежде всего зажечь свет: хорошая лампа всегда лучше самой полной луны, а кроме того она прекрасно разгоняет «потусторонние» настроения.

Свет зажгли, потом мадам Ленуар по общей просьбе снова уселась за рояль, потом ужинали, — и было уже довольно поздно, когда Ильин вернулся домой.

Настроение было довольно смутное, и законченной оценки положения, какая была у Дюпона, Ильин в себе не находил.

Было очевидно, что все присутствовавшие находились здесь из-за мадам Ленуар...

ный в школах и учреждениях Франции и Испании) сильно отличается от всех европейских языков. Он очень богат гласными, грамматика его сложна, а запас слов ограничен (нет слова «животное» и т. п.).

Сначала никак не удавалось заснуть. Лунный свет заливал комнату, упорно звучал в памяти голос и смех молодой женщины. Потом появились и снова исчезли золотистые волосы над сияющими серыми глазами, и он уснул.

XI. Стрелковое учение с боевыми патронами.

Когда Ленуар и Ильин подошли к воротам, часовой отдал честь, затем два раза повернул в замочной скважине небольшой двери тяжелый ключ и дернул висевшую у стены веревку. С той стороны отозвался небольшой колокол. Так как солдат не сделал после этого никакого движения, чтобы открыть дверь, Ильин с недоумением обернулся к капитану — и вдруг дверь отворилась.

Ильин первый перешагнул через порог и невольно остановился.

Слева, в трех шагах от двери в нелепой напряженной позе стоял гориллоид головой выше Ильина, держа обеими руками «на караул» винтовку.

Длинная ли черная шерсть на теле чудовища или то, что отсутствовал хотя бы самый что ни на есть «фиговый листок» на бедрах, — что-то потрясающе несообразное было в этой гигантской сгорбленной фигуре с ружьем, отдающей честь капитану. Был момент, когда жутким сном показались Ильину залитая солнцем серая стена и нечеловеческие впалые глаза гориллоида, неподвижно устремленные на капитана.

Не задерживаясь у ворот, Ленуар пошел дальше, и когда Ильин через несколько секунд посмотрел назад, чудовищный страж, придерживая левой рукой винтовку, правой задвигал тяжелый засов и поворачивал ключ.

— Ну? — Ленуар обернулся и с любопытством взглянул в лицо спутника. — Каково ваше впечатление, мсье Ильин?

Выражение лица Ильина было красноречивее слов, и капитан весь расплылся от удовольствия.

— Для меня, — пояснил он, — эти полузвери уже давно потеряли остроту и яркость новизны. Человек, увы, способен привыкать даже и к таким вещам, но я приблизительно представляю себе ваши впечатления!

Ильин повернулся к капитану и широко открытыми глазами уставился в его лицо.

— Может быть, в другой обстановке — в клетке, в лаборатории, в лесной чаще — он не был бы таким... — Ильин остановился, не находя для своей мысли подходящего выражения. — Ведь существовали на земле куда более невероятные создания. Но эта винтовка в руках мохнатого животного, сутулая фигура зверя — и в то же время какая-то чудовищная пародия на военную выправку. Знаете, это буквально не укладывается в моем мозгу. Я даже не способен представить, на что они могут быть похожи в массе.

— Сейчас увидите, — сказал Ленуар.

Капитан быстро зашагал к видневшимся вдали баракам. Ильин шел рядом, напряженно вглядываясь во все кругом и стараясь зафотографировать в памяти малейшие детали местности и обстановки. До бараков было не более полукилометра. Изрытая канавами и ямами и почти лишенная травы песчаная равнина производила унылое впечатление.

Когда Ленуар подошел к первому домику, оттуда выскочили два гориллоида и в нелепо напряженной позе, с опущенными «по швам» длинными лапами замерли, уставясь на капитана. Ленуар сделал знак рукой, и один из них, у которого на кожаном ремне висела карикатурно маленькая для его роста сабля, горбясь и размахивая руками, зашагал рядом.

Капитан отрывисто произнес несколько слов, очевидно, на местном негрском наречии, на что чудовище ответило короткими лающими звуками.

Впервые Ильин слышал совсем вблизи голос гориллоида, и впечатление было не менее жуткое, чем от его внешнего облика. В звуках этого голоса не было ничего человеческого: они напоминали лающий крик самцов гориллы, и в то же время это была несомненно членораздельная речь. Из звериной глотки вылетали... слова! На каком-то непонятном языке, но бесспорно — человеческие слова!

Справа от барака тянулась, пересекая остров, полоса довольно густого кустарника; за ним оказалось снова поле. Здесь,

как только Ильин вышел на опушку, перед его глазами не больше чем в ста шагах от него выросла длинная в две шеренги цепь гориллоидов.

При приближении Ленуара винтовки поднялись вверх, и равнина огласилась настолько необычайным лающим воплем нескольких сот чудовищ, что у Ильина

В нелепой напряженной позе стоял гориллоид, держа винтовку «на караул»...

мороз пробежал по коже. Капитан молча прошел вдоль рядов, затем отдал какое-то короткое приказание. Несколько гориллоидов ответили громким криком, шеренги разомкнулись и начали расходиться в разные стороны.

Ленуар обернулся к Ильину и улыбнулся при виде его побледневшей физиономии и горящих глаз.

— Отряд, уходящий направо, — сказал он, — это гориллоиды старших возрастов, уже получившие хорошую военную подготовку, а те, которые идут в противоположную сторону (обратите внимание, они заметно меньше ростом), это молодежь, только начинающая свое образование.

Ильин как зачарованный следил за перестроением «солдат».

— Всякой ерундой, которой по старой памяти еще увлекаются в войсках многих стран, — продолжал Ленуар, — мы здесь абсолютно не занимаемся. Ни голой шагистики, ни парадных ружейных приемов мы этим чудовищам, конечно, не преподаем, а ограничиваемся строго боевой подготовкой, да и то, как вы увидите, весьма своеобразной. Ибо я создаю здесь, может быть, самое грозное, какое видел мир, орудие борьбы... а не балет для услаждения взоров военного начальства! Дисциплина, которую я утвердил среди моих ребятишек, беспощадна, но пустяков мы не требуем от зверя, обученного убивать и побеждать. Да и нелепо было бы добиваться, скажем, какой-нибудь стройности и чистоты ружейных приемов от этих мохнатых отвратительных животных, на которых вдобавок не имеется не только штанов, но даже и маленького пояска.

Капитан засмеялся. Затем, опять сделавшись серьезным, продолжал:

— Сейчас вы увидите, как мы готовим их к войне, и поймете, почему я уверен, что с этим войском, как с ударной частью, я в первом же бою сломлю всякое сопротивление. Старший возраст обороняет окопы. Молодежь поведет наступление. Огонь — боевыми патронами.

Ленуар выпрямился, черты его лица как-то заострились, обычно смеющиеся глаза стали холодными и пустыми, и почти жуткой показалась Ильину эта слишком уж внезапная перемена в знакомом и приветливом лице.

Внимательно вглядываясь в движение цепей гориллоидов, Ленуар прошел шагов триста направо и остановился. Ильин молча шел рядом.

Двигавшийся вправо отряд вдруг исчез — словно провалился сквозь землю. Только еле заметное на поверхности земли движение голов и рук с винтов-

ками показывало, что в том месте, очевидно, находились узкие, хорошо замаскированные окопы, куда спрятались гориллоиды. Потом над всей линией окопов появилось множество разноцветных кружков, величиной примерно в человеческую голову. Некоторое время кружки шевелились, затем застыли на месте, и длинная пестрая их полоса, разбитая промежутками на группы, выросла над полем на высоте около трети метра над землей.

Ленуар стоял молча, и Ильин, пока во всем этом ровно ничего не понимавший, не хотел обращаться к нему с вопросами.

Между тем второй отряд отошел влево, к окраине болота, и в рядах молодых гориллоидов началась какая-то возня и суетня. И там замелькали в воздухе разноцветные кружки, затем они исчезли, и цепь, широко развернувшись, улеглась на землю. Ленуар поднял руку. Стоявший сзади него громадный гориллоид, тот самый, который присоединился к ним у крайнего домика, поднес к губам свисток, и оглушительный свист прорезал воздух. В ответ с обеих сторон раздались редкие неторопливые выстрелы.

Капитан и Ильин стояли не больше чем в ста шагах сбоку от границы поражаемого пространства, и казалось, что совсем рядом жужжит рой пуль, несущихся от одной цепи к другой.

Через минуту со стороны отряда, лежавшего у края болота, вскочили и быстро побежали вперед группы черных фигур. Ружейный огонь сразу участился, торопливо затрещали два или три пулемета со стороны окопа, и бежавшие мгновенно упали. Однако в тот же момент в других местах вскочили новые группы и, сделав короткую перебежку, в свою очередь припали к земле.

Перебежки с необыкновенной быстротой как искры вспыхивали и гасли вдоль наступавшей цепи, и хотя Ильин проходил не так давно учебный сбор и был знаком с тактикой стрелкового боя пехоты, все-таки изумительная частота и короткость перебежек поразили его.

Было непонятно, почему наступавшие бежали и вскакивали всегда парами, и какой смысл имели болтавшиеся между стрелками каждой пары на бечевках разноцветные кружки.

Ильин никогда впоследствии не мог определить даже примерно, сколько времени продолжалась эта необыкновенная атака. Во всяком случае очень недолго, потому что в целом цепь не останавливалась ни на минуту, и не было мгновения, чтобы не бежали стремительно вперед несколько групп гориллоидов. Еще минута, и громадные мохнатые фигуры с винтовками наперевес поровнялись с Ильиным и Ленуаром. Теперь было ясно видно, что каждые два гориллоида были связаны тонкой бечевкой, длиной немного побольше метра, и что на середине ее болтался металлический кружок, прицепленный к ней верхним краем.

В тот момент, когда правофланговая шестерка пробегала совсем вблизи, несколько попаданий взбили пыль у самых ног бежавших, и гориллоиды, словно прихлопнутые чем-то сверху, разом рухнули на землю. На этом расстоянии Ильину хорошо было видно, как два крайних гориллоида, прильнув всем телом к земле и, видимо, тщательно целясь, несколько раз выстрелили. Затем летевшие из окопов пули стали бить левее, и вся шестерка как один человек с воем вскочила на ноги. Пробежав два-три десятка шагов, стрелки снова упали, как только около них ударили первые пули.

Еще несколько минут — и наступавшая цепь была возле самых окопов. Тогда с оглушительным ревом вся масса гориллоидов вскочила на ноги, огромными прыжками они перемахнули через окопы, и каждый с видимым азартом пробил штыком одну из мишеней.

Пробежав по инерции еще некоторое расстояние, гориллоиды начали быстро строиться, и у каждого на штыке поставленной к ноге винтовки красовался избитый пулями металлический кружок.

Ленуар медленно прошел по рядам, затем обернулся к своему спутнику:

— Вы что-нибудь понимаете в этом, Ильин?

— Не очень. То-есть сущность атаки, конечно, понятна, но как при таком бешеном огне они все остались целы? И какой смысл имеют эти привязанные к вашим солдатам мишени?

— А между тем все это просто. — Ленуар покачал головой и улыбнулся. — Вы никогда не бывали в бою, Ильин?

С оглушительным ревом перемахнули гориллоиды через окопы...

— Нет.

— Ну вот, а если бы вы прошли сквозь эти ощущения, то узнали бы две вещи. Во-первых, что всякому человеку страшно, когда пули в большом количестве пролетают близко, а во-вторых, что из них попадают в цель только очень немногие. Хорошо обстреленный солдат — тот, который твердо усвоил эту истину. Сколько паники и поражений иной раз сеют новички, впервые попавшие под хороший огонь!.. Вот эту привычку к близкой пуле и способность метко стрелять, когда пули противника жужжат возле самой головы, я и даю своим гориллоидам.

Ильин молча кивнул.

— Теперь вы спрашиваете, к чему эти кружки? Да очень просто! Только по мишеням ведется с обеих сторон огонь, каждому звену дана для прицела находящаяся напротив группа противника, а каждый боец имеет против себя только один кружок, который ему приказано обстреливать. За хорошие попадания дается награда в виде добавочных пайков, а за попадание... я чуть не сказал в человека, виновный строго наказывается. При такой системе боец привыкает к свисту пуль у самой головы, а процент убыли сравнительно с достигаемым результатом очень невелик. Право, жаль, что этого метода обучения нельзя ввести в обычных войсках в Европе...[1]) Впрочем, постойте, — Ленуар повернулся влево, внимательно всматриваясь в даль. — Вот вам пример того, что такое обучение далеко не вполне безопасно...

XII. Смерть гориллоида.

С той стороны, откуда шла атака, медленно двигались три гориллоида, с усилием тащившие раненого или убитого товарища. Ленуар пошел к ним навстречу. Носильщики положили на землю трепетавшее тело, и Ильин уже вплотную мог рассмотреть умиравшего.

Тонкая струйка крови стекала с простреленной мохнатой груди; голова была сильно отогнута назад и в сторону, кровавая пена с прерывистым хрипом выбивалась между оскаленными и крепко сжатыми зубами. Все тело гиганта билось мелкой дрожью, и одна нога периодически с силой сгибалась и снова распрямлялась в колене.

Ленуар сделал знак, и двое гориллоидов бесцеремонно повернули набок умирающего. Капитан нахмурился:

— Вышла в спину, возле лопатки. Вполне горизонтальное попадание. И на таком расстоянии от мишени! Чорт знает, какой безобразный промах!

Ленуар коротко и властно передал какое-то приказание неотступно следовавшему за ним гориллоиду с саблей через плечо. Потом обернулся к Ильину:

— За такой промах, да еще со стороны старого солдата, виновный получит самую основательную в своей жизни порку. Ну, а с этим парнем как будто бы сейчас все будет окончено.

Хрип умирающего делался все медленнее и глубже. Может быть, с полминуты тело оставалось неподвижным, только часто дрожали длинные пальцы на ногах, потом он вдруг весь изогнулся червем, широко открыл рот и с той же стремительностью снова выпрямился.

Еще раза два предсмертная судорога потрясла тело гиганта, затем согнутые члены медленно выпрямились и остались неподвижными.

— Профессор Кроз на-днях говорил мне, — выражение лица Ленуара было такое, как всегда: приветливое и спокойное, — что ему были бы нужны сейчас некоторые железы молодого гориллоида. Вот как раз подходящий случай, и у вас будет совершенно свежий препарат, мсье Ильин. Я думаю, что Кроз будет доволен, если получит тело еще теплым. Я дам распоряжение немедленно отвезти его к лаборатории, а вы, очевидно, уже устроите все остальное.

— Я... не могу... — взволнованно произнес Ильин.

Он почувствовал, что внутри у него все дрожит и мутная волна отвращения и ужаса поднимается к горлу.

Ленуар выглядел совсем таким же, как тогда за обеденным столом у Кроза,

---

[1]) Некоторыми авторитетами в царской армии в России (и в Германии) неоднократно выдвигалась идея применения на маневрах боевых патронов. В этом смысле ученые генералы смотрели на русских солдат приблизительно так, как смотрел на гориллоидов Ленуар.

та же любезная и детски наивная улыбка сияла на его лице — и было в этом что-то нечеловечески жуткое.

— Почему?.. — Капитан широко открыл глаза, с недоумением глядя на своего собеседника. — Неужели эта маленькая история произвела на вас такое впечатление?

Ильин почувствовал, что кровь бросилась ему в лицо, и голос его зазвенел возмущением.

— Я не понимаю, — резко сказал он, — как вы можете так говорить через несколько секунд после смерти только что изгибавшегося перед вами в агонии человека! Если бы я был причиной этого, то...

— Человека?! — Ленуар даже отступил на шаг назад, так его поразило это выражение. — Да, бог с вами, какой же это человек? Право, как вам не стыдно, мсье Ильин! Судя по вашим плечам и фигуре, я думал, что у вас более крепкие нервы... Жаль, конечно, хорошего экземпляра, из него вышел бы приличный солдат. Но ничего не поделаешь. Все равно ведь без этого не обойдешься... Ну, а теперь идемте домой.

Капитан направился к воротам, и не успели они еще подойти к опушке кустарника, как сзади раздался отчаянный, звучавший нестерпимой болью вопль. Это уже не был грозный лающий крик разъяренного гориллы, скорее он напоминал пронзительный визг избиваемой собаки.

Ильин невольно оглянулся, но ничего не спросил. Он понимал, что это кричал виновник происшествия, которого пороли за неудачный выстрел.

XIII. Оккультизм, фашизм и новая дружба.

Следующая неделя прошла буднично и монотонно. Кроз наведывался по нескольку раз в день, чтобы смотреть, как идет работа, и немедленно забирал готовые микроснимки.

Ильин и вообще был человек редкой работоспособности, теперь же, на новом месте и в такой необычайной обстановке, он чувствовал, что ему нужно сразу же себя зарекомендовать, и поэтому не выходил из лаборатории, случалось, до самой ночи.

Вечером иногда тянуло зайти к Ленуару, но какое-то смутное, неоформленное чувство восставало против этого.

С Ахматовым приходилось встречаться ежедневно, и как-то раз Ильин просидел у него весь вечер. Обе комнаты Ахматова сияли удивительной чистотой. Книги в шкафах и на полках и даже письменные принадлежности на столе были расположены в таком образцовом порядке, что Ильин полушутя-полусерьезно спросил, пользуется ли ими когда-нибудь хозяин или держит специально напоказ.

Библиотека у Ахматова, по большей части из его собственных книг, оказалась очень большой, но весьма своеобразной по подбору. Одна стена рабочего кабинета была занята литературой по железам внутренней секреции [1]) (в этой области Ахматов, несмотря на его молодость, являлся уже крупным специалистом); на противоположной стороне два больших шкафа были заняты исключительно книгами по оккультизму [2]) на всех языках, включая латинский и древне-еврейский (этими языками Ахматов владел свободно).

Против стола висел на стене большой в черной раме портрет Муссолини.

Несмотря на свой преувеличенно элегантный костюм, Ахматов оказался типичным книжным червем, и говорить с ним о чем-либо другом кроме внутренней секреции и оккультизма было трудно. Был момент, когда Ильина крепко

---

[1]) Железы внутренней секреции представляют собой органы, вырабатывающие полезные отделения (секреты), поступающие непосредственно в кровь. Секретами же (по способу выработки и по полезности) считаются молоко и сперма, хотя вырабатывающие их железы отделяют их и не в кровеносные сосуды. Секреты имеют громадное значение для организма, так как избыток или недостаток одного из них вызывает целый ряд расстройств и изменений. Например: понижение работы щитовидной железы вызывает замедление или остановку роста и умственную слабость; увеличение мозгового придатка вызывает акромегалию — гигантский рост; при удалении яичек развивается преждевременная дряхлость, и человек теряет вторичные половые признаки (например, растительность на лице у мужчин).

[2]) Оккультизм — то же, что «тайные науки». Сюда входят: алхимия, астрология, магия, каббала, некромантия (вызывание умерших), хиромантия и другие, основанные на суеверии, обмане и невежестве, «науки».

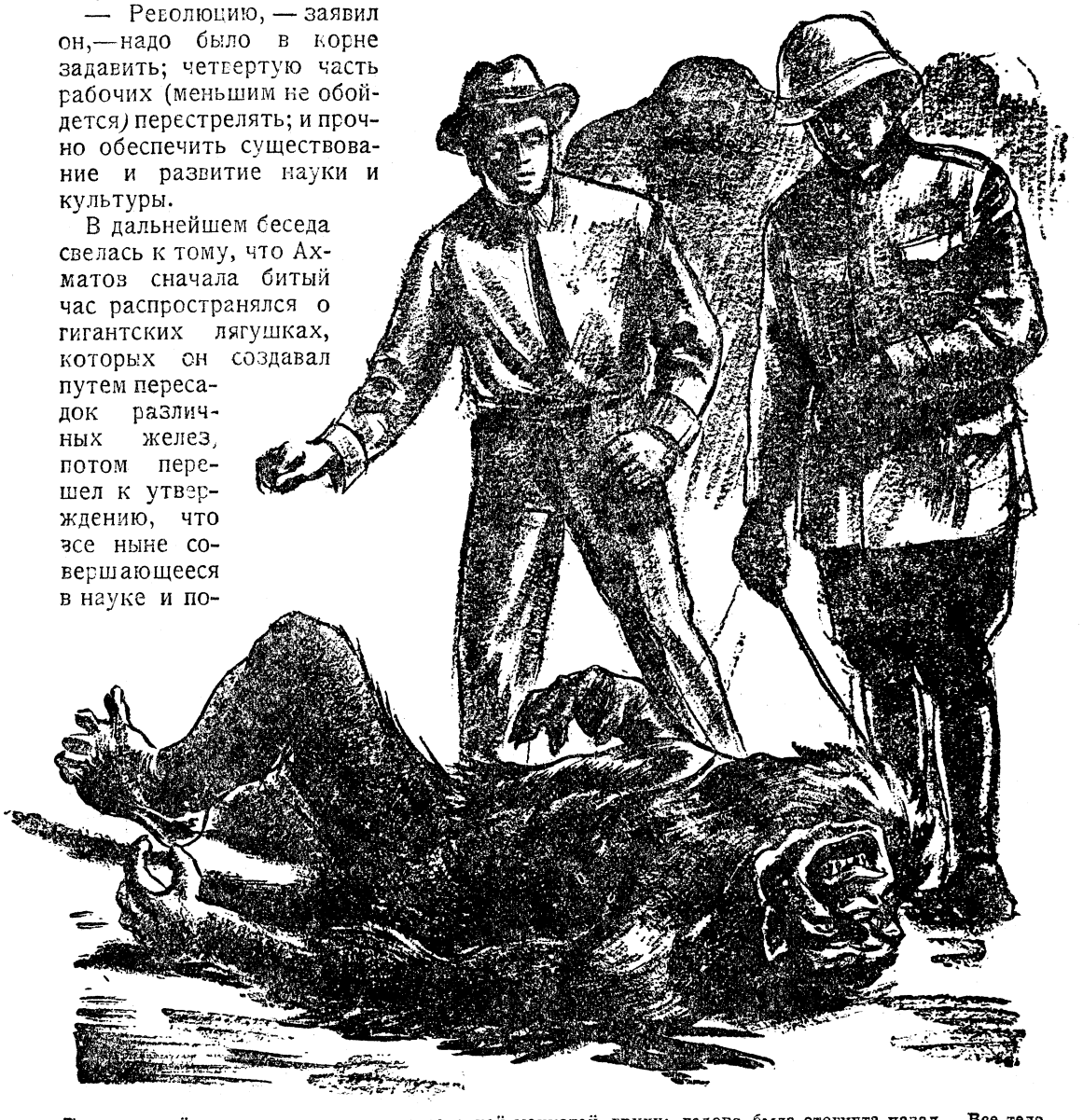
тянуло за язык спросить, о чем вообще Ахматов может разговаривать в обществе, но вспомнились глаза, какими он смотрел украдкой на мадам Ленуар, и стало жалко нажать на больное, должно быть, место.

Родился Ахматов в помещичьей семье в Тульской губернии, революцию же провел за границей, где и кончил университет. Газет он, по его словам, не читал, но убеждения имел кристально твердые.

— Революцию, — заявил он,—надо было в корне задавить; четвертую часть рабочих (меньшим не обойдется) перестрелять; и прочно обеспечить существование и развитие науки и культуры.

В дальнейшем беседа свелась к тому, что Ахматов сначала битый час распространялся о гигантских лягушках, которых он создавал путем пересадок различных желез, потом перешел к утверждению, что все ныне совершающееся в науке и политике было предсказано мыслителями древности, и, вытащив с полки пару толстейших книг на допотопных языках, стал выкладывать оттуда цитату за цитатой.

Однако содержание книг было настолько замысловато, что Ильин, хотя и долго старался что-нибудь понять, ничего не понял и пришел к заключению, что, очевидно, уж очень умные люди жили раньше на свете, если они были



Тонкая струйка крови стекала с простреленной мохнатой груди; голова была отогнута назад... Все тело билось мелкой дрожью, и одна нога с силой сгибалась и распрямлялась в колене...

способны не только читать, но даже и писать такие книги.

В общем же молодой ассистент был стопроцентный чудак, и, рассуждая логически, Ильин нашел это даже естественным, потому что действительно нужно было быть большим чудаком, чтобы добровольно закабалиться в такое несообразное место, как Ниамба.

* * *

Вечером после работы в лаборатории вдруг потянуло увидать мадам Ленуар. Капитана дома не оказалось, он уехал из Ниамбы по делам, и молодая женщина была одна.

Ильина она встретила упреками:

— Если в таком ужасном и отвратительном месте люди будут прятаться каждый в своем углу, жить здесь будет невозможно! Ведь тут так скучно и тоскливо! Каждому вновь прибывающему мы бесконечно рады...

И неужели он не понимает, что ей кроме того интересно поговорить с человеком, который жил в этой чудовищной стране—России—и только что оттуда приехал?

Ильин свалил всю вину на Кроза, который засыпал его накопившейся работой, и в противоположность предыдущей встрече разговор сразу завязался свободно и просто. Ильин умел недурно рассказывать, и через несколько минут он завладел вниманием собеседницы. Правда, и сами-то рассказы Ильина оказались уж очень не похожими на слышанное ею о России от Ахматова.

Ильин родился и почти всю жизнь провел в Москве и был влюблен в громадный, бурно развивающийся город, где с таким изумительным своеобразием расцветающая молодость только что построенных гигантских домов и заводов переплеталась с древней красотой стройных стен и башен Кремля, высоко повисших над Москва-рекой.

Он говорил с возрастающим увлечением о беспримерном развитии рабочего спорта, о тысячах обнаженных с великолепно тренированными мускулами коричневых телах на Ходынском поле или в воде Москва-реки, и—сможет ли она представить себе!—о сапожниках, фехтующих на шпагах, или о слесаре с завода «Динамо», который в состязании на эспадронах побил капитана Круазье, первого бойца и мастера в этом роде оружия во всей Европе...

Да, этого молодая женщина при всем ее желании представить себе никак не могла. Когда выяснилось, что в СССР люди друг друга не едят, живут кипучей и многообразной жизнью, занимаются спортом и искусством и широко развернули научную работу, она очень наивно стала расспрашивать, зачем же в таком случае нужно непременно готовиться к войне с Советским Союзом.

От этой темы Ильин на всякий случай уклонился, и разговор перешел на родину мадам Ленуар—Приморские Пиренеи. Ярких и красивых воспоминаний здесь оказалось не меньше чем у него, и когда Ильин, дав обещание бывать ежедневно, возвращался домой, он со странным волнением думал, что мадам Ленуар простая и милая женщина и что за этот вечер они почти подружились.

XIV. Рабочий вопрос решается просто.

Вечером на следующий день Кроз анатомировал павшего гибрида шимпанзе, после чего до глубокой ночи все сидели над препарированием извлеченных из трупа желез.

Зато на другой же день, закончив раньше обычного работу в лаборатории, Ильин немедленно отправился к Ленуару. Он и его жена были дома, и кроме того за столом, молча по обыкновению, сидел Ахматов. Капитан, только что вернувшийся из поездки, быстро ходил по комнате, глаза его горели необычным возбуждением, и в ответ на свои мысли он временами улыбался.

С Ильиным Ленуар поздоровался очень рассеянно и, видимо продолжая начатый разговор, обратился к жене:

— ...А кроме того в институте состоялось свидание с генералом Дюруа. Он еще не знал о решении министерства, но считал его предопределенным, и, по его словам, отношение там к Ниамбе после его предыдущих отчетов в корне перевернулось... Да, Ильин!—Ленуар подошел к нему и положил руку

на его плечо.—Когда напором своей воли вы ломаете стену недоверия и насмешек, когда перед величием выполненного дела склоняются люди, год-два назад пренебрежительно пожимавшие плечами, когда победой заканчивается тяжелая и упорная борьба,—это счастье! Я желал бы, чтобы вы хоть раз в жизни узнали радость такого момента.

— Это в связи с вашим войском из гориллоидов?

— Да!—Ленуар высоко поднял голову.

— Вы знаете, капитан,— Ильин откинулся на спинку кресла и заговорил, стараясь взять беззаботный тон.—Не сердитесь на меня за то, что я не понимаю пока вашего настроения. Может быть, это потому, что еще многое для меня не ясно. Я очень ярко представляю, с каким восторгом победы Идаев приветствовал рождение на свет сотворенных им чудовищ. Мне понятно, почему профессор Кроз забывает все в мире, ведя генетическую[1]) работу над таким необычным материалом. Но... почему вы-то сидите здесь? Какой смысл правительству бросать деньги на разведение и воинское обучение нескольких полуобезьян?

— А почему «нескольких», мсье Ильин? — Ленуар уселся против него на стул и со странной усмешкой смотрел на собеседника.

— Но ведь не хотите же вы этим сказать, что...

— Как раз это я и хочу сказать! В самом деле, почему пятьсот, а не пять тысяч? Или, быть может, вы укажете непреодолимые препятствия к превращению пяти тысяч, скажем, в пятьдесят?

— Но ведь какое же нужно количество...

— Негритянок, хотите вы сказать? А почему бы нет? Этого добра хватит, дорогой мой, да и сами самки гибридов благодаря работе Кроза и... вашей,— Ленуар любезно склонил голову,—тоже будут использованы, я надеюсь, почти сполна. А потом, знаете? Вы напрасно с таким пренебрежением ото-

Вытащив пару толстейших книг, Ахматов стал выкладывать оттуда цитаты...

звались о полуобезьянах. Не хотел бы я оказаться на месте тех, на кого обрушится атака этих чудовищ... И наконец—самое главное. Как вы думаете? Мог бы их спропагандировать самый талантливый советский агитатор?

— Ну, знаете... Это уже просто наивно, — пожал плечами Ильин. — Кому охота всерьез относиться к вашим игрушкам?

Капитан расхохотался, затем со странно заострившимся сразу лицом начал говорить медленно, жестко подчеркивая отдельные слова взглядом загоравшихся и сейчас же потухавших глаз:

— Мы не знаем, где и как взорвется нарастающее во всем мире напряжение борьбы, но несомненно одно, что впереди—и, быть может, уже скоро—дни небывалой в истории человечества, ожесточенной, беспощадной войны. Ибо щит свой, Ильин, мы не опустим!

Ленуар поднялся, и глаза его засверкали.

— Да, но прежде всего надо до конца уяснить себе обстановку, которая заключается в том, что в случае, например, борьбы с вашими Советами... или с нашими безумцами, опереться твердо на массы мы не сможем. В наших руках—деньги, власть и оружие. Это не мало. Но винтовки и пушки сами не стреляют, а шансов на изменение настроения масс в нашу пользу—нет...

---

[1]) Генетика изучает вопросы происхождения.

Ленуар умолк и несколько мгновений сидел неподвижно. Ильин первый прервал молчание:

— Хорошо, капитан, но какой же тогда практический смысл в вашем фашизме? Кто сможет изменить естественный ход событий, если вы сами признаете, что борьба с пролетариатом—дело безнадежное?

Ленуар поднял голову и ответил только одним словом:

— Я!

Ильин смотрел на собеседника с некоторым обалдением, Ленуар взглянул на него и усмехнулся.

— Удивительно,—сказал он,—до чего трудно постигаются именно самые простые вещи! Возьмите в руки свои мозги, Ильин, и немножко встряхните их, чтобы сделать очень немудреный вывод из весьма простых положений. Если мы не можем заставить рабочих сражаться за наши интересы, если даже колониальные войска ненадежны, как это было с индусскими частями в Китае, это значит, что оружие надо вложить в другие руки. Уже широко развертывается начатое мною в Ниамбе дело, и — пусть только задержится на несколько лет надвигающаяся социальная война — горе тем, кто увидит против себя тысячи сотворенных здесь и обученных к бою чудовищ!

Ильин с изумлением посмотрел на него и, дотронувшись пальцем до лба, спросил:

— А вы... не того, капитан?

Ленуар расхохотался и сразу сделался знакомым Ильину веселым и смешливым молодым человеком.

— Ну, конечно! Как раз эти самые слова я услышал, когда в свое время беседовал на эту тему с его превосходительством генералом Дюруа. Вы только представьте: генерал пощупал у меня пульс и спросил, мерил ли я себе утром температуру.

— Ну, и что?

— В другой раз я говорил с ним уже здесь, в Ниамбе, после того, как он с группой офицеров генерального штаба видел сначала стрельбу в цель, а потом проведенную перед ними атаку моих обезьян. Вы ее тоже видели, но вы человек штатский, и для вас это китайская грамота, а Дюруа все-таки на войне съел свои зубы. И вы знаете, когда я повернулся к нему, он был совсем бледным. Вы можете себе представить? Ей-богу, даже я сам удивился!—И охваченный приятным воспоминанием Ленуар расплылся в улыбку.

— Ну, и что же было дальше?

— Что дальше?—улыбка, как стертая губкой, исчезла с лица капитана, смеющиеся глаза стали холодными, и он заговорил медленно, разделяя слова длинными паузами: — Вы видели ряды строящихся бараков? Так вот, десять тысяч негритянок в ближайшие месяцы прибывают сюда, а другие станции организуются по-соседству.

Ильин почувствовал, что холод пробежал у него по коже, затем ощущение, похожее на тошноту, подкатилось к горлу... В следующий момент Ленуар уже снова заливался смехом, глядя на побледневшее лицо собеседника.

— Если бы вы видели в зеркале свою кислую физиономию, Ильин! — смеясь, говорил он. — Вам, очевидно, трудно сразу переварить эту идею, и она колом застряла у вас в мозгу. Вот и Мадлэн никак не может перестать приходить в ужас от моих слов и поступков.

Мадам Ленуар виновато улыбнулась.

— Я уже говорила тебе, Марсель. Я чувствую, что здесь я сойду с ума. Или—ты знаешь—мне иногда кажется, что это ты сошел с ума.

Ленуар рассмеялся.

— Ты у меня совсем глупышка, дорогая девочка, — ласково сказал он. — И, пожалуй, я потому тебя и люблю, что ты решительно во всем на меня не похожа. Даже характером. У меня всегда хорошее настроение, и мне смешно от каждого пустяка, а у тебя от всякой ерунды глаза на мокром месте.

Ильин резким движением поднялся со стула.

— Она права. Это ужас! Десять тысяч женщин для этого чудовищного дела!.. — Он почувствовал, как кровь снова отлила у него от головы.

Ленуар похлопал его по колену.

— Пока еще не женщин, дорогой мой, а негритянок.

Ильин с остро вспыхнувшей яростью оттолкнул руку капитана.

— У меня голова кружится! Чудовища, запертые там, за бетонной стеной, ближе к человеку, чем вы, капитан! Это безумие и ужас, это преступление, за которое мало смертной казни! Или вам место в доме умалишенных, или государство, которое идет на это чудовищное дело, заслуживает, чтобы его смели с лица земли!

Ленуар нисколько не обиделся и продолжал говорить спокойно и мягко:

— Прежде всего сядьте, дорогой мой. Сядьте, успокойтесь и постарайтесь, не поддаваясь элементарному чувству возмущения, холодно и логически подойти к разрешению вопроса. Вы увидите, что я вовсе не являюсь каким-то извергом и что просто вы столкнулись с идеей слишком новой, а новые идеи иной раз неимоверно трудно переваривать. Постойте, не прерывайте меня, и через пять минут вы со мной согласитесь.

Он взглянул прямо в глаза Ильину.

— Считаете ли вы, что такая война, как мировая война 1914—1918 годов, хорошая вещь и что допустимо бросать на смерть миллионные человеческие массы? Не считаете? Я так и думал. Так я вам скажу, что и я не считаю. Правда, я полагаю, что человек рожден для борьбы и, значит, для войны; но теперешняя война с ее газами, миллионными армиями, сметаемыми в несколько дней пулеметным огнем, и с прочими мерзостями — это настолько гнусная вещь, что и у меня она не вызывает никакого восторга. Значит, мы с вами в этом согласны. Но тогда, как же можно возражать, если вместо людей в бой будут брошены батальоны этих чудовищ?

Ильин пожал плечами.

— Постановка вопроса абсолютно нелепая. Вы спрашиваете, чего я хочу: чтобы меня повесили или расстреляли? Или, может быть, я предпочту сгореть на костре? Да я не хочу ни того, ни другого, ни третьего. А если вы желаете, чтобы я ответил вам по существу, так я отвечу: воевать вообще не надо.

Ленуар засмеялся.

— Ну, конечно, вы остроумно оппонируете. Только, к сожалению, это утопия, потому что, хотим мы или не хотим, а воевать придется. Это и для коммунистов ясно. Теперь дальше. Если это так, то с самой что ни на есть кисельно гуманной точки зрения меня надо превозносить, а не ругать... Ты слышишь, Мадлэн?.. И какой может быть разговор о десяти, пятидесяти... да чорт бы их побрал! — если на то пошло — пятистах тысячах негритянок, если мы этим избавляем от фронта несравненно большее количество молодых белых людей! Еще шаг дальше. Пусть мы ликвидировали бы на этот раз обычными способами надвигающуюся опасность социальной революции. Это было бы только отсрочкой. При наличии все растущих масс пролетариата революция вспыхнет снова в какой-нибудь точке земного шара, и снова надо будет начинать всю историю сначала. Так вот, что вы скажете, если предпринятое здесь дело развернется на территории всего черного материка и будет организовано массовое производство не только солдат, но и рабочих? — Капитан обвел глазами присутствующих, следя за произведенным его словами впечатлением.

Ахматов, который до этого молчал как убитый, вставил свое слово:

— Это будет, конечно, разрешением рабочего вопроса.

Ленуар так и покатился со смеху.

— Это вы чрезвычайно удачно сказали, Ахматов, как припечатали! Технических или научных затруднений здесь не будет. Сначала придется потратить миллион-другой негритянок, потом пойдет приплод от своих самок и, так как Кроз уже выделил плодовитую линию, и так как одного самца хватит на десятки самок, то успех обеспечен. В чем дело? Для этих целей, вероятно, придется шире использовать шимпанзе. Они способнее да и безобиднее. Но это потом, когда мы свернем шею революции. А пока задача одна — творить солдат.

Ильин был не в силах произнести ни слова, он встал из-за стола и направился к выходу. В дверях, встретив испуганный и спрашивающий взгляд хозяйки, он крепко пожал ей руку.

(Продолжение в следующем номере)

Бобр Микэ

«Постный» зверь. — Свадебное путешествие бобров. — «Дом-коммуна». — Бобровый патриарх и его семья. — Микэ работает для кино. — Инженерное искусство бобров. — Микэ-дровосек.

Министерство народного просвещения САСШ организовало специальный отдел, который должен путем киносъемок познакомить зрителя с различными отраслями науки и техники, дать наглядное представление о жизни природы в различных областях земного шара. Детальные засъемки производятся на рудниках, заводах, фабриках, в лабораториях и клиниках. Натуралисты с кинокамерой отправляются в глухие леса севера, в джунгли тропиков для того, чтобы дать на фильме будни звериной жизни. Таким путем и попал герой настоящего очерка бобр Микэ на фильм и на страницы печати.

Бобр — единственный представитель мира млекопитающих, которого, если не наука, то католическая церковь признала... почти рыбой, объявив его мясо постным и разрешив его употребление во время постов. Бобр интересен не только своими трудовыми навыками, но и почти человеческой сообразительностью. Это — искусный строитель, сооружающий самые сложные постройки при помощи лап и зубов. Почти повсеместно на земном шаре между 33° и 68° северной широты можно встретить на реках домики бобров; они удивительно уютны и по чистоте могут служить образцом гигиенических жилищ.

В Европе и Азии бобры были издавна известны. В Северной Америке натуралист Картье обнаружил бобров в 1534 году на реке святого Лаврентия, в Канаде, и с тех пор шкура бобра являлась самым ценным предметом экспорта этой страны. В 1900 году катастрофическое исчезновение бобров заставило правительство принять охранные меры, и в настоящее время на севере Америки уже насчитывается свыше 20 000 зарегистрированных бобров.

Если в лесных дебрях в конце августа или начале сентября вы встретите парочку бобров-двухлеток, медленно шагающих один за другим, вы можете безошибочно сказать, что это молодожены, отправившиеся в свадебное путешествие, целью которого является разыскать место для жилища. Они заглядывают во все речные заводи, тщательно обнюхивают берега, раздумывают и наконец, найдя себе место по вкусу, деятельно принимаются за работу. Для постройки они употребляют деревья со съедобной корой: тополь, березу, ольху, ясень, иву — и добавляют к дереву глину, тину и камни. Выбрав в заводи удобное место, они возводят над ним сооружение, выступающее из воды конусом от 1 до 2 метров диаметром.

Любопытно отметить, что при выборе места бобры великолепно ориентируются в особенностях данной реки или ручья. Если поток не дает сильного разлива, жилище бобров строится без особых предосторожностей, в противном же случае они сооружают прочную плотину.

В местности, где бобры каким-то таинственным путем определяют наличие буйных весенних половодий, они сооружают вторую дополнительную плотину метрах в 50 от первой. В случае, если и эти предосторожности не спасают плотину от прорыва, бобры немедленно бросаются чинить образовавшуюся брешь.

Сооружение подобной плотины является первой заботой молодой пары бобров, и, лишь закончив плотину, они приступают к постройке домика. Обычно к первым поселенцам через несколько дней присоединяется вторая пара, за

Бобр подрезает дерево, которое он хочет использовать в качестве запруды.

тем—третья. После сооружения домиков основной заботой маленькой коммуны является сбор достаточного запаса провизии на зиму. Запасы складываются в общую кладовую. Последняя стадия работы — возведение общего конуса-купола над всеми тремя домиками. Купол этот выступает из воды на высоту до 4 метров и достигает иногда в диаметре 5—6 метров. На дне заводи площадь бобрового «дома-коммуны» имеет 13-14 метров в диаметре.

Обычно в каждом домике живет только одна семья, при чем редко бывает более полдюжины детенышей. Детеныши бобров рождаются в конце мая или начале июня. В августе родители с детьми обычно отправляются в длительное путешествие (до 6—7 недель). Во время этой экскурсии молодые бобры получают первые познания в географии, топографии и инженерном искусстве. Зачастую первые морозы в конце сентября застигают путешествующее семейство вдали от его жилища. В таком случае бобры спешат захватить первое попавшееся пустующее бобровое жилище.

Старые бобры не любят уходить далеко и обычно возвращаются на зимовку в свой дом. Нередко можно видеть одиноких бобров обоего пола, странствующих по лесам. Это «бобры-холостяки», как их называют местные охотники-трапперы.

В течение пятнадцати лет кинооператоры разыскивали в лесах Канады и штата Мичиган достаточно крупного и опытного бобра, который мог бы быть героем «бобрового» фильма. Им попадались все молодые бобры, потому что почти все старые были истреблены до 1900 года.

Наконец оператору Мак-Джиливрею удалось в штате Мичиган, невдалеке от берегов Верхнего озера, разыскать настоящего бобрового патриарха. Бакенбарды и морду его покрывала почтенная седина. Бобр этот весил не менее 50 кило, то-есть на 5 кило превышал вес самых крупных бобров.

Встреча кинооператоров с Микэ (так назвали они этого бобра) произошла случайно. Они брели по лесу, нагруженные кинореквизитом, когда на расстоянии 200 метров увидали среди заводи темное тело, вертевшееся с быстротою пропеллера. Это и был Микэ, резвившийся в час досуга. Мак-Джиливрей вспомнил совет одного старого траппера: «Если хотите приманить бобра, заговорите с ним ласковым голосом — он откликнется на ласку». Но в ответ на ласковый окрик Микэ стремительно нырнул и исчез под водой. Обескураженный оператор мысленно выбранил советчика. Однако через минуту Микэ вынырнул на поверхность, подплыл ближе, вскарабкался на плотину и, став на задние лапы, начал присматриваться к людям, продолжавшим ласково его окликать.

В сумерки он снова появился и около часа внимательно и с любопытством разглядывал людей. В течение недели эти «аудиенции» происходили на все уменьшавшемся расстоянии и на седь-

мой день оператор имел возможность установить кинокамеру в 18 метрах от плотины в заранее выкопанной канаве.

Сначала Микэ отказывался работать под контролем кинокамеры, но после двух дней вынужденной голодовки и сидения дома он отважился двинуться на охоту. Не оглядываясь, помчался он мимо аппарата и скрылся среди деревьев. Обратно с грузом он шел уже храбрее. Через несколько дней все семейство бесстрашно дефилировало перед глазком кинокамеры.

В продолжение 18 дней Микэ, не в пример другим бобрам, трусливо убегающим от камеры, работал словно для экрана, исправляя различные повреждения, производимые операторами в плотине с целью детально заснять все процессы работы бобров. Последняя засъемка была сделана на расстоянии всего 2 метров.

Каждое утро операторы при помощи стального крюка делали пробоину в одном и том же месте плотины, вследствие чего уровень воды в заводи тотчас же понижался на 30 сантиметров. Микэ немедленно принимался за работу, и приблизительно через $1^1/_2$ часа повреждение исправлялось начерно; окончательная отделка производилась ночью, и к утру плотина была в порядке. На помощь Микэ приходила его жена, которую операторы назвали Силки (шелковистая) и двое детенышей, получивших имена Фузи и Зиппи.

Починка повреждения производилась всегда одним и тем же способом. Сначала появлялся Микэ со встревоженной мордочкой и, плавая взад и вперед, внимательно осматривал пробоину. Затем он один или в сопровождении семьи отправлялся за ветками и стволами молодых деревьев, которые и пригонял к пробоине. Эти стволы и ветки были обычно от 5 до 15 сантиметров в диаметре. Иногда он пригонял ветви из своего подводного запаса или пользовался деревьями, затопленными во время половодья. В этом случае он нырял и отгрызал ветви, при чем оставался до 11 минут под водой. Время от времени на поверхности реки появлялись пузырьки, доказывавшие, что перед погружением в воду бобр набирал в легкие лишний запас воздуха.

Опущенные возле пробоины ветви Микэ вбивал вертикально в ил, затем укладывал другие ветви горизонтально, плотно прижимая их концы один к другому, и наконец набрасывал между кольями и поперечными брусьями мелкие прутья длиной не более 5—7 сантиметров. Нырнув на дно, он загребал задними лапами ил и «штукатурил» устроенный им плетень.

При перетаскивании ветвей и стволов Микэ ухватывал их передними лапами,

Бобр за починкой разрушенной части плотины.

проталкивая перед собой. Иной раз эти стволы достигали 14 метров длины при 25 сантиметрах в диаметре. Для доставки своего строительного запаса с суши в воду Микэ вырыл на берегу канал, спускавшийся в реку. Но этот канал имел целью не столько облегчить транспорт строительного материала, сколько защитить семейство бобров от лесных хищников — волков, медведей, койотов, диких кошек и рысей. Когда Микэ валил на лесной поляне дерево диаметром в 15 сантиметров, он раскалывал его зубами на поленья длиной в 3—4 метра; если дерево было тоньше, поленья достигали в длину $1^1/_4$ метра. Пригоняя свежие ветви или стволы, Микэ обычно обгладывал кору и почки и только тогда употреблял их для починки. Любопытно

было смотреть на него во время подобной закуски между делом. Он усаживался на край плотины на задние лапки и грыз ствол острыми резцами.

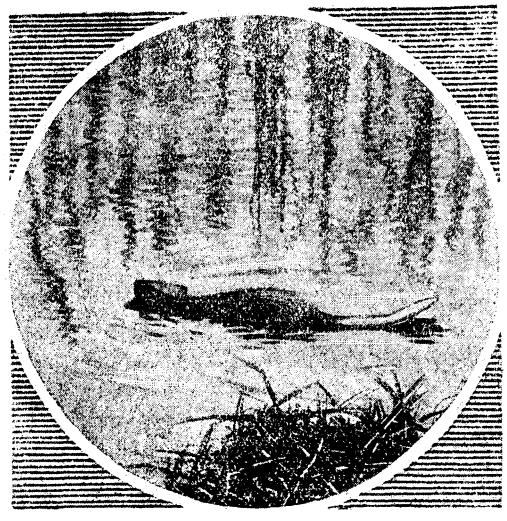
Благодаря «любезному сотрудничеству» Микэ, кинофильм дал яркие моменты бобровых будней, опровергнув целый ряд признанных наукой положений. В процессе засъемок выяснилось, например, что бобр не пользуется хвостом в качестве лопатки и не перетаскивает на нем строительных материалов. Обычно бобр плавает при помощи длинных задних ног; он может развить изумительную скорость, пуская в ход свой весловидный хвост. В бобровой артели нет «десятника», подгоняющего рабочих и руководящего ими.

Установлено также, что бобр умеет ориентироваться в выборе строительного материала: для утрамбовки пола и стен своего жилища он выбирает особый сорт водонепроницаемой глины. Он умеет искусно прорывать каналы в соответствующих местах, благодаря чему его заводь получает дополнительные притоки воды в засушливое время. Прорытый Микэ канал имел 30 метров в длину при ширине в 1 метр и глубине $^3/_4$ метра.

Запасы провизии на зиму бобры обыкновенно пополняют в конце сентября. Вся семья дни и ночи напролет валит деревья в лесу. Кинооператорам удалось заснять семью бобрового патриарха за этой работой.

Микэ задумчиво бродил на поляне среди деревьев, обнюхивал их, слегка надкусывал кусок коры, вытягивался во весь рост и сосредоточенно рассматривал дерево, как бы соображая, подходит оно или нет. Выбрав подходящее дерево, он принимался за работу.

Первый укус он делал на высоте 25 сантиметров и раз за разом вонзал



В спешном порядке за строительным материалом для починки плотины...

острые резцы в древесину, пока не добирался до сердцевины. Дерево вздрагивало и слегка наклонялась вперед. Тотчас же Микэ заходил по другую сторону дерева и несколькими укусами заканчивал работу. Дерево падало, и вся семья бобров энергично принималась за дело. С невероятной быстротой дерево «распиливалось» на бревна, которые затем доставлялись по каналу в подводную кладовую.

Не только рядовая публика, но и ученые натуралисты с большим интересом смотрели в САСШ фильм «Микэ» — эту подлинную страницу великой книги природы.

Мак-Джиливрей предполагает совершить летом текущего года новую экспедицию в северные леса для дальнейших засъемок Микэ. Он надеется, что на этот раз уже наполовину прирученный зверь даст возможность еще глубже заглянуть в тайны своей жизни.

Г.-М.

В бобровой стране

В лесной «обители». — Бобры в неволе. — Перспективы разведения бобров. — В «корыте» по Усманке. — Следы деятельности бобров. — На плотине. — Бобровая хатка. — Ночная экспедиция. — Вынужденное купание.

В один из моих приездов в Воронеж старый приятель-натуралист послал меня посмотреть «страну бобров», то-есть бобровый заповедник. На другой же день я туда отправился. Незаметно пролетели полтора часа пути до станции

Графской. Выйдя из поезда, я быстро прошел станционный поселок. Встречные железнодорожники указали мне тропинку, ведшую в заповедник. Тропинка извивалась среди холмов. Лес смешанный — сосновый, березовый и дубовый. Птиц певчих — уйма. Поют, пищат, чирикают, трещат. Для уха натуралиста — чудный концерт.

Наконец тропинка вывела меня на широкую поляну, посреди которой протекал ручеек. На противоположном ее краю виднелись белые монастырские стены и блестели купола. «Управление заповедником помещается в бывшем Толшевском монастыре», — вспомнил я слова приятеля.

Я вошел в широкие ворота и очутился на дворе, заставленном ветхими домишками. Забравшись на второй этаж самого представительного из домиков, я в первой же комнате увидел старика, благодушествовавшего за самоваром.

— Я заведующий — заявил он, приподнимая черные как смоль брови, представлявшие контраст с белоснежными волосами.

— Вам проводника надо, — сказал он, выслушав мою речь. — Я его сейчас пошлю. С ним вы посмотрите заповедник, а покамест — вот, пожалуйста, — молоко, огурцы, хлеб...

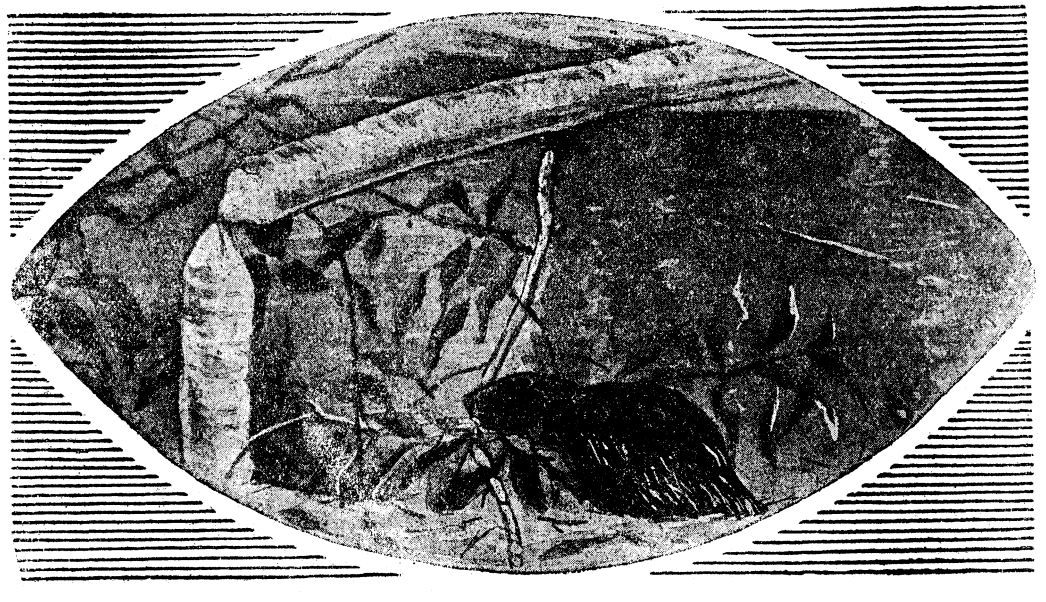
Пока он звал какого-то Николая Андроновича, я успел выпить два стакана чудесного густого молока и съесть здоровый кусок хлеба. Наконец появился чуть заспанный Николай Андронович, старший егерь, сторож заповедника. Он предложил тотчас же двинуться на лодке по реке Усманке осматривать бобровые обиталища.

Но заведующий не отпустил меня сразу. Он вооружился огромным ключом и повел меня к бывшей часовне. Повозившись с неуклюжим замком, он распахнул дверь и предложил мне войти.

— Вот смотрите, — сказал он, — зверь, которого охраняет заповедник. Бобр — родной брат белок и зайцев; он также принадлежит к семейству грызунов.

Я осмотрелся. Маленькое окошко с трудом рассеивало темноту. Когда глаза несколько привыкли к полумраку, я увидал в углу, около корыта с водой, бурого зверя. Бобр был величиной с собаку среднего роста — например, фокса; ноги у него короткие и толстые, между пальцами — перепонка. Морда тупая, голова круглая, с блестящими глазками и маленькими круглыми ушами. Самое же замечательное — это хвост: длинный, широкий и плоский, в роде лопатки.

Заведующий объяснил мне, что хвост и перепонки между пальцами дают воз-



Бобр обгладывает ветку поваленного им дерева.

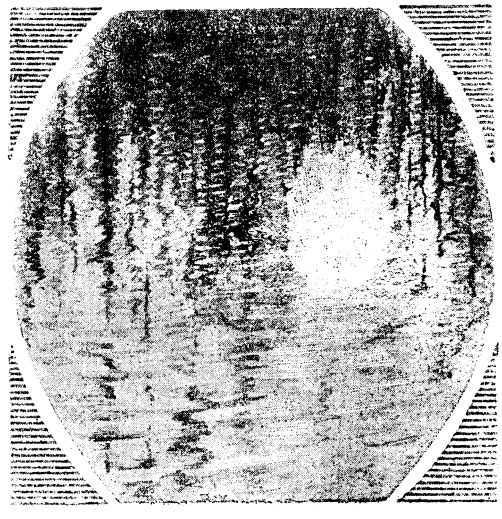
можность бобру великолепно плавать и нырять, а следовательно и спасаться от врагов. Этот зверь был пойман на лугу в то время как он перебирался из одного водоема в другой. Кормят его корой и хлебом. У нас в СССР, да и вообще в старом свете, бобров сохранилось немного. В погоне за ценной шкуркой промышленники почти целиком истребили их. В настоящее время бобры водятся лишь в Белоруссии, в Смоленской, Киевской, Черниговской и Тамбовской губерниях, а также на северном Урале и в Урянхайском краю. Раньше же они водились почти повсеместно.

Для того чтобы сохранить этого зверя, советским законом воспрещено убивать его, и созданы заповедники. Данный бобровый заповедник организован в 1923 году лесничим Н. Н. Спицыным. Он охватывает речку Усманку на 15 километров в длину. С тех пор, как бобры охраняются специальным штатом сторожей, они значительно размножились. Так, например, на 3000 гектарах земли по Усманке в настоящее время их живет не менее 120—150 штук, а года три назад было всего 50—60.

Родной брат нашего бобра — канадский бобр — прекрасно плодится в особых загородках или отведенных ему озерах. В Канаде существуют так называемые бобровые фермы, приносящие хозяевам значительный доход. Разведение бобра у нас в Союзе вполне возможно. Заповедник же сможет поставлять племенной материал.

Выйдя из дома, мы с Николаем Андроновичем направились к речке. Она протекала за восточной стеной бывшего монастыря. Красивая уютная речка. По берегам ее — непролазные кусты ивняка, камыши. На воде, тихой, бархатистой — заросли ряски; кувшинки и лилии раскинули широкие листья; то-и-дело расходятся круги от всплескивающейся рыбы.

Лодка Николая Андроновича оказалась ужасным корытом. «Поперек себя шире, а все норовит перекинуться», — говорят про подобные посудины волжские рыбаки. Я сел посредине на дощечку, изображавшую скамейку, хозяин же — на корму, с одним веслом в руках. То подгребая, то отталкиваясь от дна, запутанного водорослями, Николай Андронович ловко продвигал свое корыто против тихих струй. Сначала ничего особенного не замечалось. Мы молчали и каждый по-своему наслаждались чудесным днем, зеленью, солнцем, бодрящими испарениями реки и болот и песнями камышовок.



Сигнал тревоги: бобр бьет своим лопатообразным хвостом о поверхность воды.

Но вот неожиданно для меня лодка села на мель посредине узкого протока, между островами. Перегнувшись через борт, я стал вглядываться в воду. Чуть не вылетел из лодки, но успел разглядеть — со дна поднималась куча хвороста и бревен, словно нарочно сюда набросанных.

— Бобровая плотина, — рассеял мои недоумения Николай Андронович. — Видите ли, несколько лет назад в засуху бобры натаскали сюда сучьев и бревнышек и устроили запруду. Они так всегда делают, если уровень воды сильно понижается и им становится мелко. Вот дальше поплывем — увидите и действующие плотины, которые поднимают воду на несколько вершков и образуют впереди себя заводь. Без воды бобры жить не любят, и как только она пропадает, они ее стараются удержать с помощью запруды. Хитрый зверь! Эта плотина старая, и теперь, когда в протоке воды много, ее затопило.

Упершись веслом в дно, Николай Андронович снял лодку с искусственной мели.

— Посмотрите на берега, — сказал он. — Здесь везде встречаются следы бобровой работы.

Действительно, сначала по указаниям Николая Андроновича, а потом уже самостоятельно я начал замечать необычайные изменения в окружающей природе. Кусты ивняка оказались прореженными, и повсюду торчали пеньки или валялись ветви, очищенные от коры. В густой траве виднелись утоптанные тропинки, спускавшиеся к речке и образовавшие над водой замазанные грязью и илом площадки; казалось, кто-то вытаскивал из воды ил и складывал его на берегу.

Скоро с обеих сторон к реке подступил крупный лес. Повсюду можно было наблюдать лежавшие деревья и пни, заканчивавшиеся конусом. Иные ольхи и осины еще стояли, но уже готовы были упасть; казалось, они были подсечены кругом каким-то острым инструментом. Оказывается, все это — следы деятельности бобров. Вылезая на берег, эти неуклюжие на суше животные вытаскивают с собой некоторое количество ила и грязи, которая, накапливаясь, образует площадки, и протаптывают в прибрежной траве тропинки. Кормом бобрам служит кора с прутиков ивы и стволов и сучьев деревьев. Они нередко подгрызают очень толстые стволы. Я видел ольху в 70 сантиметров в диаметре, подгрызенную почти до конца, но еще не упавшую, и ольху в 54 сантиметра, уже свалившуюся.

Употребляя кору в пищу, бобры используют бревна и сучья для постройки плотин и «хаток». «Хатку» Николай Андронович обещал мне показать дальше. Он обратил мое внимание на попадавшиеся на каждом шагу отверстия в крутых берегах речки и объяснил, что это норы бобров, которые предпочитают в этих местах жить именно в них, а не в «хатках». Хатки же они строят в более низких, болотистых местах, где нет крутых берегов и поэтому нельзя рыть норы.

Наблюдая эти интереснейшие вещи и слушая рассказы проводника, я не заметил, как пролетело несколько часов. Мы забрались, повидимому, далеко. Лес стал темнее и глуше. С речки то-и-дело, тяжело взмахивая крыльями, поднимались огромные неуклюжие цапли; с нависших над водой сучьев вспархивали изумрудные зимородки и, пронзительно попискивая, отлетали в сторону. При нашем приближении утки, встревоженно крякая, заплывали в камыши. Разбившаяся на несколько протоков речка нередко терялась в лабиринте деревьев и огромных кочек — «коблов», поросших кустами ольхи.

Николай Андронович направил лодку в один из мелких протоков. Вскоре я увидел бобровую плотину. Проток оказался запруженным баррикадой из ветвей и стволов, сцементированных песком и илом. Выше плотины проток образовал маленький прудик, вокруг которого виднелись следы деятельности бобров.

Мы вылезли на берег и, путаясь в зарослях хмеля и черной смородины, пробрались к плотине. Длина ее — $4^1/_2$ — 5 метров, ширина поверху — от $^1/_4$ до $^1/_2$ метра. Плотина была настолько крепка, что я свободно мог по ней ходить. Здесь на грязи я впервые увидел следы бобров, похожие на гусиные.

С полчаса, спотыкаясь и увязая в грязи, под натиском спугнутых с травы комаров

Бобр отделывает бревно для постройки плотины.

мы продвигались вперед. Почва становилась все более болотистой. Приходилось то-и-дело перепрыгивать через маленькие ручейки и болотца. Один раз я оступился, упал и встал весь покрытый зеленой тиной. Это было очень забавно. Каза-

лось, я нарядился в костюм защитного цвета. Николай Андронович тем временем прошел немного вперед.

— Идите сюда! Бобровую хатку нашел и... гадюку! — закричал он.

Я кинулся вперед и, раздвинув кусты, увидал, что он колотит палкой по большой куче хвороста, напоминавшей муравейник. Это и была бобровая «хатка». На ней извивалась черная болотная гадюка с перешибленным позвоночником.

— Смотрите, — показал Николай Андронович, — вот здесь, с этого бока, около хатки — лужа. Она довольно глубокая, и из нее—ниже уровня воды—в хатку есть дверь-ход. Это для того бобры так делают, чтобы посторонние зря не заходили. А внутри этой хатки есть комната — хатка-то сама в роде купола или колокола устроена. Я б вам показал, да трогать нельзя—потому звери человека недолюбливают и вмешательства в свою жизнь не терпят. Уйдут тогда из дому. Нам же поручено их беречь и охранять, чтобы они размножались...

* * *

Обратный путь мы проделали быстро; шли по течению и нигде не останавливались. Когда из лесу выглянули колокольня и белые стены, солнце уже успело добежать до каймы лесов. Мы высадились, почистились и собрались за столом у заведующего пить чай. На самоваре, на стенах, на лицах горели красные закатные блики.

— Будет дождь ночью, — сказал заведующий. — Вот вы посмотрите, как ласточки и галки беспокоятся.

И в самом деле, гнездившиеся в тихих пустых постройках ласточки, стрижи и галки, пища, крича, носились в вечернем воздухе.

После ужина мы с Николаем Андроновичем снова отправились на реку. Дело в том, что бобры — звери ночные, днем их удается увидать очень редко. В лунную же ночь, если тихо ехать на лодке или сидеть на берегу, можно наблюдать, как они плавают, вылезают на берег и производят свои работы.

Мы снова сели в лодку и поплыли к тому месту, где начинаются следы работы бобров. Впереди, на востоке взошла луна. Тихо, тихо. Только комары нападают целыми батальонами. Все птицы умолкли, кроме соловьев. Николай Андронович натренировался со своим корытом, и оно у него шло ровно и неслышно. На середине речки еще светло. Но у берегов, где нависли кусты,—мягкая темнота.

Вдруг — бум!.. Тяжелый удар по воде рассек тишину.

— Бобр прыгнул, — прошептал мне на ухо Николай Андронович.— Это он хвостом так об воду бьет—либо пугает, либо своих предупреждает об опасности.

Из прибрежной темноты к лодке докатились мелкие волны.

— Смотрите, смотрите, — снова зашептал Николай Андронович, — вон там плывет, — и показал мне рукой налево.

Пересекая лунную дорожку, спокойную воду бороздило темное тело. Я вгляделся и различил круглую голову, горб спины и что-то плоское, тянувшееся сзади.

Снова — бум! На том месте, где я только что видел плывущего зверя, расходятся круги и падают на воду искрящиеся в лунном свете брызги. Бобр нырнул.

К сожалению, дальше нам пробраться не удалось. Внезапно вершины деревьев зашумели. Наступавшие с запада тучи закрыли все небо и проглотили луну. Стало темно. Мы повернули домой. Николай Андронович хорошо знал дорогу, тем не менее мы не раз натыкались на берег. В конце концов, наехав на какой-то пень, мы вывернулись из лодки. Усманка не глубока, и мы выбрались на берег. Однако лодку достать не могли— она застряла где-то у противоположного берега. Мы двинулись пешком. Пошел дождь. Стало холодно. Наконец добрались до дому. Над нами все смеялись. А по крышам шагал ветер и стучал дождь...

Наутро мне нужно было уезжать. Погода исправилась. Ослепительное солнце, сверкающие листья и хор соловьев и малиновок провожали меня, пока я ехал на тряских дрожках от Толшей до станции Графской.

В. А. Сытин.

Галлерея колониальных народов мира

БУШМЕНЫ

(К таблицам на 4-й стр. обложки)

Бушмены представляют собой остаток древнейшего до-негритянского населения Африки. Очень вероятно предположение ученых, что они проделали в доисторические времена длинный путь с севера на юг через весь материк, теснимые все новыми и новыми ордами переселенцев, пока не нашли себе прибежища в степях южной оконечности Африки и в пустыне Калахари.

В этой почти безводной, с очень скудными возможностями для жизни пустыне удержалась кучка бушменов около 5000 человек, окруженная с севера и востока племенами негров банту, с юга и запада — готтентотами.

Бушмены не похожи на окружающих их со всех сторон негров. Кожа их не черная и не шоколадная, а блекло желтая, роста они поразительно маленького (145 — 155 *см*), телосложение имеют хрупкое, лицо — с тонкими губами, а на голове черные волосы, которые так свиваются у мужчин и женщин в колечки, что образуют как бы перечные зерна, между которым просвечивает кожа.

Крайняя сухость воздуха, недостаток питания и всегда подвижная жизнь наложили на их внешний облик неизгладимый отпечаток. Кожа их похожа на дубленый сафьян и на животе и сочленениях образует крупные складки; они так худощавы, что мускулы часто выступают из-под кожи так же рельефно, как на египетских мумиях. Лишь женщины накапливают запас жира в ягодицах, которые достигают у них необыкновенно сильного развития, что является требованием бушменской красоты (стэатопигия).

Язык бушменов замечателен своими семью щелкающими звуками и почти недоступен для произношения европейца. Эти щелкающие звуки, входящие в состав слов, можно сравнить разве со звуками, которые мы производим для понукания лошади или когда щелкаем языком в знак сожаления.

Бушмены — первобытные бродячие охотники и собиратели. Они не знают ни скотоводства, ни земледелия. Они бродят по стране небольшими группами, часто семьями, собирая то, что дает природа, не делая запасов, не заботясь о будущем. Для питания им служат всевозможные клубни и корневища растений (женщины выкапывают их из земли, подобно австралийкам, острой палкой с надетым на нее каменным грузилом), тыквы и дикие арбузы, которые, несмотря на их горький вкус, часто служат единственным средством утоления жажды в пустыне.

Одежда женщин крайне примитивна. Она состоит из двух кожаных передников, из которых один надевается спереди, другой сзади. Иногда они накидывают на себя плащ, сшитый из нескольких кож, который помогает им укрывать и носить детей. Ночью он служит одеялом. На шею надевают ожерелье из пластинок, приготовленных из скорлупы страусовых яиц. Кожа натирается жиром, но обычно скрыта от непосредственного наблюдения коркой, образующейся оттого, что бушмены зарываются по ночам в горячую золу или в песок у костра. Отправляясь на поиски пищи, женщины надевают мешок из шкуры антилопы и сетку из волокон мимозы, в которой помещается скорлупа страусового яйца с запасом воды. Отверстие яйца затыкается травой.

Карта распространения бушменов (показано штриховкой).

Страусовые яйца вообще заменяют бушменам глиняную посуду. Кроме этой «посуды», добываемой охотой, они употребляют еще деревянные чашки и ложки, которые еще недавно вырезали каменными ножами. Этими предметами почти и ограничивается женское хозяйство, что вполне понятно, так как все свое хозяйство бушмены, не имеющие домашних животных, должны переносить на себе.

Мужчины носят не два, а только один небольшой передничек впереди, волосы красят красной охрой, украшают их страусовыми перьями и заячьими хвостами. Отправляясь охотиться на антилоп, они употребляют еще беговые сандалии — для защиты ног от раскаленного песка и для того чтобы устраивать, подымая ими пыль, завесу из песка, что помогает охоте.

Антилопу преследуют обычно трое мужчин, которые иногда в течение целого дня бегут за ней по следам с копьем и луком в руках, не давая животному отдыха и не позволяя ему остановиться где-нибудь на траве для еды. В беге они проявляют поразительную выносливость, лучшим доказательством которой является то, что преследуемая антилопа

к концу дня неизбежно обессиливает и падает жертвой их неутомимости.

Стрелы бушмены отравляют быстро действующим ядом. Стрелы имеют обламывающиеся костяные наконечники, которые остаются в теле раненого животного. Приготовляются эти наконечники из голени антилопы или из ноги страуса и вставляются в тростниковое древко стрелы только перед самым выстрелом. Раненая антилопа под действием яда не может убежать далее нескольких десятков метров. От яда своих стрел бушмен оберегается крепким колчаном, в котором держит мягкое дерево с размоченным для впитывания яда концом.

Во время военных походов стрелы, совсем готовые к употреблению, прикрепляются венцом вокруг головы.

Соседние негрские племена боятся бушменов. Об образе их жизни ходит овеянная таинственностью легенда. Вот, например, характеристика, данная кафром, когда его спросили о жизни бушменов: «Абатоа (так называют кафры бушменов) гораздо меньше остальных людей. Они прячутся в траве и спят в муравьиных кучах. Они живут в высоких скалах, родина их там, где они убивают дичь. Они съедают ее целиком и отправляются дальше. Их очень боятся, но не из-за их роста или внешности. Они исчезают в траве. Охотник неожиданно узнает о близости абатоа, когда его уже пронзила стрела, но того, кто спустил стрелу, он не видит. Абатоа подобны мухам, которые неизвестно откуда прилетают...»

Бушмены не живут дружно и с родственными им готтентотами. Часто, побуждаемые голодом, они угоняют у готтентотов стада рогатого скота. Впрочем, похищенным скотом бушмены тяготятся и стараются его скорее убить и съесть.

Бушмены охотятся и на слонов, загоняя их в ловчие ямы, но особенно интересна их охота на страусов. Бушмены поразительно подражают повадкам животных.

Уменье подражать движениям страуса используется для охоты. Бушмен кладет себе на плечи подушку, утыканную перьями страуса, с прикрепленными к ней головой и шеей птицы и вымазывает себе ноги белой краской. В таком костюме он приближается к группе страусов против ветра, при чем движения его так натуральны, что даже на расстоянии в 120—130 метров птицы его не узнают. Подойдя на выстрел, охотник бьет страусов отравленной стрелой.

Подражание движениям животных лежит в основе бушменских танцев, в которых участвуют оба пола. Танцам бушмены предаются с большой страстностью. Есть танцы дикобраза, павлина, антилопы, страуса. Во время этих танцев тело раскрашивается разными красками, подобно тому, как у австралийцев.

Охоту на страусов, на антилоп, войну с кафрами и целый ряд бытовых сцен бушмены изобразили в красках на скалах и камнях. Их рисункам свойственна поразительная близость к природе (реалистичность) и большая художественность. Ученые высказывают предположение о связи традиций их искусства с искусством человека ледникового периода в Европе.

Как и австралийцы, бушмены посвящают мальчиков при наступлении половой зрелости в тайны и законы племени.

Кочующие орды бушменов являются замкнутыми в общественно-политическом отношении единицами, не имеющими высших (племенных) объединений, и власть в орде (состоящей из одной или нескольких родственных семей) осуществляется старшим или сильнейшим в ней.

Район распространения бушменов (пустыня Калахари и страна бечуанов) целиком входит во владения Великобритании и ее доминиона Южно-Африканского Союза. Английские колонизаторы и здесь ведут себя как всюду: бушмены весьма быстро вымирают, и им грозит полное исчезновение.

Редакция группы журналов «Всемирного Следопыта» поздравляет Госиздат РСФСР с десятилетием его существования.

Привет советскому издательству, сумевшему за десять лет стать крупнейшим в мире и нужнейшим в стране, идущей к социализму!

Обо всем и отовсюду

ДУЭЛЬ ЦИФР.

В Баку состоялся интересный турнир между мировой знаменитостью вычислителем Арраго и местным инженером Шишкиным — восходящей звездой в области молниеносного вычисления. Два человека-арифмометра в течение нескольких часов оперировали в уме астрономическими цифрами, соперничая друг с другом в быстроте и точности ответов. Об этом турнире рассказывает газета «Бакинский Рабочий».

Большой зрительный зал оперного театра полон, наэлектризован. Идут выборы жюри состязания. В его состав входят представители профессуры, Госплана, Баксовета, печати и т. д. Первые два отделения посвящены самостоятельным выступлениям соперников.

Первым выступает Арраго. Особенно поражают его «сложения». Повернувшись к доске, где написан ряд неизвестных шестизначных чисел, человек-арифмометр, взмахнув дрожащими руками, набрасывается на доску, как на врага, и, нанося по ней удары куском мела, выписывает корявыми цифрами сумму. Слева направо и совершенно точно!

Во втором отделении Арраго заменяет другой живой арифмометр — инженер Шишкин. В течение двух часов он логарифмирует, дифференцирует, потенцирует, — словом, производит в уме совершенно невероятные математические вычисления. На самые сложные из них, требующие для рядового математика, вооруженного таблицей логарифмов, карандашом и бумагой, иногда до получаса, Шишкин затрачивает не более 5 минут.

Как различны соперники, выключившие в эти минуты из своего сознания весь мир, кроме мира чудовищных цифр.

Маленький Арраго топчется на месте своими почти несгибающимися ногами, потрясает в воздухе дрожащими руками и, высоко подняв голову, смотрит на зрительный зал невидящим взором. Кажется, что перед вами не гениальный калькулятор, а объятый пламенным экстазом религиозный фанатик или... или жертва сильной контузии.

Рослый Шишкин, в противоположность своему конкуренту, согнут в три погибели. Он хочет свернуться улиткой, уйти в себя. Мягко и робко шагает по сцене.

Антракт. Члены жюри составляют задание. В их распоряжении два арифмометра и опытные математики. После некоторых усилий задачи составлены.

Первая — самая сложная, комбинированная: сложить шесть двенадцатизначных чисел, потом сложить четыре двенадцатизначных числа; из первой суммы вычесть вторую и к полученному результату прибавить сумму произведений четырех пар четырехзначных чисел. Все это проделать в уме и только конечный результат написать.

Вторая задача: умножить шестизначное число на шестизначное.

И, наконец, последняя: извлечь кубический корень из цифры, превышающей 100 миллиардов!

Бой начинается. В этот момент наибольшего напряжения, когда нужно не только решить нечеловеческую задачу, но и опередить конкурента, — оба соперника от волнения работают ниже своей силы. Арраго часто поднимается со стула, мутными глазами глядя куда-то в неизвестность, потрясает руками перед самыми лицами членов жюри, точно хочет нанести удар. Шишкин «ходит сидя». Он прикован к стулу, но ноги его беспрерывно двигаются в разных направлениях.

Чудовищная работа мозга окончена почти одновременно. Абсолютно точного ответа не дает никто. Однако победителем первой—самой сложной—задачи выходит Шишкин. Его ответ значительно точнее. Он дает 10 правильных цифр, Арраго — 7. Вторая задача — менее сложная и менее ценная — приносит такую же пропорцию в победе Арраго. Наконец третья и последняя: кубический корень из 325 миллиардов «с хвостиком»!

Едва лишь успевает член жюри выписать это число на доске, как Арраго, передернувшись, невнятным голосом кричит: «Готово!» и быстро заносит на бумагу ответ. Три секунды!

Но что с Шишкиным? Уже четвертую минуту он сидит за вычислением. Неопытный в учете своих сил, инженер растратил себя в значительной степени во втором отделении, забыв о соревновании. Наконец, готов и его ответ. Идет проверка: у Шишкина небольшая ошибка, Арраго — точен.

В третьем часу ночи жюри выносит постановление: признать обоих выступавших феноменами. Признать превосходство Арраго в быстроте вычислений и превосходство Шишкина в точности выполнения сложных комбинированных заданий. Суд примиряет врагов. Феномены, дравшиеся герметически закупоренным в черепные коробки оружием, пожимают друг другу руки... Турнир цифр окончен.

ПОДЗЕМНЫЕ ГОРОДА.

В пустынных местностях Северной Африки существуют любопытные подземные города, имеющие нередко тысячелетнюю давность. Один из таких городов в тунисской пустыне Матмата является даже окружным административным центром. Город этот строился не вверх, как обычные города, а вниз, на три и даже на четыре этажа в глубь. Под землей устроены жилые помещения, находятся школы, лавки, мечети, помещения для собраний и другие, составляющие непременную принадлежность всякого города.

На поверхности пустыни, над местом расположения города, видны только глубокие

отверстия, напоминающие по внешнему виду кратеры вулканов. От них в глубь идут подземные коридоры, спускающиеся почти на 10 метров. Каждая семья занимает отдельное помещение, устроенное в самом нижнем этаже. В верхних этажах хранятся продовольственные припасы и устроены рабочие комнаты. Обстановка самая несложная: не существует никаких кроватей и мебели, заметно мало даже рабочих орудий и инструментов. Тем не менее, в городе имеются ремесленники всякого рода: ювелиры, кузнецы, седельники и др. Женщины на станках первобытного устройства ткут домашние ткани, шьют из кож сандалии и исполняют разные дамашние работы. Одним словом, в городе можно найти все необходимое в человеческом обиходе.

Подземные города подобного устройства находятся в горных цепях, пересекающих в разных направлениях Сахару, в Алжире и Тунисе. Население их, принадлежащее к племенам семитического происхождения и берберам, отличается настолько крепким здоровьем, что даже постоянное проживание под землей не отзывается на них сколько-нибудь вредным образом.

Б. Вл.

МОРСКАЯ КОРОВА.

Гигантские птеродактили, ихтиозавры и мастодонты, населявшие землю десятки тысяч лет назад, сохранили о себе память лишь благодаря искусству ученых-палеонтологов. Кропотливо ювелирными методами работы изучая и сличая тысячелетиями хранившиеся в недрах земли фантастической формы костей и отпечатки скелетов на мягком сланце, ученые не только воссоздают до мельчайших деталей внешний облик доисторического зверя, но и определяют его образ жизни, привычки, характер.

Однако не надо углубляться в века для того чтобы встретить вымерший вид животного. Не тысячелетия, а десятки лет отделяют нас от тех времен, когда морские просторы, дремучие леса и знойные пески земли населяли диковинные звери, ставшие теперь объектом изучения палеонтологов.

К числу таких животных относится так называемая морская корова (Rhytina gigas). Исключительные по своей ценности скелеты этого животного сохранились, как сообщает «Тихоокеанский Экран», лишь в Хабаровском и в одном из американских музеев.

Еще в XVIII столетии морские коровы в изобилии водились в северной части Тихого океана, прилегающей к Берингову морю и расположенным здесь островам. Здесь именно была открыта морская корова академиком Стеллером, спутником знаменитого путешественника Беринга. На острове Беринга, где потерпело крушение судно экспедиции и где от цынги умер сам Беринг, животное держалось отмелей, поросших морской травой, целыми стадами.

Стеллер был единственным из ученых, наблюдавшим это причудливое млекопитающее, жившее в морских глубинах. Ученый так впоследствии описывал свои наблюдения: «Эти животные, подобно домашнему рогатому скоту, живут стадами в море. Обыкновенно самец и самка ходят рядом, а детеныши пасутся на берегу впереди них. Во все время года они повсеместно держатся на острове в самом большом количестве, так что все обитатели восточного побережья Камчатки ежегодно могли бы делать изобильные запасы мяса и сала этого животного».

Морская корова была грандиозной по размерам. «Самые крупные экземпляры, — пишет Стеллер, — достигали 8 — 10 метров в длину, а в области пупка — 5 — 6 метров в толщину. Мясо морской коровы было очень вкусным и питательным. Вес всего животного со шкурой, жиром, костями и внутренностями составлял в среднем 480 центнеров! Кожа имела двойной слой — наружная оболочка была черной или чернобурой, толщиной в дюйм, прочная, как пробковое дерево. Нижний слой кожи был белого цвета, толще бычачьей. Этот слой отличался особенной крепостью. Под этими обоими слоями кожи все тело животного облегали лоскуты жира и сала толщиной в четыре пальца, затем шло мясо. Жир сладостью и вкусом превосходил лучший бычачий жир; топленый, он имел цвет и свежесть деревянного масла, а вкус — миндального масла».

Из описания Стеллера видно, что морская корова сильно отличалась от других морских животных подобного рода. Вместо зубов она имела четыре жевательных пластинки; до пупка животное походило на тюленя, а от пупка до хвоста — на рыбу; скелет головы походил на лошадиный».

Прослышавшие о таком ценном животном промышленники-китоловы и охотники валом повалили в Берингово море. Беспощадное истребление длилось не более 20 лет, и уже в 1768 году промышленник Попов прикончил последний экземпляр этого любопытного морского зверя.

Н.

Зарисовка морской коровы, сделанная Вакселем, спутником Беринга. Единственный сохранившийся рисунок.

Шахматная доска „Следопыта"

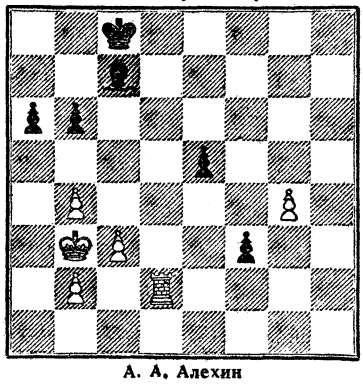
Отдел ведет Б. Д. Ильинский

АНАЛИЗ ЧЕМПИОНА МИРА.

Нижеприводимый конец партии, игранной в международном турнире в Вене в 1922 г., показывает, каким специальным «мозговым инструментом» надо обладать, чтобы сделаться чемпионом мира в шахматах.

Весь анализ Алехиным сделан за доской—в обстановке напряженной турнирной игры.

С. Г. Тартаковер



А. А. Алехин

Последний ход (35) черных был:

35 . . . f4—f3!

«Что же делать белым после хода в партии, чтобы избегнуть ничьей или даже не проиграть?

Вот несколько вариантов:

I. 36. Крb3—c4 e5—e4, 37. Крc4—d4 Сc7—f4, 38. Лd2—f2 e4—e3, 39. Лf2 : f3 e3—e2 и черные выигрывают.

II. 36. Крb3—c2 e5—e4, 37. Лd2—d4! e4—e3 38. Крc2—d1 Сc7—g3, 39. Лd4—e4 e3—e2+, 40. Крd1—d2 Сg3—h4, 41. Лe4—e5 Сh4—g3 и ничья.

III. 36. g4—g5 e5—e4, 37. Лd2—d5 (если 37 g5—g6, то Сc7—e5 в связи с 38. e4—e3, и черные выигрывают) 37... f3—f2, 38. Лd5—f5 e4—e3, 39. g5—g6 e3—e2, 40. g6—g7 e2—e1Ф, 41. g7—g8Ф+ Крc8—b7, 42. Фg8—d5+ Крb7—a7, и белые не могут выиграть из-за угроз 43... f2—f1Ф или 43... Фe1—d1+.

IV. 36. Лd2—h2 e5—e4, 37. Лh2—h8+ Крc8—d7, 38. Лh8—f8 Сc7—g3, 39. g4—g5 Сg3—d6! 40. Лf8—f6 Сd6—e5! 41. Лf6—f7+ Крd7—e6 и черные делают ничью, нападая на ладью, которая не может уйти с линии f.

И все же выигрыш есть!

36. Лd2—d5!! . . .

Варианты, поясняющие этот бессмысленный на первый взгляд ход (ладья атакует защищенную пешку и позволяет другой итти вперед) покажутся простыми, если понять основную идею белых.

Черные пешки безопасны:

1. Когда они находятся на полях цвета их слона, так как тогда король белых может их легко задержать. Например: 36...f3—f2, 37. Лd5—d1 e5—e4, 38. Крb3—c2 Сc7—f4, 39. Лd1—f1 и 40. Крc2—d1 и т. д.

2. Когда ладье удастся напасть на них сзади (аналогично варианту IV предыдущего примечания), но без потери времени. Например: 36... e5—e4, 37. Лd5—f5 Сc7—g3, 38. g4—g5 e4—e3, 39. Лf5 : f3 e3—e2, 40. Лf3—e3 и белые выигрывают».

Партия продолжалась так:

36.	. . .	e5—e4
37.	Лd5—f5	Сc7—g3
38.	g4—g5	Крc8—d7

Единственный ход в виду несостоятельности e4—e3.

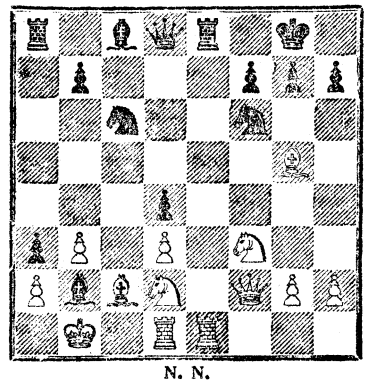
39.	g5—g6	Крd7—e6
40.	g6—g7	Крe6 : f5
41.	g7—g8Ф	Сg3—f4
42.	Фg8—f7+	Крf5—g4

На 42... Крf5 — e5 белые выигрывают ходом 43. c3—c4!

43.	Фf7—g6+	Сf4—g5
44.	Фg6 : e4+	Крg4—g3
45.	Фe4—g6	Крg3—g4
46.	Фg6 : b6	Сдался.

А вот конец одной партии А. А. Алехина, игранной им в сеансе одновременной игры не глядя на доску:

А. Алехин

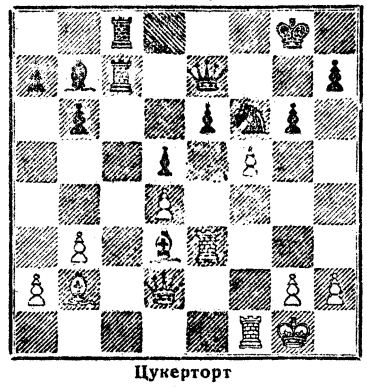


N. N.

1.	...	Кf6 — d5!
2.	Лe1 : e8 +	Фd8 : e8
3.	Кd2 — e4	Фe8 : e4
4.	Сg5 — d2	Фe4 — e3
5.	Лd1 — e1!	Сc8 — f5
6.	Лe1 : e3	d4 : e3
7.	Фf2 — f1	e3 : d2
8.	Сc2 — d1	Кc6 — b4
9.	∞	Кd5 — c3 ×

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ОБРАЗЦЫ ШАХМАТНОЙ МЫСЛИ.

Блэкберн



Цукерторт

Последний ход белых был:

f4—f5 . . .

Стейниц так охарактеризовал его: «Это — начало замечательной концепции грандиозного масштаба».

Как скоро крепкая позиция черных от последовательных ударов белых превратилась в обломки,— разбор этого и восхищает и учит.

1.	. . .	Кf6—e4
2.	Cd3 : e4	d5 : e4
3.	f5 : g6!	Лc7—c2
4.	g6 : h7+	Крg8—h8
5.	d4—d5+	e6—e5
6.	Фd2—b4	Лc8—c5

Если 6... Фe7 : b4, то белые скоро дают мат.

7.	Лf1—f8+	. . .

«Предыдущие ходы и только что сделанный ход белых составляет одну из величайших комбинаций, может быть, даже самую красивую из всех, которые когда-либо были созданы на шахматной доске». (Стейниц).

8.	. . .	Крh8 : h7
9.	Фb4 : e4+	Крh7—g7
10.	Cb2 : e5+	Крg7 : f8
11.	Ce5—g7+	Крf8—g8
10.	Фe4 : e7	Сдался.

Некоторые афоризмы маэстро С. Г. Тартаковера о шахматах.

Шахматы—борьба, но главным образом против собственных ошибок.

Шахматная игра облагораживает человека, так как полна разочарований.

Хромающий конь иногда надежнее скачущего.

«Тихий» ход действует часто как землетрясение.

«Ищи сопротивления»—было любимым лозунгом Андерсена.

Если королевский гамбит—прыжок в пропасть, то ферзевый гамбит—прыжок в канаву,—(этот вывод уважаемый маэстро сделал потому, что оба эти гамбиты ему плохо удавались).

«Жертвовать» всего лучше... чужие фигуры.

Изолированные пешки требуют для поддержания их жизни очень дорогих микстур.

Часто только с эндшпиля и начинается партия.

«Шах!» слышится. «Мат!» уже не слышится.

Встречали ли вы когда-нибудь партию без ошибок?

Партия имеет три фазы: первая, в которой надеются, что стоят лучше; вторая, в которой верят, что стоят лучше, и третья, в которой видят, что стоят хуже.

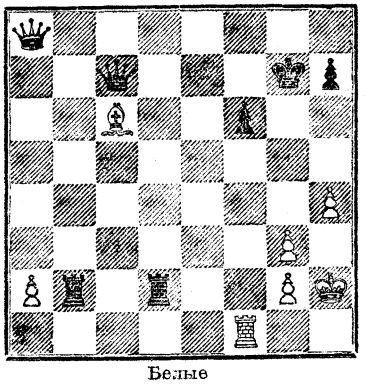
«Пижоны» тоже знают, но... плохо.

Ничья может случиться не только при повторении трех ходов, но также и в результате одного слабого хода.

Матч доказывает меньше турнира, а турнир вообще ничего не доказывает.

КОНЕЦ ПАРТИИ.

Черные



Белые

Ход черных. Чей выигрыш?

Ответственный редактор **И. Я. Свистунов.** Заведующий редакцией **Вл. А. Попов.**

К СВЕДЕНИЮ ГОДОВЫХ ПОДПИСЧИКОВ на журнал «ВС. СЛЕДОПЫТ»

15 июня истекает срок уплаты очередного взноса для годовых подписчиков, пользующихся рассроч. платежа (по 1 абонементу — 2 руб. 50 коп., по 2 абонементу — 2 руб., по 3 абонементу — 2 руб. 50 коп.), в виду чего Издательство напоминает о срочном переводе денег. (Доплату надлежит производить по месту первоначальной подписки.)

В случае невысылки денег до 15 июня, высылка изданий с июля прекращается, и Издательство, в виду ограниченности тиражей, не гарантирует возобновление подписки.

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ на «ВС. СЛЕДОПЫТ» по 3-му абонементу

В виду поступающих от подписчиков запросов о порядке рассылки книг сочинения Джэка Лондона, сообщается, что подписчики по 3-му абонементу получают ежемесячно по 2 книги из 2-й половины собрания сочинений (с 25 по 48 кн.); книги первой половины собрания сочинений (с 1 по 24 книгу — выходившие в 1928 году) рассылаются постепенно по мере выхода их из печати и закончатся рассылкой до октября месяца.

ВСЕРОССИЙСКОЕ АКЦ. О-ВО

«СОВЕТСКОЕ КИНО»

ЗОЛОТОЙ КЛЮВ

По повести А. КАРАВАЕВОЙ

Сценарий и постановка режиссера Евг. **Червякова** ▫ I оператор Свят. **Беляев** ▫ II оператор Алекс. **Сигаев** ▫ Художник Семен **Мейнкин** ▫ Ассистент-режиссер М. **Гавронский**

В ГЛАВНЫХ РОЛЯХ:

Управитель	Кон. **Гибшман**
Управительница	Арт. **Садовская**
Веринька	Анна **Стэн**
Власть военная	Борис **Ливанов**
Рабочие из крестьян	Ген. **Мичурин** Сергей **Минин**
Братья Шушины	Б. **Дмаховский** Михаил **Гипси**
Щоголь	Петр **Березов**

БУШМЕНЫ. Охота на страусов.

БУШМЕНЫ. Бивак орды в пустыне.